ББК 88я7
УДК 159.9(075)
К67

Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.
К67 Методологические основы психологии. — СПб.: Питер, 2006. — 320 с.: ил. — (Серия «Учебное пособие»).

ISBN 5-94807-015-8

Несмотря на то что курс «Методологические основы психологии» является обязательным для специалиста-психолога, а интерес к данной области психологии усиливается, соответствующих университетских учебников до сих пор не существует. Этот пробел во многом восполняется настоящим изданием, в котором много внимания уделяется анализу методологии науки как особому типу знания, а также сущности научного знания в психологии. Изменение критериев научности, смена парадигм в психологии и связи психологического объяснения с используемыми методами — эти проблемы предваряют анализ основных принципов психологического исследования. Соотношение теории, закона и методов психологии раскрывается на фоне обсуждения одной из центральных проблем — проблемы кризиса (в разных вариантах ее осмысления и понимания возможностей ее разрешения).

Книга рекомендуется студентам и аспирантам, а также преподавателям и исследователям в различных областях психологии и методологии научного знания.

ББК 88я7
УДК 159.9(075)

ISBN 5-94807-015-8

Оглавление

Глава 1. Общие представления о методологии науки

1.1. Понятие метода в узком и широком смысле

В словарях и энциклопедиях обычно дается определение методологии как учения о методе, под которым, в свою очередь, понимается совокупность приемов, способов, регулятивных принципов познавательной деятельности[1], обеспечивающих ей «верный путь к цели», т. е. к объективному знанию. Соответствие, сообразность действия поставленной цели есть то исходное значение метода в широком смысле — как «пути к цели», которое нередко заслоняется пониманием его в качестве характеристики операциональной стороны действия (способ, прием и т. п.). Такое более широкое понимание метода можно найти, например, в Философской энциклопедии, где он определяется как «форма практического и теоретического освоения действительности, исходящего из закономерностей движения изучаемого объекта» [Философская энциклопедия, 1964, т. 3, с. 309].

Метод (в широком смысле) — путь познания, опирающийся на некоторую совокупность ранее полученных общих знаний (принципов).

Методология — учение о методах и принципах познания.

Можно выделить по крайней мере два понимания методологии, развиваемых: 1) как представленное при рефлексии теории познания понимание метода в указанном широком смысле и 2) как учение о системе методов (в узком смысле), посредством которых в рамках той или иной науки в ходе теоретического или теоретико-эмпирического исследования проверяется правдоподобие (или истинность) теории (или теоретической гипотезы).

Таким образом, в методологии психологии должно присутствовать как общефилософское представление о методе и связи его с принци-

[1] Методологический аспект может быть вычленен не только в познавательной, но и в любой другой деятельности. Предметом анализа в данном учебнике является методология познавательной и, у́же, научной деятельности.

пами познания, так и более детально разрабатываемое в методологии науки (или в науковедении) понимание методов как системы исследовательских способов отношения к познаваемой действительности.

Метод (в узком смысле слова) представляет собой реализацию определенного познавательного отношения к изучаемой действительности, направляющего организацию исследования и предполагающего использование соответствующих приемов и процедур исследования.

Так, «пассивный» метод наблюдения отличается от экспериментального метода как «активного» тем, что при втором методе для проверки каузальных гипотез реализуется активное отношение — посредством вмешательства в изучаемые реалии. В психологии второе понимание методологии предполагает выделение системы методов, направленных на достижение цели познания (и реконструкций) психологической реальности. Однако вернемся к первому из названных выше пониманий метода.

В общей методологии науки принимается положение, что метод находится в неразрывном единстве с теорией[1]: любая система объективного знания может стать методом. По существу метод — это сама удостоверенная практикой теория, обращенная к практике же исследования; любой закон науки, будучи познанным, выступает и как принцип, и как метод познания. В этом смысле правомерно говорить о методе как теории в действии.

Поскольку метод связан с использованием предварительных знаний, методология может подразделяться на две части: учение об исходных основах (принципах) познания и учение о способах и приемах исследования, опирающихся на эти основы.

В учении об исходных основах познания анализируются и оцениваются те философские представления и взгляды, на которые исследователь опирается в процессе познания. Следовательно, эта часть методологии непосредственно связана с философией, с мировоззрением, априорным принятием некоторых посылок. В учении о способах и приемах исследования рассматриваются общие стороны частных методов познания, составляющих общую методику[2] исследования.

В этом определении сняты крайности понимания методологии как исключительно философско-мировоззренческого основания познания

[1] Проблематичность этого положения будет затронута далее при обсуждении вопросов относительной независимости психологических теорий и выбираемых методов их эмпирической проверки.

[2] Такое понимание общей методики не следует путать с пониманием методики как способа фиксации данных, отвечающих представлениям о классификациях собственно психологических методик.

или только как набора технических средств, приемов, процедур исследования. Вторая из названных точек зрения свойственна ученым и философам позитивистских ориентаций, которые отрицают важную роль мировоззрения в познании.

Итак, говоря о **методологии**, мы имеем в виду особую форму рефлексии, самосознания науки (особый род знания о научном знании), включающую в себя анализ предпосылок и оснований научного познания (прежде всего философско-мировоззренческих), методов, способов организации познавательной деятельности; выявление внешних и внутренних детерминант процесса познания, его структуры; критическую оценку получаемых наукой знаний, определение исторически конкретных границ научного познания при данном способе его организации [Юдин, 1978]. Применительно к конкретной науке методологический анализ включает также ответы на вопросы о предмете науки, в том числе о критериях, отграничивающих ее предмет от предмета смежных с ней наук; об основных методах данной науки, о строении ее концептуального аппарата. К методологии относятся также анализ используемых в науке объяснительных принципов, ее связей с другими науками, критическая оценка получаемых результатов, общая оценка уровня и перспектив развития данной науки, и ряд других вопросов.

Прежде чем рассмотреть строение и функции методологии в научном познании, необходимо обсудить соотношение понятия методологии с близкими ему понятиями рефлексии, философии, мировоззрения, науковедения.

1.2. Соотношение понятий «наука», «философия» и «мировоззрение»

Вопросы соотношения философии и науки, их специфика широко обсуждаются в современной философской литературе. В западной философии существуют две тенденции в решении вопроса о соотношении философии и науки. С одной стороны, такие иррационалистические концепции, как экзистенциализм, философия жизни, философская антропология, полностью отвергают значение науки для формирования философского мировоззрения и даже рассматривают ее как враждебную человеку силу. С другой стороны, неопозитивизм (прежде всего сциентизм) признает собственно научное познание высшей культурной ценностью, способной без других форм общественного сознания обеспечить ориентацию человека в мире. Согласно второй точке зрения, философия должна отбросить мировоззренческие аспекты и ценностные подходы, выступая при этом лишь в функции логики и методологии науки. И в том и в другом случае отрицается внутренняя взаимосвязь, растущая заинтересованность науки и мировоззрения друг в друге.

Фундаментальная особенность, которая отличает **философское знание** от всех других видов знания, состоит в том, что «философия специфически теоретическими средствами (и это обстоятельство определяет ее глубокую общность с наукой) выполняет мировоззренческую функцию» [Юдин, 1978, с. 82].

Из приведенных высказываний видно, что главный вопрос, который встает при рассмотрении соотношения философии и науки, касается мировоззренческих аспектов философского и конкретно-научного знания, поскольку последнее также несет высокую мировоззренческую нагрузку. Вопреки имевшейся ранее тенденции отождествлять философию и мировоззрение в философской литературе все более последовательно проводится различие философии и мировоззрения. Это различие следует и из определения мировоззрения, данного в Философской энциклопедии.

Мировоззрение — обобщенная система взглядов человека на мир в целом, на свое собственное место в нем, понимание и эмоциональная оценка человеком смысла его деятельности и судеб человечества, совокупность научных, философских, политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических убеждений и идеалов людей.

Отношение человека к миру бесконечно разнообразно. Это и обусловливает различные аспекты осознания человеком себя в мире, различные грани единого мировоззрения. Именно отношение человека к миру составляет специфику мировоззрения в отличие от других систем знания, т. е. оно включает в себя не просто знание о мире самом по себе и не просто о человеке безотносительно к миру. *Основной мировоззренческий вопрос* — это и есть вопрос о том, каково отношение человека к объективной реальности и в каком отношении она находится к человеку. Любой другой вопрос является мировоззренческим постольку, поскольку он связан с отношением такого рода, является конкретизацией основного вопроса философии. В то же время без знания двух соотносимых миров любой разговор об их отношении становится бессодержательным.

Из сказанного ясно, что мировоззренческий аспект может иметь любое знание, в том числе и конкретно-научное.

Мировоззренческое значение могут приобрести и приобретают не только эпохальные открытия, но и любые факты науки, знания, включая обыденное знание и даже знание-заблуждение. Нельзя провести

черту между знаниями мировоззренчески бессодержательными и знаниями мировоззренчески ценными. Но любые знания, в том числе и факты науки, не становятся автоматически фактом мировоззрения личности, группы людей или класса. Для приобретения этого последнего качества нужна особая работа, выполняемая — сознательно или неосознанно — носителем мировоззрения. Суть ее состоит в том, чтобы спроектировать полученный наукой результат на свой внутренний мир, придать ему не только объективное, но и обязательно субъективное значение.

Различные виды знания отличаются по своей потенциальной способности приобретать мировоззренческий статус. Данные науки благодаря своей объективности и прямому влиянию на образ жизни людей начинают приобретать все большую мировоззренческую силу, несмотря на происходящий время от времени всплеск интереса к иррационалистическим концепциям. В той или иной мере экспликация мировоззренческого потенциала научного знания осуществляется в рамках самой науки, особенно отчетливо и даже с необходимостью она должна присутствовать в общественных и гуманитарных науках, но только философия является непосредственно и собственно мировоззренческой наукой, специальной задачей которой является анализ совокупного содержания мировоззрения, раскрытие его общей основы и изложение его в виде обобщенной логической системы. Осуществляя эту задачу, она тем самым выступает как основа мировоззрения, как наиболее концентрированное и обобщенное, теоретически оформленное выражение мировоззрения.

Философия образует сердцевину мировоззренческой системы, является теоретической формой мировоззрения, его общеметодологическим ядром.

Итак, мировоззрение включает в себя не только общефилософские, но и частные положения, в том числе формулируемые частными науками. Более того, и это особенно важно подчеркнуть для психолога, мировоззрение опирается на всю духовную культуру и впитывает в себя, синтезирует в себе отражение всех форм и аспектов общественного бытия сквозь призму основного мировоззренческого вопроса об отношении человека к миру.

Философия — высший уровень сознательно отрефлексированного и теоретически оформленного мировоззрения, изложенного в систематической форме.

При этом те или иные исторически сложившиеся формы мировоззрения могут не иметь философски оформленного завершения. Мировоззрение и его теоретическое ядро — философия, выполняя общеметодологическую функцию в психологическом исследовании, вносят большой вклад в обеспечение объективности и научности получаемых в нем результатов.

Рассмотрев кратко вопрос о соотношении мировоззрения и философии и определив философию как теоретическую форму мировоззрения, необходимо отметить, что философия вскрывает и наиболее общие законы развития природы и общества. При этом философия опирается не только на науку, но и на всю совокупность духовной культуры; она использует свои специфические методы, не сводящиеся к специально-научным методам исследования (пример такого метода — рефлексия).

Принципиальное отличие философии от любой науки сводится к различию самих объектов частных наук и философии. Философия имеет своим специфическим объектом не просто действительность, освоенную в других формах сознания; она сопоставляет тип ориентации, задаваемый наукой, и все иные типы ориентации. Потому философия и является самосознанием культуры и еще шире — эпохи в целом, а не одной только науки. Философия как теоретически оформленное мировоззрение опирается на всю совокупность общественной практики, в которой наука является лишь одной из форм кристаллизации человеческого опыта. Именно ассимиляция философией всего богатства человеческого опыта позволяет ей задавать ориентиры самой науке и даже часто выполнять содержательно эвристическую функцию. Нелишне вспомнить, как часто наука «переоткрывала» на конкретном материале те истины, которые были известны философии в виде более абстрактных формулировок на столетия раньше, какую роль сыграло знание философии при совершении научных открытий в области такой точной науки, как физика (А. Эйнштейн, Н. Бор).

Рассмотрим также соотношение понятий «философия», «методология» и «науковедение». Иногда можно встретиться с утверждением, что методология — это и есть совокупность философских вопросов данной науки. Действительно, будучи формой рефлексии над научным знанием, методология науки тесно связана с философией. Следует иметь в виду, однако, что кроме философского уровня методологический анализ науки включает в себя и ряд других уровней, или этажей.

Науковедение — дисциплина, изучающая организационную специфику научной деятельности и ее институтов, осуществляющая комплексный анализ научного труда, деятельности по производству научных знаний.

К ее ведению относятся вопросы структурных единиц науки (дисциплинарное строение науки, организация междисциплинарных исследований); факторы, влияющие на эффективность работы научных коллективов; способы оценки этой эффективности и многие другие вопросы из области социологии и социальной психологии науки, наукометрии и др.

Ряд вопросов, изучаемых науковедением, имеет безусловный методологический статус, но они носят характер так называемой внешней, неспецифической рефлексии над наукой, касаются в основном социально-организационных проблем и не входят в предмет настоящего курса (социология науки, психология науки, психология ученого, этические проблемы научной деятельности).

1.3. Виды и формы рефлексии научного знания

Рефлексия — один из видов и даже методов познания, главной особенностью которого является направленность на само знание, на процесс его получения.

Можно сказать, что рефлексия является самопознанием коллективного или индивидуального субъекта. В первом случае рефлексия осуществляется над объективированными формами знания и ее условно можно назвать *объективной*, а во втором случае — над знанием, неотделимым от индивидуального субъекта, и она является *субъективной* по своей форме. Примером рефлексии над объективированным знанием является рефлексия над наукой, а примером субъективной рефлексии может служить самонаблюдение как прием познания индивидом своих собственных психических процессов.

Рефлексия представляет собой единство отражения и преобразования объекта; применение ее в исследовании приводит к творческой переделке самого изучаемого предмета. «В результате рефлексии ее объект — система знаний — не только ставится в новые отношения, но достраивается и перестраивается, т. е. становится иным, чем он был до процесса рефлексии... Столь необычное отношение между познанием и изменением объекта объясняется тем, что мы имеем в данном случае дело не с таким предметом, который существует независимо от познания и сознания, а с познавательным воспроизведением самого познания и сознания, т. е. с обращением познания на самого себя» [Лекторский, 1980, с. 266].

В отношении самопознания индивида этот тезис, берущий свое начало в гегелевском понимании рефлексии, кажется очевидным, но в отношении объективированных систем знания он имеет безусловную эвристическую ценность. В последнем случае имеет место не только выход за пределы существующей системы знания, но и преобразование ее за счет включения рефлектируемого знания в другой контекст, в новую систему отношений с другими элементами знания. При этом важнейшим механизмом приращения знания является превращение некоторого неявного знания (совокупности предпосылок и допущений, стоящих «за спиной» тех или иных формулировок) в знание явное, прямо формулируемое. Такой переход, разумеется, не остается без последствий для самого знания, он ведет к его уточнению, часто к отказу от некоторых неявно принимавшихся предпосылок. То, что раньше казалось ясным, интуитивно понятным и простым, в результате рефлексии оказывается достаточно сложным и нередко проблематичным, а иной раз просто ошибочным.

Исключительно важно понять, что всякий раз, когда отодвигаются рамки неявного, нерефлексируемого знания за счет рефлексии, неизбежно возникают новые неявные допущения, имплицитно присутствующие предпосылки. Следовательно, всякая рефлексия одновременно порождает новое неявное знание, что служит хорошей иллюстрацией диалектического характера любого акта познания. Это новое неявное знание, в свою очередь, может быть отрефлексировано и т. д. Но при этом всегда необходима некоторая «смысловая рамка», которая выполняет роль средства рефлексирования, а сама при этом не рефлексируется. Осмыслить ее можно лишь с помощью иной смысловой рамки, которая в новом контексте будет оставаться нерефлексируемой. Предел такого движения определяется теми познавательными или практическими задачами, которые необходимо решить с помощью нового знания.

Рефлексия является одной из наиболее существенных имманентных черт науки, как, впрочем, и всякого разумного действия индивида. Она предполагает не просто отображение в знании реальности, но и сознательный контроль за ходом и условиями процесса познания.

Само зарождение науки связано с переходом от дорефлективных представлений обыденного сознания к научным понятиям с помощью рефлексивных процедур. Выделение эмпирической и теоретической стадий развития науки также включает в себя в качестве одного из критериев степень отрефлексированности, осознания познавательных средств. Дальнейший прогресс научного познания заключается во все большем преодолении этой инерции обыденного нерефлективного сознания по отношению к концептуальным средствам.

Рост саморефлективности научно-теоретического мышления связан с усложнением средств познавательной деятельности, ростом количества звеньев посредников между верхними этажами теории и ее эмпирическим базисом, что приводит к появлению принципиально новых компонентов в самой системе научного знания: теоретической рефлексии над логической структурой и познавательным смыслом тех концептуальных систем, которые отображают объективную реальность. Именно эти компоненты в своей развитой форме и составляют «тело» методологии как особой отрасли человеческого знания.

Рефлексия как форма теоретической деятельности общественно-развитого человека, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов, свойственна не только научной деятельности. Она зародилась и получила наивысшее развитие в философском знании. И до сих пор, несмотря на появление рефлексии внутри самой науки, за философией сохраняется прерогатива обеспечения верхних этажей самосознания научной деятельности.

Рефлексию над философским знанием выполняет, по-видимому, сама философия, обладая в этом смысле «саморефлектирующим свойством».

С начала XX в. началось резкое расширение сферы рефлексии над наукой. Возникла принципиально новая ее форма — внешняя, «неспецифическая» рефлексия, направленная на изучение социальных условий и результатов процесса познания, в частности вопросов о роли науки в обществе и ответственности ученых за результаты своей деятельности. Что касается тенденций в развитии специфической, внутринаучной рефлексии, то, используя терминологию П. П. Гайденко [Гайденко, 1969], ее можно обозначить как движение от онтологизма через гносеологизм к методологизму.

Онтологизм характеризуется сосредоточением на отношении объекта и знания, в последнем выделяется только его объективное содержание. Познание рассматривается как поступательное движение на пути к объективной истине, и цель рефлексии заключается в контроле за правильностью этого движения, в выделении предельных оснований в объекте, открытие которых и дает ту самую единственную, искомую истину. Такой тип рефлексии наиболее характерен для эмпиризма и всей классической науки, о чем будет сказано в следующих главах.

Под влиянием немецкой классической философии и в связи с усложнением объектов конкретных наук с середины XIX в. центром самосознания науки становится отношение «субъект — объект познания». Философы начинают искать предпосылки и последние основания научного знания в формах организации познавательной деятельности, которые

влияют на содержание и логическую организацию знания. Этот тип рефлексии, условно названный *гносеологизмом*, предполагает множественность оснований познания и относительный характер истины. Об истинности знания здесь можно судить по его адекватности задаче, данному способу овладения объектом, а не по его близости к некоторой абсолютной и единственной истине, постулируемой онтологической рефлексией. Этот вид научной рефлексии характерен для неклассической стадии развития науки.

Для *методологизма* как наиболее характерного типа рефлексии современной науки (на ее постнеклассической стадии) характерна направленность на средства познания в самом широком смысле этого слова, которые были нами перечислены выше при обсуждении терминов «методология» и «метод». При этом в прикладных и экспериментальных исследованиях развитие методологизма приводит к тому, что анализ средств познания постепенно перерастает в их систематическое производство, а в некоторых частях — даже в своего рода индустрию, поскольку индустриальными становятся формы организации и характер научной деятельности. Свидетельством этого является изменение, вернее, повышение требований к самому научному результату, он должен иметь стандартизованную «инженерную» форму, т. е. быть пригодным для «стыковки», «увязывания» и использования вместе с другими результатами в ходе коллективной научной деятельности.

Конструктивный характер приобретает рефлексия на уровне методологизма и в фундаментальных науках, где идет построение идеального объекта науки, модели изучаемой реальности. Важным следствием качественного развития самосознания науки является возникновение общенаучных концепций и дисциплин, выполняющих функцию рефлексирования определенных сторон процесса познания в специальных науках.

1.4. Структура методологического знания (уровни и подходы)

Если рассматривать структуру методологии науки «по вертикали», то можно выделить следующие ее уровни: 1) уровень *философской методологии*; 2) уровень *конкретно-научной методологии*; 3) уровень *общенаучных принципов и форм исследования*; 4) уровень *методики и техники исследования*.

Философская методология имеет форму философского знания, добываемого с помощью методов самой философии, примененных к ана-

лизу процесса научного познания. Разработка этого уровня методологии осуществляется, как правило, профессиональными философами и связана с анализом наиболее общих принципов познания и категориального строя науки в целом. Философия выполняет двоякую методологическую роль: осуществляет конструктивную критику научного знания с точки зрения условий и границ его применения, адекватности его методологического фундамента и общих тенденций его развития; дает мировоззренческую интерпретацию результатов науки (в том числе и методологических результатов) с точки зрения той или иной картины мира.

Уровень общенаучных принципов и форм исследования получил широкое развитие в XX в., и этот факт предопределил выделение методологических исследований в самостоятельную область современного научного знания. К нему относятся:

- содержательные общенаучные концепции типа теоретической кибернетики как науки об управлении, концепции ноосферы В. И. Вернадского;
- универсальные концептуальные системы: тектология А. А. Богданова, общая теория систем Л. фон Берталанфи;
- собственно методологические или логико-методологические концепции: структурализм в языкознании и этнографии, структурно-функциональный анализ в социологии, системный анализ, логический анализ и др.

Они выполняют функцию логической организации и формализации специально-научного содержания. К концепциям последнего типа относится и ряд разделов математики.

Общенаучный характер концепций этого уровня методологического анализа отражает их междисциплинарную природу, т. е. они относительно безразличны к конкретным типам предметного содержания, поскольку направлены на выделение общих черт процесса научного познания в его развитых формах. Именно в этом состоит их методологическая функция по отношению к конкретно-научному знанию.

Следующий уровень — **уровень конкретно-научной методологии** — применим к ограниченному классу объектов и познавательных ситуаций, специфических для данной области знания. Обычно вытекающие из него рекомендации носят выраженный дисциплинарный характер. Разработку этого уровня методологического анализа осуществляют как методологи науки, так и теоретики соответствующих областей знания (второе, по-видимому, встречается чаще). Можно сказать, что на этом

уровне (иногда называемом частной, или специальной, методологией) определенный способ познания адаптируется для более узкой сферы знания. Но эта «адаптация» происходит отнюдь не механически и осуществляется не только за счет движения «сверху вниз», движение также должно идти от самого предмета данной науки.

Как правило, философско-методологические принципы не прямо соотносятся с принципами, формулируемыми на уровне специально-научной методологии, они прежде преломляются, конкретизируются на уровне общенаучных принципов и концепций.

Уровень методики и техники исследования наиболее близко примыкает к исследовательской практике. Он связан, например, с описанием способов, конкретных приемов получения релевантной информации, требований к процессу сбора эмпирических данных, в том числе проведения эксперимента и методов обработки экспериментальных данных, учета погрешностей. Регламентации и рекомендации этого уровня наиболее тесно связаны со спецификой изучаемого объекта и конкретными задачами исследования, т. е. методологическое знание здесь является наиболее специализированным. Оно призвано обеспечить единообразие и достоверность исходных данных, подлежащих теоретическому осмыслению и интерпретации на уровне частнонаучных теорий.

Одна из важных функций дифференциации уровней методологического знания заключается в преодолении ошибок двоякого рода:

1) переоценка меры общности знаний более низких уровней; попытка придать им философское и мировоззренческое звучание (часто встречается философская интерпретация методологии структурализма, системного подхода и других общенаучных концепций);
2) непосредственный перенос положений и закономерностей, сформулированных на более высоком уровне обобщений без преломления, конкретизации их на материале частных областей знания; например, иногда делается вывод о конкретных путях развития того или иного объекта на основе применения к нему закона отрицания отрицания и т. п.

Кроме дифференциации методологического знания по уровням все более выраженным становится процесс консолидации его по содержательным основаниям вокруг доминирующих методологических принципов и даже мировоззренческих установок. Этот процесс приводит к формированию более или менее выраженных **методологических подходов** и даже методологических теорий. За ними стоят особые методо-

логические ориентации. Многие из них строятся по дихотомическому принципу и противостоят друг другу (диалектический и метафизический, аналитический и синтетический, атомистический и холистический (целостный), качественный и количественный, энергетический и информационный, алгоритмический и эвристический).

Понятие подхода применимо к разным уровням методологического анализа, но чаще всего такие подходы охватывают два верхних уровня — философскую и общенаучную методологии. Поэтому для выполнения ими конструктивной функции в специальных науках необходима «переплавка» этих подходов с тем, чтобы они перестали быть внешними по отношению к той или иной дисциплине, а были имманентно связаны с ее предметом и сложившейся в ней системой понятий. Простой факт прогрессивности и очевидной полезности того или иного подхода не гарантирует успешности его применения. Если частная наука не подготовлена «снизу» для применения, например, системного подхода, то не происходит, образно говоря, «зацепления» между материалом частной науки и концептуальным аппаратом этого подхода, а простое наложение его «сверху» не обеспечивает содержательного продвижения.

Тот или иной подход не всегда осуществляется в явной и рефлектируемой форме. Большинство сформулированных в современной методологии подходов явились результатом ретроспективного выделения и осознания постфактум того принципа, который был реализован в наиболее успешных конкретно-научных исследованиях. Наряду с этим наблюдаются случаи прямого переноса методологических подходов и научных категорий из одной науки в другую. Например, понятие поля в гештальтпсихологии, в том числе и теория поля К. Левина, несет на себе явные следы физической теории поля.

1.5. Дескриптивная и нормативная функции методологического знания

Структурная организация методологического знания прямо связана с теми функциями, которые оно выполняет в процессе научного познания. Рефлексия над процессом научного познания не является совершенно необходимым его компонентом. Основная масса знаний применяется, так сказать, автоматически, без специального размышления по поводу их истинности, их соответствия объекту. В противном случае процесс познания был бы вообще невозможен, ибо каждый раз уходил бы в дурную бесконечность. Но в развитии каждой науки бывают

периоды, когда сложившаяся в ней система знаний не обеспечивает получения адекватных новым задачам результатов. Главным сигналом необходимости методологического анализа системы знаний является возникновение различных парадоксов, главный из которых заключается в противоречии между теоретическими предсказаниями и реально получаемыми эмпирическими данными.

Приведенное положение относится к ситуациям, когда необходима рефлексия над категориальным строем и объяснительными принципами целой науки, т. е. над сложной и объективированной системой знания. Но рефлексии могут требовать и познавательные ситуации более мелкого масштаба — несостоятельность той или иной частной теории, невозможность решения новой задачи имеющимися методами, наконец, неудачные попытки дать решение актуальной прикладной задачи. Если провести аналогию с процессами разного уровня контроля человеческой деятельности, можно сказать, что научная рефлексия того или иного уровня, так же как и осознание человеком своих собственных действий, требуется там, где имеющиеся автоматизмы не обеспечивают получения необходимых результатов и нуждаются в перестройке или дополнении.

Рефлексия и осознание нужны тогда, когда ставится задача построения нового научного знания или формирования принципиально нового поведенческого акта.

Чем же здесь может помочь методология, каковы ее функции в процессе конкретно-научного познания? Анализируя различные ответы на этот вопрос, можно встретиться как с недооценкой, так и с переоценкой роли методологии. Недооценка ее роли связана с узко эмпирическими тенденциями, игнорирующими ее философско-мировоззренческую основу. Эти тенденции характерны, как мы уже указывали, для позитивистски ориентированных подходов. Но и здесь, в новейших вариантах постпозитивистской философии науки, наблюдаются сдвиги в сторону признания важности философии и мировоззрения для научного исследования (см. п. 2.9). Рост интереса к методологическому знанию и повышение его роли в современной науке являются совершенно объективным и закономерным процессом, в основании которого лежат такие причины, как усложнение задач науки, появление новых организационных форм научной деятельности, увеличение числа людей, вовлекаемых в эту деятельность, рост затрат на науку, усложнение используемых средств. Одна из главных причин естественного роста «спроса на методологию» связана с превращением занятий научной деятельностью в массовую профессию, в методологии начинают искать фактор, обес-

печивающий эвристическую компенсацию — восполнение продуктивных возможностей среднестатистического индивида.

При этом часто складывается наивное представление, что все в науке сводится к отысканию подходящих методов и процедур, применение которых автоматически обеспечит получение значимого научного результата. Действительно, часто для решения проблемы необходимо именно найти адекватный метод, но сделать это, особенно если речь идет о новом методе, невозможно только за счет движения «сверху». Становится все более ясно, что сама по себе методология не может решать содержательных научных задач. Недостаточное осознание этого факта порождает «потребительское» отношение к методологии как к набору рецептов, которые достаточно просто усвоить и применить в практике научного исследования. Именно в этом и заключается опасность переоценки роли методологии, что, в свою очередь, по закону маятника может привести к ее мнимой дискредитации и как следствие к недооценке ее значения. Использование методологических принципов есть процесс сугубо творческий. «Как показывает история науки, познание обычно остается удивительно индифферентным к навязываемой ему извне методологической помощи, особенно в случаях, когда эта последняя предлагается в виде детализированного, скрупулезно разработанного регламента. Поэтому и новый концептуальный каркас может возникнуть и действительно возникает не как результат проводимой кем-то сверху методологической реформы, а как продукт внутренних процессов, совершающихся в самой науке. Что же касается методологических исследований в специальном смысле этого слова, то они в лучшем случае могут выступать катализаторами этих процессов, интенсифицируя самосознание науки, но ни в коем случае не подменяя его» [Юдин, 1978, с. 122].

Итак, первой может быть выделена **функция катализации, стимулирования** процесса познания как одна из основных функций методологического анализа. Близко к ней примыкают такие функции, как **проблематизация** и критическое осмысление функционирующих в культуре идей, **формирование творческой личности ученого** за счет расширения его кругозора, воспитания культуры мышления.

Вторая функция методологии связана с организацией и структурированием научного знания как целого за счет его **интеграции** и синтеза, разработки общенаучных средств и форм познания — общенаучных понятий, категорий, методов, подходов, а также за счет выделения единых философско-мировоззренческих принципов познания. Одним из следствий рефлексии методов той или иной науки является возможность их переноса и использования в других науках, что позволяет методологии при определенных условиях выполнять и непосредственно эвристическую функцию.

Определенную роль играет методология в выработке **стратегии развития науки**, оценке перспективности того или иного научного направления, особенно при планировании комплексных исследований, обосновании целевых программ. Можно сказать, что методология здесь выступает в роли своеобразного «предзнания», которое должно указать наиболее вероятный путь к успеху, предвосхищая результат, который будет получен в будущем. Главное место в таком обосновании занимает именно характеристика методов и способов движения к цели, соответствие их общим требованиям, сложившимся не только в науке, но и в обществе на текущий момент.

Важной функцией методологии (ее философского уровня) является **мировоззренческая интерпретация результатов** науки с точки зрения той или иной картины мира.

Перечисленные функции можно отнести к функциям методологии преимущественно **дескриптивного** типа, т. е. имеющей форму ретроспективного описания уже осуществленных процессов научного познания. Даже когда мы осуществляем выбор и обоснование направления научного исследования, пытаясь предвосхитить будущие результаты, мы опираемся на рефлексию ранее пройденного пути к знанию в надежде выбрать оптимальный путь дальнейшего движения. Принципиально иной, конструктивный характер имеет **нормативное** методологическое знание, включающее в себя положительные рекомендации и правила осуществления научной деятельности.

Нормативная методология — рефлексия формально-организационной стороны исследовательской деятельности.

Ее результатом является построение предписаний и норм, соблюдение которых необходимо для обеспечения правильности постановки проблемы как со стороны ее содержания, так и формы.

Нормативная методология дает определенные средства для решения уже поставленных задач (интеллектуальная техника научной деятельности), улучшает организационную сторону исследований.

Дескриптивная методология — рефлексия исходных оснований и предпосылок научного познания, осуществляемая, как правило, постфактум по отношению к вновь возникающим научным подходам.

Рассмотрим некоторые методологические нормы и регламентации, касающиеся процесса научного познания, а также различную роль методологии на разных стадиях научной деятельности.

1.6. Понятия объекта и предмета научного исследования (познавательная ситуация)

Для анализа научной деятельности в соответствующих разделах методологии введен и разработан ряд специальных понятий. Наиболее общим из них является понятие познавательной ситуации [Юдин, 1978].

Познавательная ситуация включает в себя познавательную трудность (разрыв между сформулированной в науке проблемой и имеющимися в науке средствами), предмет исследования, требования к продукту, а также средства организации и реализации научного исследования.

Использованное здесь понятие предмета исследования предполагает его дифференциацию от понятия объекта исследования.

Предмет исследования является одной из центральных категорий методологического анализа. Зарождение и развитие науки связано с формированием и изменением предмета науки. Радикальное изменение предмета исследования ведет к революции в самой науке.

Предмет исследования включает в себя объект изучения, исследовательскую задачу, систему методологических средств и последовательность их применения.

В более упрощенной интерпретации предмет исследования рассматривается как сторона, или аспект, объекта, который непосредственно вычленяется в нем сквозь призму проблемы.

Предметы исследования могут быть разной степени общности, наиболее масштабным является предмет данной науки в целом, который выполняет по отношению к предмету частного исследования методологическую функцию.

Понятие «объект исследования» также требует разъяснения — это не просто некоторая часть внешней реальности, на которую можно прямо указать.

Объект исследования — та область непосредственно наблюдаемой реальности, для которой выявлены устойчивые и необходимые связи между отдельными ее составляющими и закреплены в системе научных абстракций.

Для построения объекта необходимо также отделить его содержание, независимое от познающего субъекта, от формы отражения этого содержания. Процесс построения объекта научного исследования невозможен без появления особой познавательной задачи, научной проблемы.

Средства исследования — фундаментальные понятия науки, с помощью которых расчленяется объект исследования и формулируется

проблема, принципы и методы изучения объекта, средства получения эмпирических данных, включая технические средства.

Один и тот же объект может входить в предмет нескольких разных исследований и даже различных наук. Совершенно различные предметы при изучении человека строятся такими науками, как антропология, социология, психология, физиология, эргономика. Поэтому понятию предмета исследования противопоставляется не объект, а **эмпирическая область** — совокупность научных фактов и описаний, на которых развертывается предмет исследования.

Исходя из данного расчленения научного знания можно обрисовать последовательные этапы исследовательского движения, открывающиеся сквозь призму нормативно-методологического анализа. В качестве таких этапов выделяются: постановка проблемы, построение и обоснование предмета исследования, построение теории и проверка полученных результатов.

Важно отметить, что постановка проблемы опирается не только на обнаружение неполноты имеющегося знания, но и на некоторое «предзнание» о способе преодоления этой неполноты. Именно критическая рефлексия, ведущая к обнаружению пробелов в системе знания или ложности его неявных предпосылок, играет здесь ведущую роль. Сама работа по формулировке проблемы носит принципиально методологический характер независимо от того, опирается ли исследователь сознательно на те или иные методологические положения или они определяют ход его мыслей неявным образом.

Работа по построению и обоснованию предмета исследования также является преимущественно методологической, в ходе нее осуществляется развертывание проблемы, включение ее в систему существующего знания. Именно здесь и происходит слияние методологии с содержательной стороной процесса познания. Методология на этом этапе выполняет скорее конструктивную, нежели критическую функцию, корректируя работу исследователя. На стадии построения предмета исследования чаще всего и вводятся новые понятия, методы обработки данных и другие средства, пригодные для решения поставленной задачи.

На этапах построения частнонаучной теории и проверки полученных результатов основная смысловая нагрузка ложится на движение в предметном содержании. Отсюда видно, что с помощью методологии самой по себе нельзя решить ни одной частнонаучной задачи и нельзя построить предметное содержание никакой конкретной области. Для успешного использования достижений методологической

мысли необходимо сочетание творческого движения «сверху вниз» и «снизу вверх».

Сама методология строится и обогащается не за счет конструирования умозрительных схем, она вырастает из обобщения завоеваний, достигнутых за счет движения в предметном содержании при анализе той или иной области действительности.

Любая успешная реализация методологического принципа в конкретно-научном исследовании есть не только вклад в данную науку, но и в методологию, так как эта реализация не остается без последствий для того знания, которое было взято в качестве предпосылки метода исследования. Последние не просто подтверждаются, но и обогащаются, дополняются всякий раз, когда они начинают новую жизнь, воплотившись в материале еще одной предметной области.

1.7. Соотношение методологии и психологии. Значение психологического знания для методологии науки

Все, что говорилось выше о методологии науки и ее функциях в частнонаучном исследовании, справедливо и в отношения психологии. Однако любая частная наука имеет свои специфические, только ей свойственные аспекты отношений с наукой о методе, завязывает свои неповторимые узлы методологических проблем. Специфика эта определяется объектом данной науки и его сложностью, уровнем развития науки, ее современным состоянием (наличие разрывов в теории или неспособность ответить на запросы практики говорит о необходимости методологической помощи), наконец, тем вкладом, который сама наука делает в общенаучную или философскую методологию. Главное состоит в том, что психология относится к числу наук о человеке, поэтому исходные принципы психологического исследования и его результаты не могут не иметь ярко выраженной мировоззренческой окраски, они часто напрямую связаны с представлением о сущности человека и его отношении к миру.

Другую важнейшую особенность психологического знания, определявшую его методологическое значение, отметил еще Аристотель (384–322 гг. до н. э.) в первых строчках своего трактата о душе. «Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо по тому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы» [Аристотель, 1976, с. 371]. Значение это определяется тем, что психология способна давать знание о самом процессе познания и его развитии.

В психологии получены данные, позволяющие обосновать необходимость методологического знания как некоторого предзнания, без которого вообще невозможна познавательная деятельность коллективного или индивидуального субъекта. Необходимость предварительного знания в той или иной его форме четко зафиксирована уже на уровне чувственного познания и со всей отчетливостью выступает в случае рационального, а тем более собственно научного познания. Признание важнейшей роли такого предзнания автоматически приводит к требованию максимально глубокой рефлексии его, что и составляет предмет методологии. Делая вклад в методологическое знание вообще, психология тем более высоко должна оценивать значение методологии для себя самой. Более того, психологи издавна подчеркивают особую ее нужду в помощи со стороны методологии и невозможность выработки ориентиров для построения и развития психологической науки исходя из собственно психологического знания. Сама «возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего», — отмечал Л. С. Выготский (1896–1934) в работе «Исторический смысл психологического кризиса» [Выготский, 1982а], специально посвященной обсуждению методологических проблем построения научной психологии. «Ни в одной науке нет стольких трудностей, неразрешимых контроверз, соединения различного в одном, как в психологии. Предмет психологии — самый трудный из всего, что есть в мире, наименее поддающийся изучению; способ ее познания должен быть полон особых ухищрений, чтобы получить то, чего от него ждут». И далее: «Ни одна наука не представляет такого разнообразия и полноты методологических проблем, таких туго затянутых узлов, неразрешимых противоречий, как наша. Поэтому здесь нельзя сделать ни одного шага, не предприняв тысячу предварительных расчетов и предостережений» [Выготский, 1982а, с. 417–418].

За более чем три четверти века, прошедших с момента написания Л. С. Выготским этой работы (опубликована в 1982 г.), острота сформулированных им проблем не сгладилась. «Ни в одной из научных областей результаты конкретного исследования не зависят в такой степени прямо и непосредственно от исходных методологических посылок и используемых методических приемов, как в психологии» [Выготский, 1982а, с. 218].

Итак, первая причина особой заинтересованности психологии в методологических разработках заключается в сложности и многоплановости самого предмета исследования, его качественном своеобразии.

Вторая причина заключается в том, что психология накопила огромное количество эмпирического материала, который просто невозможно охватить без новых методологических подходов. Обе эти причины тесно связаны между собой, как и с десятком других, которые можно было бы перечислить, обосновывая особую потребность психологии в методологических ориентирах.

Необходимо также учесть особую ответственность психолога за публикуемые им результаты и выводы о сущности психического и детерминантах его развития. Выводы, основанные на неправомерном обобщении результатов частных исследований, перенос данных, полученных при изучении животных, на человека, а при изучении больных — на здоровых людей и т. п., приводят к циркуляции в общественном сознании идей, искаженно отражающих природу человека и ведущих к отрицательным социальным, а иногда и политическим последствиям.

Большая ответственность лежит и на психологах, работающих с людьми и участвующих в диагностике и прогнозировании профессиональной пригодности, уровня развития, в постановке клинического диагноза, в проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Работа в этих сферах требует хорошей методологической и методической подготовки.

Следует обратить внимание на широко распространенную и типичную именно для психологии методологическую ошибку, заключающуюся в некритическом заимствовании и использовании подходов и процедур (прежде всего тестов), разработанных применительно к людям совсем другой культуры, иной социально-экономической общности.

В первой главе мы кратко изложили существующие представления о методологии, ее задачах, уровнях и функциях. В заключение нужно еще раз предостеречь от рецептурного понимания ее функций. Как научная, так и методологическая работа требуют творчества. Методологически корректная работа требует творчества в еще большей степени. Попытки применения психологами новых концептуальных схем, развиваемых в современной методологии науки, наталкиваются на двоякого рода трудности. Первая трудность связана с наличием у любой такой концептуальной схемы определенного числа «степеней свободы». Так, например, среди специалистов в области системного подхода (или системной методологии) ведутся дискуссии относительно его существа, границ применимости, отношения к теории, эмпирии и практике.

Указанные выше трудности не могут быть преодолены механически, т. е. путем произвольного предпочтения определенной концептуальной схемы и определенного представления о предмете психологии. Здесь необходимо проведение своего рода экспериментально-методологического исследования, или методологического эксперимента, результаты которого помогли бы уточнить и обосновать как саму методологическую схему, так и представление о предмете психологии.

Методологический эксперимент — проверка в ходе конкретного исследования эвристичности и полезности методологического знания того или иного уровня для решения возникшей в науке проблемы (познавательной трудности).

Успешное решение поставленной научной задачи с помощью разрабатываемой методологии позволяет обосновать последующее применение того же методологического знания для решения аналогичных научных проблем.

Глава 2. История развития и современные представления о научном познании

2.1. Историческая относительность форм, средств, идеалов и норм научного познания

Слово «наука» буквально обозначает «знание». Но научное знание принципиально отличается от других его видов — житейского (или обыденного), философского, религиозного, художественного и др. Наука проникает в сущность вещей за поверхность явлений; выделяет общее в единичном; отвлекается от конкретного, восходя к абстрактному; совершает обратное движение — от общего к частному и от абстрактного к конкретному; отделяет закономерное от случайного. Научное знание носит системный характер и стремится к объективности; оно предполагает возможность проверки на истинность (верификацию). Критерии истинности могут быть внутренними (согласованность и логическая непротиворечивость научной теории) и внешними (подтверждение вытекающих из теории гипотез эмпирическими данными). Рационализм и эмпиризм, стоящие как методологические позиции за принятием этих критериев, исторически меняли свои формы. Но в каждый исторический период развитие научного познания так или иначе ориентировалось именно на них.

Научное знание — это рациональное знание, отвечающее строгим требованиям логического (формального) описания самого знания, методов его получения, используемого инструментария, критериев для оценки его истинности и включенное в контекст той или иной научной теории.

На основе научного знания человек конструирует картину мира и себя в нем. Конструктивная роль теории проявляется уже в выборе понятий (терминов), способов построения высказываний и в процедурах их операционализации, необходимых для верификации (подтверждения истинности) или фальсификации (доказательства ложности) знания.

Однако формы представления научного знания, эталоны научности, нормы и средства исследовательской деятельности не остаются постоянными. Они исторически относительны и развиваются вместе с развитием культуры и общественного сознания в целом. В главе 1 уже отмечалось, что возникновение науки было связано с появлением рефлексии над знанием, т. е. появлением знания о самом знании. Существовавшее до того обыденное знание передавалось и использовалось, не становясь предметом специального анализа.

Первой стадией развития или формой существования науки стала **«замкнутая теоретическая наука»**, примером которой может служить учение Пифагора (вторая половина VI в. до н. э.)[1]. Научное знание здесь выступает в форме особой (новой по отношению к предметному миру) реальности идеализированных сущностей, прежде всего чисел и геометрических форм. Работа с этой реальностью означала особую форму научной деятельности (в Древней Греции еще не отделенную от философской). Научное знание в пифагоризме превращалось в самоценность, а установка на чистое познание, на самодостаточность науки предполагала, что задачи ее никак не связаны с запросами практики, хотя ее результаты при случае могут быть применены для решения прикладных задач.

В качестве второй формы научного познания выделилась **«фактуально-описательная наука»**, примером которой может служить грандиозная для своего времени система научного знания, изложенная Аристотелем и на многие века задавшая основной вектор развития наук. В отличие от оторванной от реальности замкнутой теоретической науки фактуально-описательной науке свойственна установка на изучение реальных объектов в окружающем человека мире, их классификацию, систематическое описание, сопоставление друг с другом. Представление об идеальных объектах сохранялось, но они не вытесняли задачу изучения реальных объектов. Натуралистичность такого научного подхода проявлялась в том, что изучаемый объект понимался как не зависящий от акта познания.

Синтез первого и второго подходов был осуществлен в **науке Нового времени** (XVII в.), когда произошла первая научная революция (Г. Галилей, Н. Коперник, И. Кеплер, И. Ньютон и др.). Элементами, фактами науки стали признаваться не любые чувственно воспринимаемые события, а факты особые, истолкованные (поддающиеся интерпретации)

[1] Основатель религиозно-философского учения, исходившего из представления о числе как основном принципе всего существующего.

2 – 2394

в контексте определенной теории. Впервые эмпирическая область науки строилась как особый слой научной картины мира, в которой функционируют идеальные объекты нового типа — теоретические конструкты и научные модели, в которых отражены существенные стороны и связи реальных объектов. Эти модели строятся на допущениях и идеализациях типа: прямолинейное движение, идеальный газ, пустое пространство, абсолютный вакуум и т. п., которые одновременно и упрощают, и усложняют научную картину мира. Возможно, наиболее важным приобретением науки Нового времени является появление экспериментального метода, формулирование норм и правил научного экспериментирования. Происходит технологизация мышления, возникает инженерно-конструктивный тип познания, в котором взаимодействие с реальным объектом опосредствовано идеальным объектом (теоретическим конструктом).

На этой стадии развития науки появляется установка не только на познание, но и на преобразование мира с помощью определенных технологических операций. В основе **первой научной революции** лежало также соединение математических методов с эмпирическими исследованиями, что впервые привело к возникновению собственно теоретической науки — науки классической. Результаты мысленного эксперимента ученые стремились воплотить в практико-предметном, вещественном виде[1]. Немецкий астроном, математик, физик и философ И. Кеплер (1571–1630) работой «О стереометрии винных бочек» положил начало интегральному исчислению. Венцом данного типа познания признается ньютоновская механика, положившая начало современному естествознанию и утвердившая идеальный образ «естествоиспытателя».

Классическая наука (классическое естествознание) — система знаний и способов его получения, построенная на абстракции познающего субъекта, вынесенного за пределы самого процесса познания и тем более познаваемого объекта.

Мир в соответствующей классической картине мира представлялся как совокупность атомов (вещных, конкретных и отдельных), существующих в пустом пространстве рядоположенно с человеком.

Это как бы две разные вещи, две независимые друг от друга реальности. В научной картине реальности классического естествознания факты и элементы реальности вещественны и субстанциональны, они отделены не только от субъекта, но и друг от друга.

[1] Физические и астрономические измерения в ней сочетались с мысленным экспериментированием.

Вторая научная революция произошла в XVIII — первой половине XIX в., когда возникло дисциплинарное строение науки. Механистическая картина мира потеряла статус общенаучной, специфические картины мира появились в биологии, химии и других областях знания. Началась дисциплинарная дифференциация идеалов и норм научного знания. Резко возросла производительная сила науки, научные знания стали превращаться в товар, имеющий рыночную цену и приносящий прибыль при его производственном потреблении. Начала складываться система прикладных и инженерно-технических наук, играющих роль посредника между фундаментальными знаниями и производством. Происходила дифференциация и специализация различных форм научной деятельности и складывались соответствующие им научные сообщества. Эти стадии развития науки соответствуют форме методологической рефлексии над наукой, раскрытой в главе 1 как «онтологизм».

Последнюю треть XX в. связывают не столько с новой научной революцией, сколько с возникновением новой стадии в развитии современного общества, или новой эпохи в жизни человека, когда труд все больше опосредствуется сферой научного знания. Производство знаний начинает занимать главенствующую роль по отношению к материальному производству. Век информационных технологий — одна из метафор, описывающих эту стадию. Коммуникация начинает опосредствоваться информационными потоками, а сетевая организация знаний — реализованная, в частности, в Интернете — все больше вмешивается в функционирование изначально более стройных и замкнутых систем профессиональных знаний.

2.2. Субъективное и объективное знание в теориях познания

Раскрытие законов развития научного знания и выработка критериев различения объективного и субъективного в результатах познания — важнейшие направления методологии науки в XX столетии. Научное знание — как объективно установленные факты или надындивидуальные схемы познания и теоретизирования, стоящие за их получением, — является опосредствованным.

Субъективное знание — это система представлений субъекта о непосредственно знаемом, т. е. получаемом в результате непосредственного наблюдения за внешним миром или во внутреннем плане движения мысли.

Хотя объективное знание невозможно вне или безотносительно к субъективному, логика и рост его не могут описываться психологическими концепциями.

Психологизм — это введение в теорию познания таких представлений о роли субъективного знания, которые оправдывают смешение субъективного и объективного в знании. На этапе, когда психология еще не выделилась из философии, это было также путем преодоления схоластики и метафизического взгляда на мир.

С «психологизмом» Д. Юма (1711–1776) боролся И. Кант (1724–1804), а в новейшее время его критиковал К. Поппер, отстаивавший возможность построения объективного знания. Опираясь на идеи Дж. Локка и Дж. Беркли, Юм пытался встать над борьбой материализма и идеализма. Позже (в главе 3) он будет представлен как сторонник ассоцианизма, потому что в отличие от Локка считал ассоциацию преобладающим механизмом работы сознания. Будучи сенсуалистом и агностиком, он отдавал первенство опыту и с презрением говорил о гипотезах (о нем мы будем говорить в главе 8, когда речь пойдет об описательной психологии В. Дильтея).

В теории познания Д. Юма была заложена двойственность в отношении к процессу и результатам научного знания. С одной стороны, все, что потом представлено в научном знании, первоначально представлено как знание субъективное. С другой стороны, законы индукции позволяют строить человеку обобщение, предвосхищая то, что будет происходить при тех же условиях в будущем, т. е. в качестве логических законов они позволяют человеку раскрывать объективное знание.

Позже Кант ввел понятие антиномий, учитывая неразрешимость проблемы переноса субъективно воспроизводимого знания на объективное положение вещей в мире.

Антиномии — это противоречащие друг другу, но одинаково доказуемые суждения, выступающие возможными ответами на вопросы, которые ставила рациональная космология, в частности:

- о конечности или бесконечности мира во времени и пространстве;
- о законе причинности или свободе причинности.

М. К. Мамардашвили (1930–1990) считал, что на самом деле проблему причинной детерминации поставил еще Декарт, а Кант, который непосредственно не опирался на Декарта, «воспроизвел картезианскую революцию в самоопределении мысли», переформулировав проблему следующим образом: «...существует ли причинная связь между А и Б в общем виде?» [Мамардашвили, 1992, с. 100–101]. Это возвращало к поставленной Декартом проблеме: если временные моменты дискретны, то из предыдущего не может ничего вытекать в последующем. То, что имеет место сегодня (будь то восход солнца или состояние добродушия на данный момент), не может быть причиной того, что будет завтра, а то, что есть сегодня, не является следствием того, что было вчера.

Обоснование Декартом теории непрерывного творения мира ставило под вопрос само понимание причинности и возможности познания этого мира.

Кант вписал в нее недостающее звено — «врожденные идеи».

К. Поппер (1902–1994), прошедший путь от психолога (с защитой работы по творческому мышлению у К. Бюлера) до крупнейшего методолога науки и эпистемиолога, наиболее четко выразил позицию, согласно которой нельзя смешивать законы индивидуального познания и законы развития науки как познания, ведущего к объективному знанию. Он, рассматривая основные этапы становления проблемы возможности объективного знания, показал следующее. Необходимо четко различать логическую и психологическую трактовки законов индукции. Д. Юм считал именно логическую постановку проблемы индукции неразрешимой. Действительно, каким образом можно оправдать прорыв в обобщении, который делает человек, выводя общее при анализе последовательности частных явлений? Логически именно сам этот прорыв не поддается доказательству как схема правильного, или достоверного вывода в мышления. Многократное эмпирическое подтверждение того или иного факта (или многократное наступление одного и того же события) позволяет выводить лишь эмпирические, т. е. наблюдаемые, закономерности.

Законосообразность — это уже другой аспект рассмотрения повторяемых событий: интерпретация их с точки зрения какого-либо закона. Законы же в науке представляют собой дедуктивные конструкции (к этому мы вернемся в главе 4). И объяснение эмпирических закономерностей строилось в науке всегда иным путем — от общего к частному.

Индуктивно законы не выводятся, потому что никакая повторяемость сама по себе не делает событие необходимым. Эта необходимость раскрывается в ином контексте — представленности сущностного в единичном. **Индукция** — обобщение от частного к общему — ничего не говорит о сущностном, т. е. не может раскрывать закон. Другой вопрос, что индуктивно выявленные закономерности могут учитываться в процессе построения научных гипотез. Сама же гипотеза будет означать наступление догадки о том сущностном, что лежит в основе повторяемости.

Психологическая трактовка законов индукции означает следующее. Чувство уверенности, или вера, — вот то основание, согласно которому человек делает индуктивные выводы. Он верит, что если событие многократно наступало, то при тех же обстоятельствах следует ожидать его наступления и в дальнейшем. Потребность человека в закономерностях, их ожидание — другая предпосылка, толкающая человека в направлении индуктивного построения научного знания. Таким образом, проблему индукции можно трактовать как психологическую проблему возникновения прагматической веры в нечто, тесно связанное с действием и с выбором между возможными альтернативами.

В логическую постановку проблемы индукции критерий веры не входит. И то событие, в наступление которого человек не верит, т. е. не рассматривает в качестве серьезной альтернативы, не включается им в схему вывода (как не соответствующее прагматической вере). К. Поппер демонстрирует это на примере известного индуктивного вывода, связанного с ожиданием любого человека, что завтра вновь взойдет солнце. Солнце может завтра все-таки не взойти... например, потому что солнце может взорваться, так что никакого завтра не будет. Конечно, такую возможность не следует рассматривать «серьезно», т. е. прагматически, потому что она не предполагает никаких действий с нашей стороны: мы просто ничего не можем тут поделать [Поппер, 2002].

Итак, остановимся на том, что **объективное знание** не сводится к эмпирически выверенным закономерностям. При этом возникают две проблемы. Первая — проблема объективного наблюдателя. В неклассический период развития науки она стала обсуждаться как проблема искажения знания в процессе познания его субъектом, как зависимость научного знания от используемого метода. Вторая — проблема истинности научного знания. И здесь в методологии обсуждению подлежали разные аспекты проблемы истинности.

С одной стороны, это проблема существования законов (в которых и представлено объективное знание) именно как субъективно формулируемых, т. е. не существующих вне зависимости от познающего субъекта. Законы устанавливаются человеком вне акта познания, т. е. «в природе» они не существуют («объективно» означает здесь — вне акта их установления). С другой стороны, это проблема включенности критериев объективного (как надындивидуального и сущностного знания) уже в процесс субъективного, или психологического, познания.

В связи с последней постановкой проблемы вернемся к классической стадии представления научного знания. При этом мы увидим, что

проблема объективного знания так или иначе оказывается связанной с пониманием того, что такое рациональность (в познании).

В истории Нового времени декартовское *kogito* («мыслю» из мысли-бытия — «мыслю, значит, существую») превратилось в идею гармонии, названной рациональностью. Латинское *ratio* означает «пропорция», «мера». Именно духовное усилие претворяет неопределенность в некую гармонию, т. е. мысль вырывает человека из хаоса — хаоса незнания. М. Мамардашвили обсуждает первый из выделенных аспектов — возможность осмысления устройства мира («интеллигибельность», или умопостигаемость), вводя далее представление о роли культуры и науки как механизмов воспроизводства надындивидуального знания. Такое современное понимание рационализма выводит его за рамки отдельного философского направления.

Рационализм — философское направление, признающее разум основой познания. В этом аспекте рационализм противопоставляется эмпиризму как сенсуализму с его признанием только чувственной данности знания. Но в более широком смысле эмпиризм также выступает как объединительное начало для ряда теорий познания.

Эмпиризм как направление в теории познания признает чувственный опыт источником всякого знания. От такого понимания эмпиризма идет представление об эмпирическом исследовании как дающем фактическую основу для научных обобщений и высказываний.

Эмпирическое и теоретическое знание различным образом соотносились в ходе развития науки. Уже на классическом этапе научное познание опирается на эмпирический базис, позволяющий оценивать правомерность теоретико-понятийного состава научного знания.

От рационализма следует отличать **априоризм**, который выводит критерий истинности знания за пределы разума и опыта.

Априоризм предполагает знание предшествующим опыту и независимым от него.

Однако сначала рассмотрим те существенные шаги в выработке критериев объективного, не сводимого к субъективному (эмпирическому) знания, которые сделала немецкая классическая философия. И. Кант вложил критерии объективности в сами схемы познания человеком окружающего мира. В его идеалистической теории познания измерения (категории) пространства и времени даны человеку априорно. И рациональность познания заключена уже в самом процессе получения эмпирических данных. Действовать же с рационально принятыми законами можно и вне контекста индуктивных доказательств.

Кант понимал, что отрицательное решение Юмом проблемы индукции уничтожает рациональность оснований ньютоновской динамики — основополагающей теории классической науки. И он придал юмовскому закону индукции статус априорно действующего закона. Кант разделил все предложения, в том числе и научные высказывания, во-первых, по критерию их простоты. Далее неразложимые высказывания он назвал аналитическими, а составленные из них — синтетическими. Для оценки истинности высказываний важно, что истинность или ложность простых высказываний можно установить в рамках логики, или исчисления высказываний. Во-вторых, он предложил рассматривать любое предложение или высказывание по критерию их притязаний на истинность, или верность, как априорные и апостериорные.

Априорные высказывания — это высказывания, не нуждающиеся в эмпирической проверке, поскольку они изначально принимаются как верные.

Апостериорные высказывания — это эмпирически поддержанные, эмпирически верные высказывания.

Априорные аналитические высказывания являются верными по определению. Однако неясно, могут ли быть синтетические высказывания верными априорно? Кант ответил, что да, могут. Синтетическими и верными априорно он считал арифметику, геометрию и принцип причинности (т. е. значительную часть ньютоновской физики).

При этом он исходил из того, что человеческий интеллект изобретает и накладывает свои законы на «чувственную трясину», наводя тем самым порядок в природе. Рациональность задана, таким образом, в априорных структурах познания человека. К. Поппер указывает, что эта дерзкая теория рухнула в тот момент, когда стало ясным, что в новой картине мира ньютоновская теория, в свою очередь, оказалась лишь одной из гипотез, а не априорным знанием.

Если согласно теории познания Канта объективное дано в субъективном (посредством априорного знания), то в неклассических парадигмах субъективное оказалось включенным в процесс создания объективного.

2.3. Научная революция XX в.: возникновение неклассического естествознания

Третья научная революция, полностью преобразовавшая идеалы и нормы научного познания, произошла в конце XIX — начале XX в. Радикальное изменение картины мира началось еще раньше с открытием электричества, когда было введено представление о поле силы, заполняющем пространство между объектами. Именно различные виды взаимодействий между объектами заняли центральное место в новой картине мира. С открытием элементарных частиц и делимости атома, становлением релятивистской и квантовой теории, появлением концепции нестационарной Вселенной в космологии и другими эпохальными открытиями сформировалась новая (неклассическая) парадигма естествознания.

Неклассическая наука (неклассическое естествознание) — система знаний и способов их получения, основанная на представлениях, что сам процесс и продукты познания нельзя абстрагировать от процедур и средств (включая научные теории), с помощью которых мы познаем мир.

Не существует «чистых» фактов как таковых: если в факте нет места самому субъекту познания, то это не научный факт.

Вслед за возникновением неклассической науки философия стала осмыслять изменения типа рациональности как определенной «онтологии ума», стоящей за представлениями о критериях научного знания. Для классической науки эти критерии предполагали ориентировку научного знания как объективного на классический «идеал рациональности». «Неклассическая же проблема онтологии ума... уходит своими корнями в те изменения в ней, которые возникают в XX в. — в связи с задачей введения сознательных и жизненных явлений в научную картину мира» [Мамардашвили, 1984, с. 3].

Изменились сами вопросы, которые можно считать научными. С точки зрения неклассического естествознания вопрос о том, какова реальность сама по себе, лишен смысла. Познавая мир, мы конституируем его и не только обнаруживаем, но и создаем в нем такие свойства, которые до человеческой деятельности не существовали и возникают только во взаимодействии с человеком. Эта идея, кажущаяся парадоксальной для обыденного сознания, на самом деле прямо вытекает из следующего общепринятого утверждения. Любое свойство любого объекта не принадлежит этому объекту самому по себе, а всегда проявляется только во взаимодействии с каким-либо другим объектом, иначе говоря, существует в пространстве между первым и вторым, третьим и т. д. объектом. И с появлением в мире качественно нового объекта все другие объекты приобретают новые свойства, могущие себя обнаружить только во взаимодействии с этим новым объектом. Таким новым объектом является человек как субъект познавательной деятельности и его сознание. И научная картина мира есть совокупность всех свойств, обнаруживаемых миром в ходе познавательного взаимо-

действия с субъектом познания (форма методологической рефлексии над наукой, раскрытая в главе 1 как «гносеологизм»).

В неклассическом естествознании предмет и метод не отделены друг от друга; предмет не существует до того, как он начинает изучаться. В объективном же знании начинает функционировать та «дельта понимания», которая необходимо возникает в связи с «непрозрачностью» самого субъекта познания. Итак, в XX в. изменились идеалы научной истинности и были сформулированы новые идеалы, или типы, рациональности — неклассический, а также постнеклассический. Это было подготовлено также признанием объективного существования случайности и тем, что на смену классическим представлениям о жесткой и линейной детерминации пришли идеи вероятностной детерминации, целевой и круговой причинности (подробнее см. главу 4).

2.4. Позитивизм и его роль как методологического базиса наук на определенной ступени развития научного познания

Как уже отмечалось в первой главе, философия позитивизма (О. Конт, Г. Спенсер и др.) и особенно его разновидность «сциентизм» (сайентизм) строились на том постулате, что научное знание и есть высшая форма человеческого знания, выполняющая мировоззренческую функцию, т. е. представляет собой знание философское. Подлинное, т. е. позитивное, знание может быть получено только в рамках отдельных специальных наук.

Из этих специальных наук, по Спенсеру, психология уникально выделяется сочетанием ассоциаций между внешними и внутренними факторами, в то время как для остальных наук важны либо внешние факторы (естественные науки), либо внутренние (философия и гуманитарные науки).

Наука как логика исчисления высказываний — высказываний о фактах — должна была заменить, с точки зрения позитивистов, собственно философию и в ее рамках — теорию познания. При этом утверждалось, что наука не нуждается в философских основах, самим же философским проблемам отводилась роль «метафизических».

Такое неадекватное преувеличение роли науки в человеческой жизни сыграло тем не менее положительную роль в развитии исследований самой науки, в изучении закономерностей и факторов роста научного знания (философия науки — Ч. Моррис, П. Бриджмен; неопозитивизм, логический позитивизм — Ф. Франк, Р. Карнап, Г. Фейгель и др.; логический эмпиризм, философия логического анализа — Б. Рассел и др., логический атомизм — Л. Витгенштейн).

Позитивизм — направление философской мысли, переоценивающее роль непосредственного опыта, требующее прямой эмпирической проверки каждого отдельного утверждения и принижающее роль теоретического знания (особенно философского).

С точки зрения ортодоксального позитивизма наука не объясняет, а лишь описывает явления и отвечает не на вопрос «почему?», а на вопрос «как?». Критерием истинности выступает опыт, узко понимаемый как совокупность чувственных переживаний. Эмпиризм и исчисление логики высказываний являются для позитивизма основными критериями научного знания.

Для любой разновидности эмпиризма как единственной методологической платформы научного познания стали характерны:

- абсолютизация роли эмпирических данных, их сбора и описания;
- недооценка теории. Задача науки — описание и предсказание, но не объяснение фактов;
- однонаправленная зависимость теории от эмпирии (эмпирия задает теорию, но сама от нее не зависит);
- процедура верификации (доказательство, подтверждение истинности), которая осуществляется путем проверки гипотез на фактическую истинность или соответствие данным чистого опыта (а не практики в широком смысле) и должна быть осуществима в отношении любого отдельного логического утверждения;
- утверждение внеисторичности познания как некоторой естественной способности человека. Такое понимание эмпиризма как акцентуации методологической позиции не следует смешивать с закономерной для научного познания ориентировкой на получение опытных данных и их рациональный, в том числе и теоретический, анализ.

Возникший в XX в. неопозитивизм проставил акцент на роли знаково-теоретических средств научного мышления (прежде всего языка), отношениях теоретического аппарата и эмпирического базиса, функции математизации и формализации знания.

Неопозитивизм — в узком смысле слова логический позитивизм 30-х гг. XX в. (или «третий позитивизм»); в широком смысле — все позитивистские течения 1920–1960-х гг.

Основным средством описания и анализа научного знания в неопозитивизме становится аппарат математической логики. Чувственно

воспринимаемые факты были заменены протокольными предложениями. Особое значение придается логическому анализу языков науки и демонстрации зависимости способов рассмотрения действительности от типа используемого языка. При этом с конца 1930-х гг. наряду с анализом синтаксиса языка (его внутренней структуры) начинает развиваться анализ семантики языка (семиотики), затрагивающий соотношение слова с реальностью, а не только с чувственными переживаниями (чистым опытом). До того значения в духе операционализма сводились к способам их эмпирической проверки.

Сильное влияние идей Д. Юма в неопозитивизме отразилось в понимании этого течения как соединения его идеи агностицизма с методологией математической логики [Философская энциклопедия, 1967, т. 4, с. 48]. Влияние Э. Маха (1838–1916), австрийского физика и философа-идеалиста, который противопоставил кантовскому пониманию релятивистское понимание априорных форм познания, отражающее их субъективное происхождение, проявилось в понимании «нейтральности» эмпирического материала науки как невозможности отнесения научных фактов к миру объективного или субъективного. Опытные факты получили название «переживаний» в терминологии Р. Карнапа (1891–1970), ведущего немецко-американского философа и логика, опиравшегося на идеи австрийского философа и логика Л. Витгенштейна (1889–1951)[1] и английского философа, логика и социолога Б. Рассела. Карнап был одним из участников знаменитого Венского кружка[2], в рамках которого разработаны основные идеи логического позитивизма.

Доверие к содержанию ощущений как непосредственно данному опыту исключило вопросы об отношении знания к внешнему миру и возникновению чувственных ощущений у субъекта. При этом критическому анализу с рационалистических позиций в неопозитивизме подвергались феноменология, экзистенциализм, интуитивизм А. Бергсона, неосхоластика. Б. Рассел (1872–1970), сблизившийся с неопозитивистами в своих воззрениях в 1920–1930-е гг., а также ряд других ведущих философов этого направления, будучи атеистами, резко выступали против религиозного иррационализма и агностицизма.

[1] С 1929 г. жил в Лондоне.

[2] Образованный на основе семинара М. Шлика при кафедре философии индуктивных наук Венского университета в 1922 г., он прекратил свое существование в конце 1930-х гг. (в связи с гибелью Шлика и приходом нацистов). С этим кружком первоначально была связана и деятельность К. Поппера.

Отрицание агностицизма неопозитивисты обосновывали толкованием познания как разработки последовательности операций по переводу чувственных данных в знаковую форму, установлением формальных соотношений между оформленными таким образом высказываниями (вместо теории) и дедуктивным выведением предсказаний из сформированной системы, а также изменением самих формальных систем при обнаружении в них противоречий или несоответствия опытным данным.

Ведущим для неопозитивистской методологии оставался введенный еще в работах Л. Витгенштейна принцип верификации, который предполагает установление истинности или ложности научных предложений путем сравнения их с фактами опыта. Различие между значениями и смыслами в научном языке при этом отрицалось. М. Шлик обосновал тождество между осмысленностью предложений и их верифицируемостью, т. е. смысл отождествлялся со способом проверки научного утверждения.

Критерий же истины отождествлялся с формальными условиями проверки на истинность, а знание истины — с возможностью предсказания будущих ощущений субъекта (получаемых в этих условиях) как опытных данных. Причинность стала пониматься именно как предсказуемость.

Постановка проблемы значений в контексте изучения научного знания потребовала перехода к новой трактовке языка. Совместимость предложений в нем стала выступать столь же сильным критерием истинности, как и опытная проверка высказываний. И здесь логический позитивизм не был последователен, поскольку значение часто понималось как возможность выразить одни знаки посредством других, а не как означение реальности. За такой позицией стояла концепция двух видов истинности. Вводилось различие между фактической истинностью (так называемый принцип *корреспонденции* — согласования предложения и факта) и логической истинностью (так называемая *когеренция*, т. е. взаимосогласованность логических предложений друг с другом).

Требование исчерпывающей верифицируемости каждого осмысленного научного утверждения в неопозитивизме было заменено возможностью его частичной и косвенной подтверждаемости. Для этого понадобилось наряду с понятием непосредственной верификации (прямая проверка утверждений, формулирующих данные наблюдения и эксперимента, или утверждений, фиксирующих зависимости между этими данными) ввести понятие косвенной верификации (установление ло-

гической связи между косвенно верифицируемыми и прямо верифицируемыми утверждениями). Положения научных теорий относятся именно к косвенно верифицируемым утверждениям, поэтому признание правомерности такой процедуры верификации привело к повышению статуса самой научной теории, поскольку теоретическая работа приобрела относительную независимость от эмпирии в отсутствие требования пошаговой эмпирической верификации каждого нового утверждения или вывода.

Критика позитивизма, включая его поздние разновидности, велась разными методологическими направлениями. Американец У. Куайн (1908–2000), имевший связи с Венским кружком, с позиций *логического прагматизма* обвинял сторонников позитивизма в недостаточном внимании к такому существенному слою научного знания, как система интерпретации эмпирических данных, роль которой выполняет именно теория, и справедливо обращал внимание на зависимость самой эмпирии от теории. Более развернутая и конструктивная критика позитивистской методологии в понимании сущности и развития научного знания осуществлена в работах Т. Куна, К. Поппера, И. Лакатоса, а также в ряде других направлений в философии и науковедении.

2.5. Понятия парадигмы и научной революции по Т. Куну

Историк науки американец Т. Кун (1922–1996) ввел целый ряд основополагающих понятий для описания закономерностей функционирования и развития науки.

Научная парадигма — совокупность фундаментальных достижений в данной области науки, задающих общепризнанные образцы, примеры научного знания, проблем и методов их исследования и признающихся в течение определенного времени научным сообществом как основа его дальнейшей деятельности.

Такие образцы должны быть в достаточной мере беспрецедентны, чтобы привлечь на свою сторону сторонников из конкурирующих направлений, и в то же время достаточно открыты, чтобы новые поколения ученых могли найти для себя нерешенные проблемы любого вида. Это модели, из которых вырастают традиции научного исследования.

Ученые, деятельность которых строится на основе одинаковых парадигм, опираются на одни и те же правила научной практики. В определенном смысле общепризнанная парадигма является основной единицей измерения для всех, изучающих процесс развития науки. Эта единица как целое не может быть сведена к ее логическим составляющим. Формирование парадигм является признаком зрелости научной дисциплины, т. е. показателем выхода дисциплины на стадию «нормальной науки». Принимаемая в качестве парадигмы теория должна казаться предпочтительнее конкурирующих с ней других теорий, но она вовсе не обязана объяснять все факты и отвечать на все вопросы.

Деятельность ученых в допарадигмальный период развития науки менее систематична и подвержена многим случайностям. Когда впервые создается синтетическая теория (зародыш, прообраз парадигмы), способная привлечь на свою сторону большинство ученых следующего поколения, прежние школы постепенно исчезают, что частично обусловлено обращением их членов к новой парадигме. Начальные этапы принятия парадигмы обычно связаны с созданием специальных журналов, организацией научных обществ, требованиями о выделении специальных курсов в университетах. Парадигмы укрепляются по мере того, как их использование приводит к более быстрому успеху, чем применение конкурирующих с ними способов решения острых исследовательских проблем.

Нормальная наука — стадия развития научного знания, на которой в основном осуществляются накопление и систематизация знания в рамках сложившейся парадигмы и разработка парадигмальной теории в целях разрешения некоторых оставшихся неясностей и улучшения решения проблем, которые ранее были затронуты лишь поверхностно.

Решение такого рода задач Т. Кун уподобляет решению головоломок, где также необходимо действовать в рамках строгих правил-предписаний. Поэтому проблемы нормальной (зрелой) науки в очень малой степени ориентированы на открытие новых фактов или создание новой теории. Действия в рамках строгих правил-предписаний не могут привести к созданию новых парадигм, что равнозначно революции в науке, т. е. радикальной смене системы правил-предписаний научной деятельности.

Открытия начинаются с осознания аномалий, т. е. с установления того факта, что природа каким-то образом нарушила навеянные парадигмой ожидания. Это приводит к расширению исследований в области аномалии. Возникает парадокс — как нормальная наука, не стремясь непосредственно к новым открытиям и намереваясь вначале даже подавить их, может служить инструментом, порождающим эти открытия. Ответ состоит в том, что аномалия может проявиться только на фоне парадигмы. Чем более точна и развита парадигма, тем более чув-

ствительным индикатором для обнаружения аномалии она выступает. В определенной степени даже сопротивление изменению приносит пользу; оно гарантирует, что парадигма не будет отброшена слишком легко, что к изменению парадигмы приведут только аномалии, пронизывающие научное знание до самой сердцевины.

Но открытия не являются единственным источником деструктивно-конструктивных изменений парадигмы. Вторым источником ее банкротства становится постоянный рост трудностей в решении нормальной наукой своих головоломок в той мере, в какой она должна это делать. Как и в производстве, в науке смена инструментов (орудий труда) — это крайняя мера, которая применяется только при возникновении серьезных системных кризисов.

Экстраординарная наука — наука на стадии острого кризиса, когда аномалия ее развития становится слишком явной и признается большинством исследователей в данной области.

Любой кризис начинается с сомнения в парадигме и постепенного расшатывания правил нормального исследования. Ситуация начинает напоминать допарадигмальный период в развитии науки.

Кризис завершается одним из трех исходов:

1) нормальная наука может доказать свою способность разрешить проблему, породившую кризис;
2) большинством ученых признается, что проблема в ближайшей перспективе вообще не может найти своего решения и она как бы оставляется в наследство будущему поколению;
3) появляется новый претендент на роль парадигмы, и разворачивается борьба за «престол».

Но часто новая парадигма возникает (по крайней мере в зародыше) до того, как кризис зашел слишком далеко или был явно осознан. В других случаях проходит значительное время между первым осознанием крушения старой парадигмы и возникновением новой. В этот период наблюдается увеличение обращений за помощью к философии, бурное выражение недовольства состоянием дел, рефлексия фундаментальных положений науки — все это симптомы перехода от нормальной науки к экстраординарной.

Научная революция — это некумулятивные эпизоды развития науки, когда в результате кризиса старая парадигма замещается целиком или частично новой.

В изменениях такого рода Т. Кун усматривает много общего с революцией социальной. Именно в учении о природе и неизбежности научных революций автор наиболее глубоко расходится во взглядах с позитивистами, утверждавшими непрерывно накопительный характер развития знания и внеисторичность, незыблемость основных правил-предписаний и эталонов научного исследования. Научные революции приводят не только к радикальным изменениям взглядов на мир (перестройке картины мира), но и к изменениям самого мира, в котором живет человек.

Даже после утверждения на троне новой парадигмы сопротивление долго не прекращается. Отдельные ученые принимают новую парадигму по самым разным соображениям, в том числе лежащим вне сферы науки (например, культ солнца помог И. Кеплеру стать коперниканцем). Большую роль играют также эстетические факторы. Даже национальность и прежняя репутация новатора могут сыграть в этом процессе значительную роль. Обращение в новую веру будет продолжаться до тех пор, пока не останется в живых ни одного защитника старой парадигмы.

С точки зрения Т. Куна, прогресс науки не является строго поступательным. Он наиболее очевиден в периоды ее нормального (кумулятивного) развития. При смене парадигм число вновь открывающихся проблем обычно превышает число разрешаемых. Но именно открытие нового поля проблем обеспечивает дальнейшее движение вперед на очередном этапе существования нормальной науки уже в рамках новой парадигмы. Т. Кун также обращает внимание на то, что новизна ради новизны не является целью науки, как это часто бывает в других областях творчества. И хотя новые парадигмы редко или никогда не обладают всеми возможностями своих предшественниц, они обычно сохраняют огромное количество наиболее конкретных элементов прошлых достижений, открывая при этом возможности новых конкретных решений старых проблем.

Но можно ли считать, что с каждой научной революцией мы все ближе подходим к некоему полному, объективному, истинному представлению о природе? К положительному ответу на так поставленный вопрос Т. Кун относится скорее скептически просто потому, что такого абсолютного знания в принципе существовать не может. Но мы можем говорить о все большей сообразности инструментов и процедур исследования тому, что мы изучаем.

В заключение следует обратить внимание на особое значение понятия «научное сообщество» в подходе Т. Куна. «Парадигма — это то, что объединяет научное сообщество, и наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму». Вне конкретного научного сообщества понятие парадигмы теряет свой смысл. Таким образом,

парадигмы не живут сами по себе; и когда говорят о переосмыслении в рамках той или иной парадигмы новых фактов или смене парадигм, имеется в виду реальная жизнь научного сообщества. Поэтому социология науки — неотъемлемый аспект логики развития науки.

2.6. Принцип фальсифицируемости гипотез в теории критического реализма К. Поппера

Особое место в дальнейшем раскрытии пути роста объективного знания следует отвести К. Попперу, который работал в XX в.[1] в период сосуществования разных этапов научного познания. Его вклад в развитие теории объективного знания был связан с направленностью на раскрытие путей, которыми движется наука, т. е. с раскрытием нормативов научного мышления, где теории проверяются на истинность эмпирически, но сложным путем, включающим звено выдвижения гипотез. Научный путь познания был понят им как становление надындивидуальных схем критического мышления научного сообщества.

Основным нормативом роста объективного знания К. Поппер считал выведение из теорий (как дедуктивных конструкций) следствий, проверяемых опытным путем. В экспериментальном или другом теоретико-эмпирическом исследовании проверяются именно эти предполагаемые следствия — гипотезы как высказывания, истинность или ложность которых неизвестна, но может быть установлена опытным путем. Эксперименты проводятся для того, чтобы эмпирически проверять научные гипотезы, утверждающие причинно-следственные отношения между переменными.

В самом поле научных гипотез принято выделять как минимум два уровня — уровень общих гипотез (теоретических, дедуктивных конструкций, формулировок законов) и частных (эмпирических, относимых к обобщениям эмпирически установленных закономерностей).

Теоретические гипотезы — это положения, прямо не проверяемые, а дедуктивно полагаемые в рамках той или иной теории.

В науке теория часто забегает вперед. Гипотезы порой не удается проверить в настоящем, но зато это случается в будущем, когда, например, оказываются разработанными соответствующие методические средства. Это называется также проблемой операционализации переменных.

[1] До 1937 г. работал в Вене, с 1937 по 1946 г. — в Новой Зеландии и затем в Лондоне, где до середины 1970-х гг. был профессором Школы экономики и политических наук.

Немецкий ученый К. Хольцкамп, автор книги «Теория и эксперимент в психологии» [Хольцкамп, 1981], аналогично К. Попперу существенное внимание уделил новым формулировкам принципа индукции как не применимого в сфере построения объективного знания. Он полагал, что общие высказывания задают «сеть» теории. И чем у́же ячейки этой сети, тем более знания будет выловлено ученым. То есть общие высказывания как бы перпендикулярны частным.

К. Поппер, в отличие от этого, рассматривал частные и общие высказывания как два уровня, которые располагаются скорее в параллельных плоскостях. И между ними существует возможность перехода: общие высказывания, касающиеся формулировок законов, могут быть проверены на истинность в эмпирическом исследовании. И основной принцип такой проверки — это принцип фальсификации.

Итак, сциентистская установка в научном исследовании подразумевает возможность установления истинности или ложности проверяемой гипотезы. Истинность при этом понимается как соответствие фактам (или действительности). Точнее, теория истинная, если и только если она соответствует фактам. Установление ложности, или фальсификация теорий, — основной путь прироста научного знания. Фальсификация в житейском смысле означает подлог, т. е. обман. Однако в научных исследованиях этот термин имеет совсем иное значение. Наиболее четко оно было сформулировано в работах К. Поппера. Он противопоставил принципу верификации гипотез принцип их отвержения, или фальсификации. При этом автор исходил из того, что любое теоретико-эмпирическое исследование направлено на решение определенной научной проблемы.

Научная проблема — это формулировка, т. е. осознание, какого-то противоречия, в разрешение которого вносит вклад проведение научного или практически направленного исследования.

Теоретико-эмпирическое исследование включает как постановку проблемы, завершающуюся обоснованием теоретической гипотезы, так и проверку эмпирически нагруженных гипотез.

Верификация — получение опытных данных в пользу предполагаемой гипотезы.

Звено гипотез в научном познании отличает эту трактовку от того критерия верифицируемости, который был разработан в позитивизме.

В подходе к научному познанию, названному **критическим реализмом**, Поппер обосновал невозможность индуктивного пути при оценке истинности гипотезы. Научная гипотеза никогда не может считаться

«доказанной» также в результате верификации, поскольку никакие утверждения о фактах (уровень частных высказываний) не могут служить основанием для признания истинности теоретического положения, выраженного на уровне универсального (обобщенного) высказывания. Другими словами, речь идет о том, что никакое множество данных в пользу экспериментальной гипотезы не становится основанием, чтобы считать высказанное в гипотезе предположение истинным.

Научные обобщения не строятся индуктивно. Всегда следует ожидать обнаружения новых данных, примеров, которые могут противоречить любому множеству накопленных ранее «подтверждений» обобщенного высказывания. Наука формулирует свои теоретические положения именно как общие высказывания. И в логике таких обобщений следует предполагать разрыв между плоскостями частных суждений, на которые распространяется принцип индукции, и универсальных, которые не могут быть подтверждены индуктивно. Но эти универсальные высказывания, претендующие на роль теоретических законов, могут быть опровергнуты опытным путем, т. е. с помощью противоречащих им эмпирических данных. В этом и заключается принцип асимметрии вывода о научной гипотезе на основе экспериментального исследования. **Принцип асимметрии** заключается в том, что гипотезу можно фальсифицировать (отвергнуть), но нельзя подтвердить (доказать ее истинность) на основе опытных данных.

Фальсифицируемость — наличие принципиальной возможности для любой гипотезы, претендующей на статус научной, быть отвергнутой в ходе эмпирической проверки.

Таким образом, проверяя истинность теоретических гипотез, психолог, как и любой другой исследователь, использующий экспериментальный метод, действует по принципу «от противного». То есть он вынужден опровергать неверные гипотезы, а не только искать подтверждения верным.

Итак, опровержение неправильных теорий, противоречащих устанавливаемым экспериментально опытным данным, — основной путь экспериментальной проверки научных гипотез. Этот принцип, известный также как доказательство от противного (или асимметрия вывода на основе экспериментальной проверки теории), был выведен в работе Поппера 1933 г. как общая методология экспериментального метода в науке (опубликовано на русском в 1983 г.). И это вместе с экспериментальным методом восприняла в XX в. психология.

Однако здесь скрыто некоторое противоречие, названное в методологии науки одним из парадоксов Карла Поппера. Оно заключается

в том, что развитие научного знания идет поступательно как приращение. В то же время путь опытной проверки теорий предполагает их опровержение. Сам Поппер это противоречие включил в развитие методологии критического реализма: научное знание развивается так, что отбрасывается все больше заблуждений.

В результате исследования ученый оказывается уже перед другой проблемой, чем та, с которой он начал постановку исследовательской цели. Пространство проблемы изменилось. Таким образом, в научном познании человеческая мысль движется все же поступательно — формулируются все новые гипотезы о причинном влиянии тех или иных факторов на изучаемые реалии.

Важным для методологии Поппера является разделение самих фактов на установленные (в том или ином исследовании) и принимаемые в качестве мнений, верований или иным образом представленной субъективной реальности. Для построения теорий, претендующих на объективное знание, необходимо учитывать различие понятий субъективного и объективного знания. К. Поппер, разработавший эволюционный подход к пониманию роста научного, а значит, объективного знания, предложил различать теорию познания, основанную на здравом смысле, и собственно научные теории. С его точки зрения, глубочайшим заблуждением является смешение мира психологической реальности (он называет ее сознанием, или *mind*) и мира теорий и гипотез, имеющих статус объективного знания.

К. Поппер четко разделял мир субъективного и мир объективного знания. Мир 1 — это мир физической, предметной реальности. Психологическая реальность, связанная с индивидуальным познанием, помещена им в мир 2. Теории и гипотезы живут в мире 3 — надындивидуальном, представляющем и догадки, и объективное знание.

Старая теория познания, основанная на здравом смысле, вносит, согласно Попперу, «наивную путаницу». Она проста и называется автором «бадейной» теорией (от слова «бадья», которая может заполняться). Схема «бадейной» теории изображена на рис. 1.

Однако сначала приведем основания построенной таким образом теории познания (субъективной теории, опирающейся на здравый смысл). «Если вы или я хотим узнать о мире нечто еще неизвестное, нам надо открыть глаза и оглядеться кругом. И нам надо насторожить уши и прислушаться к звукам, особенно к тем, что издают другие люди. Таким образом, разные наши чувства служат нам источниками знания, источниками, или входами, в наши сознания (*minds*)» [Поппер, 2002, с. 66].

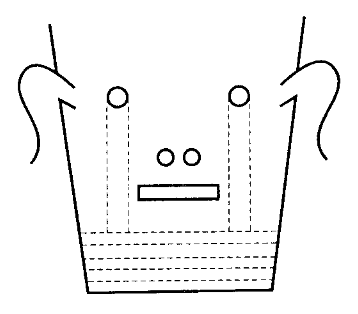

Рис. 1. «Бадейная» теория познания (в интерпретации К. Поппера)

«Бадейная» теория несколько упрощает теорию познания, известную в философии как теория сознания или *tabula rasa*, согласно которой наше сознание — чистая доска, на которой чувства вырезают свои послания. Сознание, согласно этой теории, — это бадья, которая поначалу более или менее пуста и в которую через органы чувств (и может быть, через воронку сверху) проникает материал, который в ней собирается и переваривается. Этот материал — субъективное знание. Форма такой теории познания может иметь самый современный вид — например, в теории информации (тогда бадья снабжена компьютерной программой). Но в любом случае общим остается тезис о том, что все самое главное мы узнаем благодаря входу опыта (эмпирии) через отверстия наших органов чувств.

По мнению Поппера, «бадейная» теория во всех ее вариантах совершенно ошибочна и остается ведущей, пожалуй, только для бихевиористов. В число ее ошибок входят следующие:

- знания представляются как «подобные вещам сущности... (идеи, впечатления, чувственные данные, элементы, атомарные переживания — или, может быть, чуточку лучше — молекулярные переживания, или гештальты)»;
- знания находятся в нас (информация, которую мы сумели впитать);
- принимается постулат непосредственности, согласно которому существует непосредственное или прямое знание, т. е. чистые, неискаженные элементы информации, которые входят в нас и определенное время сохраняются «непереваренными».

Последний пункт развивается следующим образом. Все ошибочные знания, основанные на этой теории здравого смысла, происходят от плохого интеллектуального пищеварения, которое портит первичные данные, внося в них субъективные примеси.

На основе критики теории познания, основанной на здравом смысле, Поппер и вводит схему «трех миров», позволяющую избежать путаницы, вносимой «бадейной» теорией познания.

2.7. И. Лакатос и концепция внутреннего единства логики доказательства и опровержения

Имре Лакатос (1922–1974), английский последователь (венгерского происхождения) методологического фальсификационизма, как и Т. Кун, не ограничился критикой положений логического позитивизма, а попытался построить развернутую концепцию научно-познавательной деятельности. В центре ее стоит понятие исследовательской программы, основанной на внутреннем единстве логики доказательств и опровержений. Осуществляя логическую реконструкцию реального процесса научного познания, И. Лакатос пришел к выводу, что он протекает в форме движения от «наивной догадки» (правильной в отношении весьма простых случаев) к достаточно сложной формуле, охватывающей большой спектр объектов. Внутренним механизмом такого движения выступает критический анализ имеющейся исходной гипотезы (наивной догадки) через попытки ее доказательства с помощью мысленного эксперимента с идеальным объектом, в отношении которого сформулирована исходная гипотеза. При этом появляются локальные или глобальные контрпримеры, противоречащие исходной гипотезе. Именно они выступают тем оселком, на котором оттачиваются знания.

И. Лакатос обосновывает возможность трех способов действия (трех «стратигем») в этой кризисной ситуации.

1. Метод устранения «монстров», при котором первоначальная гипотеза (наивная догадка) сохраняется за счет такого переопределения ее терминов, что контрпример истолковывается как патологический случай (монстр), который не ставит под сомнение саму догадку. Это скорее оборонительная, нежели наступательная стратегия, так как мы закрываем путь для дальнейшего совершенствования знания за счет его распространения на более сложные случаи.
2. Метод устранения исключений — выявление условий, ограничивающих область применения гипотезы, т. е. первоначальное предположение не отбрасывается, а уточняется, но это уточнение носит внешний характер по отношению к сути самого доказательства в форме мысленного эксперимента.

3. Метод включения лемм, заключающийся в уточнении исходной формулировки гипотезы путем включения в нее в качестве ограничивающего и конкретизирующего условия тех неявных посылок, пренебрежение которыми в «наивной» (слишком общей и неконкретной) формулировке и порождает возможные контрпримеры. Открытие здесь не идет ни вниз, ни вверх, но следует по зигзагообразному пути: толкаемое контрпримером, оно движется от наивной догадки к предпосылкам и потом возвращается назад, чтобы уничтожить наивную догадку и заменить ее теоремой.

Таким образом, подлинная методология, по Лакатосу, не должна быть ни индуктивистской, ни односторонне дедуктивистской. Она должна исследовать конструктивные процессы обогащения, развития содержания научного знания и вырабатывать соответствующие нормы, приемы, способы исследования. Противоречие между выдвинутыми положениями и контрпримерами выступает стимулом для «включения» критико-рефлексивной установки по отношению к сложившейся познавательной ситуации, выявления ее скрытых (неявных) посылок, что, в свою очередь, ведет к запуску конструктивной творческой деятельности мысли по преодолению сложившейся кризисной ситуации путем выхода за ее пределы, расширения познавательного горизонта и, наконец, формулирования более богатого, полного и глубокого содержания мыслимой реальности.

Так И. Лакатос реализует в своих ранних работах концепцию внутреннего единства логики доказательства и опровержения, логики открытия и опровержения. Он считал свой подход завершающим этапом в развитии фальсификационизма и настаивал на том, что нужно отказаться от теоретической модели К. Поппера, в которой за выдвижением некоторой гипотезы должна обязательно следовать ее проверка на опровержимость. Ни один эксперимент не является решающим и достаточным для опровержения теории. Исходным пунктом должно быть не установление фальсифицируемости гипотезы, а выдвижение исследовательской программы.

Исследовательская программа — теория (вернее, серия теорий разного уровня), способная защищать себя при столкновении с контрпримерами. В программе выделяется «твердое ядро» (основные принципы или законы) и «защитные пояса», которыми ядро окружает себя в случае столкновения с эмпирическими затруднениями.

Например, законы И. Ньютона образуют ядро построенной им исследовательской программы, столкнувшейся с контрпримером, — рассчитанная по этим законам орбита планеты Уран отличалась от той, которую фиксировали астрономические наблюдения. Означало ли это, что следовало отбросить эти законы? Отнюдь нет. Астрономом Леверье было сделано дополнительное предположение (защитный пояс) о существовании еще одной планеты в Солнечной системе, и через год эта планета (Плутон) была обнаружена. Если бы эта гипотеза не подтвердилась, придумали бы другую. Таким образом, теория никогда не фальсифицируется, а вытесняется другой, лучшей.

И. Лакатос полагает, что исследовательская программа с внешней стороны проявляется как серия теорий, последовательность которых задает ядро исследовательской программы. На основе того, имеется ли прогресс в решении проблем серией теорий конкурирующих исследовательских программ, их можно оценивать, сравнивать и говорить о точке насыщения той или иной исследовательской программы. Объектом методологического анализа и соответственно оценки эффективности являются сравнительные объяснительно-предсказательные возможности серий теорий, имеющих общее ядро. Отдельные положительные и отрицательные примеры по отношению к отдельной теории мало что значат для ее оценки.

И. Лакатос нарисовал достаточно широкую картину логической реконструкции, истолкования исторического процесса познания в форме взаимодействия различных исследовательских программ, линий развития знания, отправляющихся от исходного основания (твердого ядра) и предполагающих в качестве механизма своей регуляции негативные и позитивные эвристики. Первые носят скорее оборонительный характер и направлены на сохранение твердого ядра программы при столкновении с контрпримерами; вторые (наступательные) учат тому, как развивать исследования в рамках программ, как совершенствовать теории, создаваемые на основе данной программы, каким испытаниям нужно подвергнуть для этого принятые утверждения.

Исследовательская программа может быть либо прогрессирующей (если теоретический рост предвосхищает рост эмпирический и программа с успехом предсказывает новые факты), либо регрессирующей (если новые факты появляются неожиданно, а программа дает им запоздалые объяснения). Если одна из конкурирующих программ прогрессивно объясняет больше, чем другая, то первая вытесняет вторую. Главное, по И. Лакатосу, — это внутреннее единство тенденций оправдания и опровержения исходных предположений, которое определяет непрерывность развития наук, обогащение и конкретизацию исходного содержания, выведение одних форм знания из других под влиянием противоречий самого познания.

2.8. Старые дихотомии в современных методологических подходах

2.8.1. Новые критерии научного знания

В методологии науки сосуществуют разные направления, акцентирующие один или ряд из следующих аспектов рассмотрения роста научного знания: социологический, историко-научный, формально-логический, лингвистический, теоретико-эмпирический, а также заданные дихотомиями гуманитарное — естественнонаучное, рациональное — интуитивное и т. д. Не обращаясь пока к проблеме ассимиляции их в психологии (и тем более порождения собственных методологических представлений в рамках психологической науки и практики), представим некоторые из них. Одновременно расширим терминологию, которая призвана охватить или подчеркнуть превалирование этих аспектов в наиболее известных методологических подходах. При этом со всей очевидностью проявляется и ограниченность маркировки авторских концепций как прописывания их в рамках того или иного направления.

В концепции Т. Куна, который ввел понятие нормальной, или парадигмальной, науки, сочетаются историографический и социологический аспекты методологического анализа. Обращение к социально-психологическим аспектам деятельности ученых, общению, подчеркивание роли научного сообщества как сообщества людей (а не только идей) — эти факторы развития науки четко представлены в его «парадигмальном подходе».

Парадигмы классической науки — в период становления естествознания — включали такие существенные требования, как следование классическому идеалу рациональности, в том числе проверку достоверности знания, или критерий истинности, а также принятие самоочевидности истин, которые не предполагается проверять (непосредственная данность Декартова «я мыслю»). Переосмысление таких картезианских критериев научности знания, как его достоверность и самоочевидность, было осуществлено Ч. Пирсом в 70-е гг. XIX в. Практические последствия действий на основе знания — вот новый критерий научности в направлении позитивистской философии, получившей название «прагматизм».

Прагматизм — направление позитивизма, «рассматривающее значение понятий, суждений и пр. в терминах последствий основанного на них действия, успешность которого составляет единственный критерий истинности и отождествляется с нею» [Философская энциклопедия, 1967, т. 4, с. 336].

В 90-е гг. XIX в. благодаря работам философа и психолога В. Джеймса (1842–1910) прагматизм получил широкую популярность. Благодаря работам другого американского философа, психолога и педагога Дж. Дьюи (1859–1952), который начинал с прагматической интерпретации логики, такой вариант прагматизма, как инструментализм, превратился в универсальный метод мышления, став в США «почти официальной философией». Основой логических форм и законов Дьюи объявил не отражение законов бытия, а «способ действий».

Инструментализм — это разновидность прагматизма, разработанная Дьюи и рассматривающая интеллект в качестве средства приспособления к изменяющимся условиям среды.

2.8.2. Фаллибилизм

Ч. Пирса (1839–1914) упрекали в смешении логических и психологических аспектов позитивизма как методологии научного мышления. Отметим здесь только два момента. Первый — рассмотрение основной функции мышления и научного познания вообще с позиций биологического и психологического удовлетворения. Согласно Пирсу, познание позволяет преодолевать «беспокойное и неприятное состояние сомнения», в результате чего достигается вера, на основании которой человек может действовать без сомнений и колебаний. Второй — введение представлений о том, что научное познание может начинаться с любых гипотез, в том числе и ошибочных. Акцентирование предположительного характера научного знания привело Ч. Пирса к обоснованию фаллибилизма. В своей описательной психологии В. Дильтей выделил именно предположительность гипотез в качестве основного упрека объяснительному методу в науке (и объяснительной психологии). Для фаллибилизма гипотетичность научного знания выступает естественной составляющей его становления.

Фаллибилизм — это методологическая позиция, согласно которой любое знание лишь приблизительно и вероятностно.

Ч. Пирс подчеркнул, что научное знание может начинаться с любых предположений, в том числе и ошибочных. Научное исследование — это «жизненный процесс», протекающий в критических спорах и проверках предположений как научных гипотез.

Позитивным результатом такого процесса является корректировка гипотетического знания и повышение вероятности его как знания истинного. В критическом реализме К. Поппера идея фаллибилизма пре-

образована с учетом ориентировки на роль критического размышления в построении объективного знания и возможность оценивания правдоподобия научных гипотез. Представлению этой методологической концепции, противопоставившей позитивистским установкам теорию наиболее строгой проверки гипотез как теоретических реконструкций на основе опытных данных, мы посвятили специальное место, поэтому далее кратко остановимся на других, не упоминавшихся еще концепциях.

Социологический аспект четко выделяется в подходе Дж. Агасси, рассматриваемом как вариант фаллибилизма [Агасси, 1994]. Поставив вопрос о соотношении автономности науки в обществе и автономности ученого в рамках научного сообщества, он настаивает на приоритете автономности ученого. Ученый взламывает устоявшиеся каноны научной работы, включая в контекст научного познания «философские, политические и экономические баталии, идущие в той общественной среде, в которую погружена наука». То есть не устоявшиеся нормативы или парадигмальные установки ученых, а их независимость и самостоятельность в выдвижении проблем и поиске путей их решения лежат в основе развития научного знания.

2.8.3. Релятивизм и операционализм

Признание относительности научного знания имеет иные истоки в старых философских концепциях, получивших названия релятивизма и номинализма.

Метафизический релятивизм, признававший существование вещей и их свойств только в отношениях к другому (например, воспринимающему их субъекту), восходит еще к позиции Д. Беркли (1685–1753), высказанной им в «Трактате о началах человеческого знания». Гносеологическим релятивизмом отличаются все концепции, считающие научные знания значимыми лишь в определенных пределах (а значит, необъективными). Протагоровское «Человек есть мерило всех вещей» — первое обоснование этой позиции, связывающей любое знание с индивидуальным опытом. Путь от философии эмпиризма к философии эмпириокритицизма — одна из линий обоснования относительности знаний в теории познания. Критический рационализм К. Поппера — другой путь, предполагающей возможность объективного знания (на основе ограничения поля неверных гипотез в результате их экспериментальной проверки).

Ситуативность, условность и относительность научного знания подчеркивается в релятивистских концепциях, первая из которых связана с именем В. Джеймса. Прагматизм В. Джеймса задавал такой критерий истинности мышления, как его польза, выгода, к которой оно приводит. Представлены ли в мышлении производственные, бытовые, религиозные или научные связи — это менее важно, чем то благоустройство, к которому они могут приводить. Таким образом, эта концепция предполагает относительность истинности с точки зрения подчиненности гностических целей иным — прагматическим. Другой существенный ее аспект — признание в качестве реальности всего, во что верит человек. Критерии истинности и реальности начинают совпадать, если суждение (будь то знание или верование) приводит к нужным (удовлетворяющим человека) последствиям.

Автономность и относительность знания утверждаются в одной из концепций операционализма, с философским обоснованием которой выступил в 1927 г. П. Бриджмен (1882–1961) в его «Логике современной физики» (а высказал эту идею в 1920 г. физик Н. Кэмпбелл). В этой методологии экспериментальная процедура стала выступать как средство выявления точного физического смысла некоторых физических понятий, т. е. определение понятия имеет смысл только в конкретном операциональном контексте.

Существеннейшим признаком научного знания является возможность операционализации как установления операций, посредством которых человек задает представление об опытных данных (эту линию представления научного знания мы уже рассматривали при знакомстве с общими положениями неопозитивизма). Операционализм подчеркнул, что научное знание не может рассматриваться безотносительно к психике индивида и ситуации его получения. Значения научных понятий определяются операциями, которые относятся к способам получения индивидуального опыта. Операции ограничены временным аспектом их осуществления и не должны рассматриваться как надындивидуальные сущности. Общественная наука, с точки зрения автора этой концепции, — миф, поскольку научная деятельность — это личное частное дело. «Моя наука операционально отличается от вашей науки, как и моя боль отличается от вашей боли. Это ведет к признанию того, что существует столько наук, сколько индивидов» (цит. по кн.: Лекторский, 1972).

2.8.4. Номинализм, реализм, рационализм

Номинализм — философское учение, согласно которому общие понятия не имеют онтологического содержания. Общее сводится к словам, или именам (*nomina*). В схоластике — в Средние века — номинализм противостоял реализму (в решении проблемы универсалий).

Концептуализм признавал уже существование общих понятий в познающем их уме.

Реализм — «объективно-идеалистическое философское учение, согласно которому общее обладает объективным существованием, предшествует единичным конкретным предметам независимо от них» [Философская энциклопедия, 1967, т. 4, с. 474].

С таким пониманием не следует путать критический реализм К. Поппера, который адекватнее называть критическим рационализмом.

Релятивизм в сочетании с номинализмом стал характерным и для новых философских направлений, в частности неопозитивизма уже упоминавшегося критика позитивизма, американского логика, математика и философа У. Куайна. Он рассматривал проблему возможностей научного познания как выявления его пределов, задаваемых рамками формальной системы, объединяющей получаемые с помощью наблюдения и эксперимента данные. Логические и лингвистические аспекты анализа роста научного знания стали в этой концепции главенствующими. В споре с одним из классиков неопозитивизма Р. Карнапом он подчеркивал, что принятие тех или иных языковых каркасов — результат, получаемый в практике научной деятельности ученых. Взаимное согласие, или конвенция, — это социально-психологический, а не формально-лингвистический фактор.

Фаллибилизму сегодня противостоят различные концепции рациональности. Отметим самое широкое понимание онтологического рационализма (идущее от Платона и Лейбница до Гегеля).

Рационализм — «любое учение, согласно которому всякая реальность имеет в себе самой или в начале, от которого она происходит, достаточное основание для своего бытия» [Философская энциклопедия, 1967, т. 4, с. 470].

В теории познания рационализм стал той философской базой в XVII в., которая противопоставила ортодоксальному теологическому мировоззрению осмысление достижений математики и естественных наук, где получение истины с логическими свойствами всеобщности и необходимости связывалось не с опытом, а со свойствами самого разума. «Ослабление» классического рационализма обсуждалось выше в связи с теорией познания И. Канта. Рационализму противостояли интуитивизм и другие иррационалистические теории познания.

Новые зарубежные концепции рациональности связываются с оцениванием как основополагающих научных гипотез, так и правил их проверки, институциализирующих путь к истинному знанию. И эти

пути сопричастны друг другу, так как люди способны децентрироваться с одних типов рациональности на другие, понимая друг друга.

Реализм также прослеживается в современных методологических концепциях. Автор одной их «сильных» версий реализма В. Ньютон-Смит формулирует следующие утверждения: 1) теоретические высказывания истинны или ложны в зависимости от того, каким мир оказывается сам по себе, а не в силу познающего его ума; 2) доказательствами истинности теории могут выступать свидетельства существования тех сущностей, которые должны существовать, чтобы теория была истинной; 3) можно рационально решить, какая из конкурирующих теорий более близка к истине; 4) исторически сложившаяся последовательность теорий в естественной науке является последовательностью теорий, расположенных по мере большего приближения к истинности (цит. по кн.: Помогайбин, 2001, с. 386).

И наконец, отметим жизненность последнего из названных противопоставлений — рационализма и интуитивизма.

2.8.5. Интуитивизм

Интуитивизм в теории познания выступает как разновидность иррационализма. В XX в. его крупнейшие представители — А. Бергсон, Э. Гуссерль, Н. Лосский. В воззрениях Декарта и Спинозы интеллектуальная интуиция представляла собой высший акт разумного познания, не исключающий логического мышления и чувственного отражения. В интуитивизме как методологии познания интуиция становится иррациональным актом познания, в котором якобы преодолевается противоположность между субъектом и объектом.

Уже Платон (427–347 гг. до н. э.) утверждал возможность созерцания идей путем внезапного озарения, предполагающего длительную подготовку ума и ведущего к непосредственному интеллектуальному знанию (путь интеллектуальной интуиции). Декарт считал, что разум в форме интуиции приводит к более достоверному знанию, «чем сама дедукция». А. Бергсон (1859–1941), выступая против механицизма и догматического рационализма, утверждал первичность «реальности жизни», сущность которой постижима лишь интуицией. Вслед за А. Шопенгауэром (1788–1860) он настаивал на иррациональности интуитивного познания. «Чистая интуиция», с его точки зрения, не требует понятийного различения, а значит, дает рационально невыразимое знание.

Интуитивное познание как путь к истине противопоставлялось рациональному и в методологии. Немецкий философ Э. Гуссерль (1859 — 1938) выдвинул программу превращения философии в строгую дис-

циплину, задающую основы логики научного знания. Этому был посвящен его двухтомник «Логические исследования»; позднее он стал усматривать функцию философии как раскрывающей не мир науки, а «жизненный мир». Рассмотрев кризис европейских наук как кризис объективизма, он попытался создать рационализм нового вида. Этим новым направлением стала феноменология, сделавшая основным «вопрос о структуре процесса “переживания” истин и общезначимых идей, взятого в виде целостности, в виде непрерывного потока» [Современная буржуазная философия, 1978, с. 214]. Главным методом такого изучения потока сознания стала интеллектуальная интуиция.

В отличие от интуитивизма Бергсона, ориентированный на феноменологию Гуссерля интуитивизм предполагал необходимость рефлексии актов сознания и данного в них содержания. Постижение же феноменов на этом пути происходит путем созидающей интуиции, которая требует освободиться от привычного хода мысли (с его «естественными установками»), чтобы вернуться к изначальной данности любых явлений. Этому служит феноменологическая редукции — попытка «приостановки» привычных суждений и верований. Непосредственное и беспредпосылочное созерцание «чистых сущностей» — единственно правильный путь понимания сознания с трансцендентально-феноменологической позиции.

Об ориентировке на непосредственное знание мы будем далее говорить в контексте противопоставления современных парадигм в психологии (глава 9), а о понимании такого пути познания как метафизического — в противопоставлении Л. С. Выготским двух психологий (глава 5). В данной же краткой справке отметим только, что, несмотря на его программные устремления, имя Гуссерля стало связываться именно с иррационалистическими течениями в философии. Его ассистент М. Хайдеггер последовательно реализовал феноменологический метод для критики научного познания (сам Гуссерль считал, что используемые им понятия искажены в подходе Хайдеггера). Но в целом феноменология признается одним из источников экзистенциализма.

2.8.6. Теоретическое — эмпирическое

Отношение теории к опытным данным и критерии, отличающие собственно теоретическое знание, обсуждаются не только в философско-методологических работах, но и в позициях ученых, вырабатывающих эти критерии как обобщения хода научной деятельности. Приведем в качестве примера критерии теории, предложенные великим физиком А. Эйнштейном. Любая научная теория отличается

тем, что она должна (цит. по кн.: Помогайбин, 2001): «а) не противоречить данным опыта, фактам; б) быть проверяемой на имеющемся опытном материале; в) отличаться “естественностью”, т. е. “логической простотой” предпосылок (основных понятий и основных соотношений между ними); г) содержать наиболее определенные утверждения: это означает, что из двух теорий с одинаково “простыми” основными положениями следует предпочесть ту, которая сильнее ограничивает возможные априорные качества систем; д) не являться логически произвольно выбранной среди приблизительно равноценных и аналогично построенных теорий (в таком случае она представляется наиболее ценной); е) отличаться изяществом и красотой, гармоничностью; ж) характеризоваться многообразием предметов, которые она связывает в целостную систему абстракций; з) иметь широкую область своего применения с учетом того, что в рамках применимости ее основных понятий она никогда не будет опровергнута; и) указывать путь создания новой, более общей теории, в рамках которой она сама остается предельным случаем».

Сложившимся в естествознании методологическим основанием построения теоретического знания служит использование так называемых идеальных объектов. Такие идеальные объекты играют центральную роль в представлении научных законов. Теоретическая модель существенных связей как бы полагается на изучаемую реальность. При этом гипотетическое знание, с одной стороны, оформляется средствами идеализации (включая моделирование и мысленные эксперименты), а с другой — проверяется по отношению к возможности описания и объяснения этой реальности с помощью устанавливаемых законов.

Для гуманитарных наук пути и средства построения теории могут быть иными. Здесь может быть неадекватной как идея полагания (дедуцирования) законов на изучаемую реальность, так и путь построения идеализированных объектов. Но с точки зрения основных средств мышления в гуманитарных науках также используются пути критической проверки обобщений, полагаемых в качеств теоретических предположений.

Психологические теории имеют очень разные структуры, а мышление психологов разных научных школ в разной степени ориентировано на методы, предполагающие оценку истинности теории, а не только демонстрацию соответствующих ей фактов. В науковедении пути, характеризующиеся поиском подтверждающих и, напротив, опровергающих теорию данных, связываются с более ранними и более поздни-

ми периодами в развитии науки. Психология чрезвычайно неоднородна с точки зрения уровня и направлений в развитии своих теоретических представлений в различных предметных областях и тем более — в сфере методических путей проверки психологических гипотез. И анализ уже опробованных методологических подходов в рефлексии собственных путей организации исследования — необходимое звено критической оценки психологического знания.

2.9. Постнеклассическая стадия развития науки

По В. С. Степину [Степин, 2000], постнеклассическая наука формируется в ходе четвертой глобальной научной революции, начавшейся в последней трети XX в. В этот период изменяется сам характер научной деятельности в силу появления принципиально новых средств добывания, хранения и использования научных знаний практически во всех сферах человеческой жизни. Сложные и дорогостоящие приборные комплексы обслуживаются и используются большими коллективами и начинают функционировать аналогично средствам промышленного производства. На первый план начинают выдвигаться междисциплинарные исследования и проблемно ориентированные формы исследовательской деятельности. В выборе целей исследования наряду с познавательными все большую роль играют экономические и социально-политические факторы.

Работа в рамках комплексных программ приводит к сращиванию в единой системе деятельностей теоретических и экспериментальных, фундаментальных и прикладных знаний, интенсификации прямых и обратных связей между ними. Постепенно стираются жесткие границы между картинами реальности, выстраиваемыми различными науками, и появляются фрагменты целостной общенаучной картины мира. Новые возможности полидисциплинарных исследований позволяют делать их объектами сверхсложные уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Наиболее сложные и перспективные исследования имеют дело с исторически развивающимися системами, которые формируют со временем все новые уровни своей организации, появление которых влияет на уже существующие, меняя связи и композицию их элементов. Формирование каждого нового уровня сопровождается прохождением систем через состояние неустойчивого равновесия (точки бифуркации), и в эти моменты небольшие случайные воздействия могут привести к изменению направлений развития и появлению новых структур.

Саморазвивающиеся системы[1] характеризуются синергетическими эффектами и принципиальной необратимостью процессов. Взаимодействие человека с такими системами не является чем-то внешним, а как бы включается в систему, изменяя каждый раз поле ее возможных состояний. При этом человек имеет дело не с жесткими предметными свойствами, а со своеобразными констелляциями возможностей, и перед ним каждый раз возникает проблема выбора линии развития из множества путей эволюции системы. При этом сам выбор необратим и чаще всего не может быть однозначно просчитан. Создаются новые методы предсказания — построение сценариев возможных линий развития системы в точках бифуркации. С идеалом науки как аксиоматико-дедуктивной системы все больше конкурируют методы исторической реконструкции, ранее применявшиеся преимущественно в гуманитарных науках.

Постнеклассическая наука — современная стадия в развитии научного знания, добавляющая к идеалам неклассической науки требования учета ценностно-целевых установок ученого и его личности в целом.

Эти требования не только не противоречат идеалам объективности научного знания, но и являются его условием. Такая постановка вопроса перекликается с пониманием определенной части научного знания как знания личностного (по М. Полани).

2.10. Постпозитивистская трактовка развития науки

Представление о постнеклассической картине мира тесно связано с развитием постпозитивистской философии. Постпозитивизм предполагает преодоление позитивистских и неопозитивистских подходов к построению научного знания.

В философии постпозитивизма поиск новых критериев рациональности проходил по другим методологическим основаниям, чем применительно к стадии неклассической науки. Нацеленность на получение объективного знания была заменена идеей множественности истины и путей ее получения.

Представленное понимание постнеклассического этапа в развитии науки опирается на новый идеал рациональности, который был обоснован в философии постпозитивизма. Наиболее ярким представите-

[1] Термин «самоорганизующаяся система» был введен в 1947 г. Эшби в его «Принципах самоорганизации динамической системы». В этом понятии фокусировались ряд проблем теоретической кибернетики в 50-е гг. XX в. Потом оно вошло в биологию, социологию; возникли представления о самообучающихся и саморазвивающихся системах.

лем этого направления выступил П. Фейерабенд, родившийся в Вене американский философ (1924–1994), который ввел представление об иррациональных критериях развития науки.

Он критиковал положения Поппера и Лакатоса о возможности приближения к истине на пути смены научных теорий. В отличие от сторонников неопозитивизма Фейерабенд считал необходимым рассматривать теоретическую нагруженность научных понятий и представлений как необходимый компонент развития науки. Но с этим связан и другой аспект его подхода: признание, что каждая теория создает свой язык описания фактов и свои логико-методологические стандарты их опытной проверки. Поэтому теории становятся несоизмеримыми. На место попперовского приближения к истине посредством конкурирующих теорий был выдвинут принцип плюрализма как сосуществования разных теорий, ни одна из которых не может иметь статуса более истинной. В частности, потому, что любая теория не учитывает не укладывающейся в ее русло фактологии. Кроме того, этот принцип означает право выбора за исследователем, какой методологии ему придерживаться. И здесь не может быть никакого «методологического принуждения». Ограничение же в выборе уродует развитие, и это несовместимо с принципами гуманизма и развития индивидуальности.

Вместо принципов верификации и фальсификации гипотез Фейерабендом был выдвинут принцип контриндукции, или противоиндукции, предполагающий возможность объяснения накопленных в рамках одной теоретико-эмпирической школы фактов с позиций другой, конкурирующей теории; поиск альтернативных объяснений в прошлом; изменение смысловых контекстов вместо отбрасывания не соответствующих фактам теорий. В условиях неопределенности и наслоения смыслов скорее можно ожидать творчества и прорывов в новых направлениях.

Наконец, Фейерабендом было предложено привлекать такие «вненаучные средства», как мифологические, религиозные или дилетантские построения. Последнее совершенно несовместимо с попперовским подходом, по которому наука не занимается любыми гипотезами и построения научных теорий профессионалом в корне отличаются от «догадок» дилетанта. По отношению к психологии, которую, как писал А. В. Юревич, захлестнула волна иррационализма, этот принцип как раз можно считать реализованным. Другой вопрос — оценка его плодов.

Итак, в постнеклассической картине мира постепенно уходят на задний план и идея истинности познания (отсюда упрек постпозитивизма в иррационализме), и идеалы «ценностно нейтрального» исследования;

аксиологический фактор начинает входить в состав объясняющих положений; вненаучные средства (миф, религия, игра) уже не противопоставляются собственно научному теоретико-эмпирическому познанию. Если в классическом типе рациональности за скобки выносится все, что относится к субъекту и средствам его деятельности, а в неклассическом типе рациональности реализуется установка на относительность истинности знаний с точки зрения изменения свойств объекта изучения средствами и формами познавательной деятельности, то постнеклассический тип рациональности требует учета не только средств и процедур познания, но и ценностно-целевых установок субъекта познавательной деятельности, а значит, и его личностных характеристик. Вернемся мы к этому в главе 7, представляя зарождение постнеклассической психологии.

Глава 3. Специфика методологии психологии

3.1. Особенности психологического знания

Мы уже отмечали в главе 1 целый ряд особенностей психологического знания, которые делают взаимозависимости между психологией и методологией науки особенно тесными, а развитие их — взаимообусловленным. К числу важнейших особенностей такого рода относятся следующие.

Объект психологии — одна из самых сложных и пока еще плохо определенных реальностей, которые когда-либо становились предметом научного анализа. Широкую известность получил каламбур А. Эйнштейна о том, что физическая теория — это детская игра по сравнению с теорией детской игры.

В психологии совпадают субъект познания (кто познает) и объект познания (что познается). В частности, объектом научного познания становится и сам процесс познания. Это дает основание многим науковедам, начиная с таких универсальных мыслителей, как Платон и Аристотель, отводить психологии центральное место в различных классификациях наук. Б. М. Кедров (1903–1985) помещает психологию в центр треугольника, на трех вершинах которого располагаются философские, естественные и социальные науки. При этом математика, логика и кибернетика находятся на стыке философских и естественных наук; техника и медицина — на стыке естественных и социальных, а педагогика — на стыке социальных и философских наук (рис. 2).

Психические процессы и феномены в принципе недоступны объективному внешнему наблюдению, но зато значительная их часть открывается субъекту в процессе самонаблюдения (интроспекции), не опирающегося на какие-то средства и не требующего особых органов восприятия, аналогичных органам чувств, при наблюдении за внешними объектами.

Психологические свойства и особенности человека находятся в непрерывном изменении и развитии, и скорость этих изменений гораздо выше,

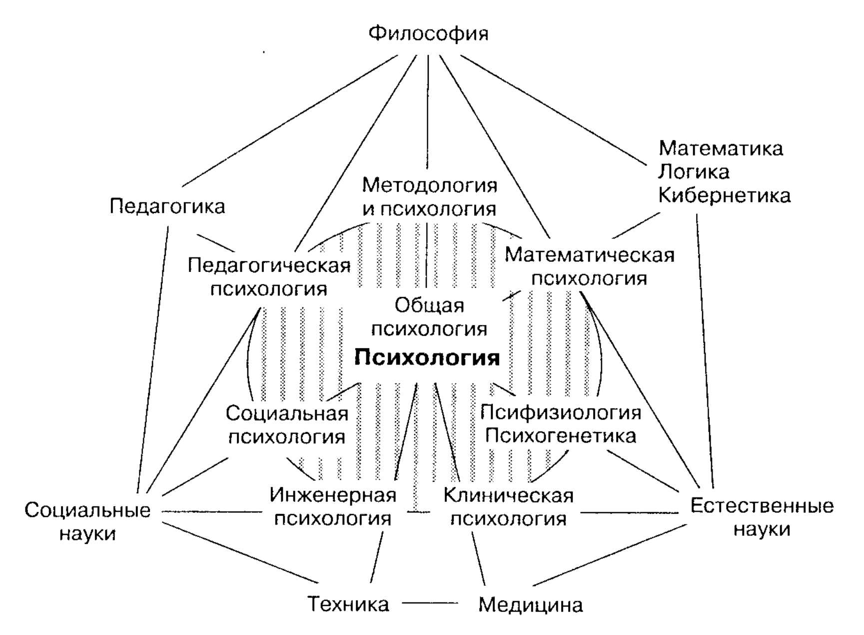

Рис. 2. Классификация наук по Б. М. Кедрову

чем в геологических, биологических и других сложных системах. В силу этой особенности психологии конкретного человека полученные о нем знания часто устаревают раньше, чем мы успеем их использовать.

Процедуры и методики психологического исследования и обследования неизбежно вносят изменения в изучаемую реальность. Положение это признается неклассической наукой справедливым для любого научного исследования, но в случае психологии оно носит настолько существенный характер, что, по мнению некоторых авторов, занимающих крайние психотехнические позиции, любое изучение психологических феноменов может быть реализовано только как процесс их одновременного порождения или формирования. Самый простой пример: измеряя коэффициент интеллектуальности человека, вы одновременно изменяете его, ибо после выполнения теста возможности решения испытуемым аналогичных задач в будущем значительно возрастут. Если человек выполнял интеллектуальный тест первый раз в жизни, то прирост его возможностей в решении аналогичных задач в будущем достигает 10 процентов. Все это предъявляет особые требования к тщательности описания самой ситуации психологического исследования или обследования, используемых процедур и средств, характеристик испытуемого и экспери-

ментатора. Все эти моменты являются не просто условиями получения психологического знания, но составляют само его «тело».

После проведения психологического исследования изменяется не только изучаемый объект, но и сам исследователь, ибо, узнав нечто новое о психике человека, он узнает и нечто новое о себе. Как справедливо отмечается сегодня многими авторами (см., например: Гиппенрейтер, 1988), психология — это наука не только познающая, но и конституирующая, созидающая человека.

Психологическое знание обладает сильно выраженной активной, действующей составляющей. Психолог не только изучает человека, но он также конструирует, помогает ему стать человеком, родиться как личность, изменяться, развиваться как человеку. Эта созидательная функция в качестве оборотной стороны несет в себе опасность технократического, манипулятивного подхода к человеку. Осознание и прививку против этой опасности может обеспечить прежде всего методологическое знание в его аксиологической составляющей.

Психологическое знание несет большую мировоззренческую нагрузку, поскольку оно имеет самое непосредственное отношение к ответам на вопросы о сущности личности; о природе человеческих ценностей, определяющих отношение к миру; о смысле существования человека и его месте в мире.

Поскольку идеи, внедряемые сообществом психологов в общественное сознание, оказывают прямое влияние на формирование норм и правил поведения, ценностей и идеалов отдельных людей, групп и общества в целом, психологи несут особую ответственность за научную обоснованность и достоверность публикуемых результатов исследований, корректность выводов, честность, искренность и открытость своей научной позиции. В психологии теснее, чем в любой другой науке, объективные компоненты знания спаяны с его субъективными (личностными и моральными) компонентами.

Наряду с ответственностью за результаты фундаментальных исследований и вызываемый их обнародованием общественный резонанс психологи-практики несут не меньшую ответственность за качество и обоснованность заключений по результатам психологических обследований и экспертиз, выполняемых по заказу отдельных людей, работодателей, учреждений образования, здравоохранения или судебных органов. Здесь необходимо строго выполнять требования профессионального морального кодекса не только в плане соблюдения стандартов проведения обследований и экспертиз, но и в отношении использования их результатов.

Психология, являясь одновременно естественной и гуманитарной наукой, использует самый широкий спектр методов и процедур исследования по сравнению с любой другой наукой.

В психологии параллельно существует множество парадигм, которые, однажды появившись, не сходят со сцены порой в течение столетий. Они «застревают» на стадии «нормальной науки» по Т. Куну, а постоянно происходящие мини-революции лишь порождают новые мини-парадигмы, что создает эффект перманентного кризиса в науке и перманентной революции. Все это дает основание ряду исследователей говорить о том, что психология находится на допарадигмиальной стадии развития и в этом смысле не является развитой наукой или (крайняя точка зрения) не является наукой вообще.

Допарадигмальный или полипарадигмальный статус психологической науки привел к тому, что в ней Монблан эмпирических фактов и Монблан теорий образуют такой труднорасчленимый синкрет, что при описании психологической реальности невозможно сколько-нибудь последовательно реализовать один подход, не привлекая понятия и объяснительные принципы разных теорий, часто противоречивых и даже несовместимых. Возникающие при этом коллизии маскируются или разрешаются формально путем переопределения отдельных понятий, а не внутренней перестройки всей системы психологического знания.

В психологии до сих пор не произошло достаточно полного и четкого размежевания научного и околонаучного и даже откровенно псевдонаучного знания. Если астрономия полностью отмежевалась от астрологии, а химия от алхимии, то психология гораздо терпимее относится к парапсихологии и часто пытается (не без пользы для себя) ассимилировать опыт житейской психологии. Промежуточное положение в этом отношении занимает психоанализ. Посвященные ему главы можно найти практически в любом академическом учебнике психологии, в то время как мифологический характер психоаналитической теории и большинства ее конструктов также общепризнан в академических кругах. Такая непоследовательность является результатом недоступности изучения наиболее сложных психологических феноменов с помощью достаточно строгих методов. И оправдание З. Фрейда словами поэта Рюккерта «Чего не достичь полетом, достичь можно хромая <...>. Как Писание говорит: хромать не грех» [Фрейд, 1992, с. 255] вызывает вполне объяснимое сочувствие. В этом отношении ближе всех к психологии стоит медицина. Следует ли говорить больному, что наука бессильна ему помочь, и запрещать использование не прошедших научную апробацию старинных или новомодных рецептов лечения?

3.2. Ненаучное психологическое знание и возможность психологического знания как научного

В развитии психологического знания существенно менялись критерии научности. Но до сих пор, по мнению К. Поппера, нет устоявшихся критериев, которые позволили бы определить, где кончается миф и начинается теория, где имело место прозрение, а где — заблуждение. Роль воззрений, оцененных как заблуждения, может быть вполне эвристичной. А на смену апробированной, эмпирически «правильной» теории может прийти новая, конкурирующая. Но обычно можно различить системы теоретических положений, предполагающих, что они имеют отношение к миру реальности (для психологических теорий это мир субъективной, или психологической, реальности), и положений, не нацеленных на соотнесение мира теории и мира реальности. Первые всегда предполагают возможность их верификации или фальсификации (см. главу 2).

Наряду с научно-психологическим знанием существуют такие его виды, которые не претендуют на статус научности, но выполняют важные функции в ориентации поведения человека, решении им практических жизненных задач и даже в выработке систем ценностей и мировоззрения в целом. Речь идет о житейском и художественном психологическом знании.

Житейское психологическое знание отличается от научного по следующим параметрам:

- обладает большей конкретностью, меньшей обобщенностью и направлено на решение преимущественно прагматических задач;
- чаще всего имеет характер имплицитного (скрытого) знания, интуитивного по своей природе, без разделения на теорию и эмпирию;
- не опирается на эксперимент или другие формализованные процедуры получения нового знания;
- не имеет четкой структуры или дисциплинарного строения, как это свойственно научной психологии;
- использует другие носители, способы хранения и передачи информации по сравнению с знанием научным.

В той или иной степени житейским психологическим знанием обладает каждый человек, поскольку оно формируется стихийно.

Житейская психология — совокупность психологических знаний, не отвечающих стандартам научности (с точки зрения способов получения, стандартов описания, системности, непротиворечивости и верифицируемости) и закрепленных в форме традиций, обрядов, норм и правил поведения, народной мудрости, афоризмов, произведений искусства и т. п.

Лучшими житейскими психологами являются, как правило, представители профессий типа «человек — человек» по классификации Е. А. Климова (журналисты, дипломаты, священники, работники сервиса, педагоги и др.). Для научного психолога житейские наблюдения служат важным источником накопления опыта, подлежащего дальнейшему научному анализу, а также источником гипотез и предположений при решении теоретических и прикладных задач, формулируемых в рамках строго научного исследования.

Художественная форма психологического знания фиксирует и передает уникальное и неповторимое восприятие автором свойств и закономерностей конкретной психологической реальности. Согласно А. Н. Леонтьеву, наука добывает, фиксирует и транслирует объективное знание в значениях, а искусство выражает и передает отношение художника к миру с помощью образов — носителей личностных смыслов. Художественное мышление, приемы художественного анализа часто оказывают огромное влияние на мышление ученого. Особую роль играют художественные образы в творческом мышлении. В предыдущей главе мы говорили о затянувшемся процессе размежевания научной психологии с околонаучными или даже откровенно псевдонаучными подходами. Парапсихология, биоэнергетика, экстрасенсорика, психотроника — лишь некоторые из названий различных направлений квазинаучной деятельности, иногда маскирующихся под научную психологию, а иногда откровенно бросающих ей вызов. Рост интереса к иррациональным формам освоения действительности наблюдается обычно в периоды социальной нестабильности и неуверенности людей в завтрашнем дне.

Нельзя сказать, что они всегда играют однозначно отрицательную роль в развитии общественного сознания. Известно, что алхимия содействовала становлению химии как науки. Феномены экстрасенсорной чувствительности иногда становятся предметом вполне плодотворного научного изучения, а ложные в целом идеи могут содержать наводящие подсказки. Иногда псевдонаучные подходы с успехом выполняют психотерапевтические функции как на уровне отдельного человека, так и общества в целом. Тем не менее нельзя недооценивать негативные последствия широкого распространения иррациональных установок в обществе, которые могут привести к падению социальной активности, искажению систем ценностей и другим деструктивным процес-

сам. Одним из средств предотвращения этого является усиление просветительской деятельности психологов, повышение доступности научного психологического знания для широких слоев населения. А сама психология также нуждается, по выражению А. В. Юревича, в «рациональной методологической терапии».

Однако обозначим тот первый этап становления психологического знания, когда оно стало претендовать на статус научного. Отметим при этом, что именно ориентация на позитивизм стала основанием претензии психологии на то, чтобы стать опытной и позитивной наукой. Не приводя историко-психологического обзора, укажем только наиболее значимые этапы. Отличие стиля изложения в последующей части параграфа прямо связано с тем, что отнюдь не житейская психология стала основанием развития научной, а рефлексия — философская и методологическая — возможных путей построения таковой в общем контексте развития знания.

Термин «психология» (буквально «учение о душе») был введен немецкими схоластами Р. Гоклениусом и О. Кассманом в конце XVI в., хотя чаще его автором называют Х. Вольфа. Но первая парадигма научного психологического знания, послужившая ядром большого числа теоретических и эмпирических исследований в этой области, окончательно сложилась лишь к XIX в. Ее пытались строить по канонам классической науки, взяв за образец наиболее развитую науку того времени — механику. Название подхода, претендующего на право считаться первой научной парадигмой в психологии, — «психология сознания», или «психология явлений сознания». У колыбели этого подхода стояли философы Ф. Бэкон (1561–1650), Р. Декарт (1596–1650), Т. Гоббс (1588–1679), Б. Спиноза (1632–1677), Дж. Локк (1632–1704). С самого начала наблюдалась двойственность в трактовке природы абстрактного знания и соответствующих категорий мышления. Одни авторы (Т. Гоббс, Дж. Локк и др.) полагали, что абстрактное знание выводится из чувственного опыта за счет его переработки (обобщения). Это направление получило название эмпиризма, а выросшая из него эмпирическая психология часто характеризуется как «созерцательно-сенсуалистическая». Созерцательность указывает на определенную пассивность субъекта, а сенсуалистичность говорит об опоре на чувственный опыт. Другие авторы (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, И. Кант) указывали на невыводимость абстрактного знания из опыта, что неизбежно приводило к признанию априорности категорий разума или их трансцендентного происхождения.

Наряду с механикой одним из истоков становления первых этапов собственно психологического знания в XIX в. стало сближение логики

и психологии. Особое место в этом сближении сыграла «Логика» англичанина Джона Стюарта Милля (1806–1873), или Милля-младшего, философа-позитивиста и экономиста, который с позиции идеалистического эмпиризма (или «психологизма» в духе Юма) критиковал априоризм в теории познания. В отличие от «ментальной механики» Джозефа Милля (отца) Милль-младший считал, что не только законы механики, но и законы химии могут рассматриваться как основание построения психологических законов. Логику он стал рассматривать как ветвь психологии, изучающую технику мышления, и в логической индукции видел метод раскрытия причинно-следственных связей. Кроме того, он ввел пропавшее в ассоцианизме представление о «Я» как субъекте познания, что уже само по себе демонстрирует недостаточность принципа ассоциации в понимании законов души.

Если в философии подчеркивается преувеличение им роли индукции, то в психологии видят иные его влияния. Так, В. Вундтом (1832–1920) была воспринята его идея о том, что сознание имеет имманентные законы, которые можно изучать на основе наблюдения и эксперимента. В изменении трактовки ассоциации он оказал существенно влияние на возникновение концепции бессознательных умозаключений Г. Гельмгольца; и следующий шаг уже вел к И. М. Сеченову [Ярошевский, Анцыферова, 1974]. Однако вернемся к истокам возникновения психологического знания в рамках философии на классическом этапе развития науки.

3.3. Рациональная и эмпирическая психология (в истории становления психологии как науки)

Понятие «опытная наука» впервые прозвучало в XIII в. в работах английского мыслителя доктора Роджера Бэкона. Он же ввел двоякое представление о самом опыте. Один вид опыта — это приобретаемый с помощью «внешних чувств». В частности, он писал о том, что «земные вещи» мы узнаем с помощью зрения, а, например, небесные тела наблюдаем с помощью специально изготовленных для этого инструментов; от других сведущих людей мы узнаем о тех местах, где нас не было. Но есть и другой опыт — духовный; в этом опыте ум идет по пути познания, обретая «внутреннее озарение», не ограничиваемое ощущениями. Духовные предметы познаются и через их «телесные следствия», и рационально — умом.

Таким образом, уже в докартезианскую эпоху прозвучало представление о связи опытного (эмпирического) познания и рационального.

Следующий великий англичанин с той же фамилией — Фрэнсис Бэкон — развил учение об опыте, введя представление о его опосредствовании орудиями: как орудия направляют движение руки, «так умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его». Но «идолы» ума и мешают познанию (психологам хорошо известна его концепция четырех типов заблуждений), ум должен от них освобождаться. Занимаясь наукой, человек является, по Бэкону, обычно или эмпириком, или догматиком. Эмпирики только собирают данные (и довольствуются собранным), в то время как рационалисты, подобно пауку, воспроизводят нечто из себя самих. Третьим путем был бы путь пчелы, собирающей нектар, но перерабатывающей его. Дело философии — не исследование начал вещей или абстракция от природы, а осмысление извлекаемого с помощью опыта материала посредством категорий — «средних аксиом». В каждой науке такие аксиомы будут своими.

То есть в концепции Бэкона речь идет не о психологическом знании как таковом, а о необходимости соединения опытного и рационального в познании, противопоставляемом схоластике. Через 35 лет после рождения Ф. Бэкона в мир войдет другой мыслитель — француз Рене Декарт, также не связавший себя служением в университетах, но давший классическую парадигму в разведении движений тела и души — академическую формулировку психофизической проблемы. Он завершит отождествление категорий души и сознания. Но пока в работах Бэкона психология — в рамках философии — перестает быть наукой о душе. Бэкон вводит индуктивную логику в законы познания. Он предполагает также возможность эмпирического изучения психических процессов и явлений, причем в эмпирической установке на то, «как они есть». Критерий отделения таковых от организмических дал позже — в первой половине XVII в. — Декарт.

С одной стороны, он последовательно «рационализировал» представление о человеке (в его телесной сущности) в своем учение о рефлексе, отказавшись от идеи ума (или души) как обеспечивающего движение тела. С другой — он ввел отождествление души и сознания, сделав эмпирическую данность мышления конечным критерием психического. В качестве мышления у него выступила вся совокупность непосредственно воспринимаемого, т. е. это и ощущения, и чувства, и мысли — все, что осознается. Он продолжил эмпирическую линию в изучении сознания. Таким образом, в рамках философского знания различным образом представленные рационализм и эмпиризм не были изначально разведены по разным «этажам» познания. У Декарта — при решении им психофизической проблемы — появился даже специальный орган их взаимодействия (шишковидная железа). Мышление свойственно именно душе (духовной субстанции). А страсти, имеющие как телесную, так и душевную сторону, побеждаются интеллектуально (в соответствии с гипотезой взаимодействия души и тела).

Последующий этап развития эмпиризма, направлявший психологию в более автономную область (но все еще в рамках теории познания), — это учение Дж. Локка, ориентирующегося в целом на материализм и занятие естественными науками.

Локк также различал два вида опыта, исходящего из ощущений и восприятия действий нашего ума (т. е. рефлексии). Оба вида опыта лежат в основе возникновения идей, и нет в сознании ничего, что не прошло бы первоначально через призму опыта. Ощущение пассивно, мышление — наиболее активно; сложные идеи образуются из простых работой разума — операциями сравнения, абстрагирования и обобщения. Идеи — это элементы сознания; они не врожденны; их же соотношение аналогично законам ньютоновской механики. Признание активности разума (происхождение свойств которого не обсуждается) делает картину эмпирического познания в целом довольно противоречивой и подготавливает противоположную позицию — рационалистической традиции в представлении сознания.

Главное, что предуготовил Локк, введя понятие ассоциации, — почву для последующего выделения собственно психологической науки из рамок философского знания — ассоциативной психологии. Но само понятие ассоциации связано у Локка с представлением о случайности и «неестественном» характере возникновения этой связи. Основную же роль в закономерной душевной жизни играет соединение идей деятельностью разума.

На основной труд Локка «Опыт о человеческом разумении» немецкий философ, языковед, физик и математик Г. В. Лейбниц (1646–1716) ответил «Новым опытом о человеческом разумении», дискутируя с ним по следующим направлениям. Идее души как *tabula rasa* противопоставляется идея наделенности души общими категориями, невыводимыми из опыта. Механистическому пониманию сознания — последовательный идеалистический рационализм: «Нет ничего в разуме, чего не было бы раньше в чувствах, за исключением самого разума».

Монада выступила термином, закрепившим представление о внутреннем законе любой вещи, или лежащей в ее основе субстанции. Душа, как экран, отображает внешне накладывающееся изображение, но имеет свои «складки» — врожденные особенности. Активность сознания

также строится по внутреннему закону — стремлению достигнуть цельного восприятия. Среди них могут быть и так называемые малые восприятия, не поддающиеся сознательному различению. Эту линию существования бессознательной психической деятельности можно затем продолжить к другим учениям немецкоязычных исследователей — Г. Гельмгольца, З. Фрейда. Но здесь мы этого делать не станем, поскольку очерчиваем иной круг вопросов возникновения двух оснований психологического анализа — эмпирически и рационально ориентированных психологий.

Термины эмпирической и рациональной психологии ввел немецкий философ Христиан Вольф (1679–1754). В 1732 г., т. е. уже после картезианской постановки психофизической проблемы, вышла его книга «Рациональная психология». В обосновании им эмпирической и рациональной психологии как двух самостоятельных дисциплин речь шла на самом деле об апелляции к одному и тому же типу опыта — основанному даже не на самонаблюдении, а на подтверждении отдельными (извлекаемыми из опыта субъективных представлений) случаями сугубо умозрительных и в этом смысле теоретических построений как основы психологического знания. Важно, что при этом речь шла не о выделении психологии в отдельную опытную науку, тем более не о претензии на «душеведение», а о систематизации философского знания вокруг психологии как философской дисциплины.

Итак, выделение Х. Вольфом представления о теоретической психологии прозвучало не в противопоставлении эмпирического, т. е. опытного, и теоретического знания, а в связи с направленностью на ее выделение как центральной части философии. Не помышляя о выделении психологии из философии, он дал первое систематическое изложение психологии в Новое время, понимая в качестве ее предмета душу, а точнее, силу представлений, в которой находит выражение активность сознания.

Из 64 томов его работ на немецком и латыни два были посвящены психологии: «Рациональная психология» (1732) и «Эмпирическая психология» (1734). Популярность термина «психология» сделала ее на время центральной философской дисциплиной, что попытался затем ограничить И. Кант. В качестве *теоретической* психологии Вольф обосновал такую, которая строится как логическая конструкция, имеющая произвольный (теоретический) характер. Но важно учесть, что в то время соотношение теоретического и эмпирического мыслилось иным образом, чем в последующей научной картине мира.

Вольф разделил: 1) науки рациональные теоретические (куда и вошла рациональная психология) и рациональные практические, а также 2) науки эмпирические теоретические (эмпирическая психология, телеология, догматическая физика) и науки эмпирические практические (технология и экспериментальная физика). То есть любая психология в этой системе — теоретическая. И предметом для обеих психологий стала «природа» души.

Эмпирическая психология в качестве теоретической науки противопоставлена указанным практическим, т. е. опытным, наукам и рассматривается как «опытная» только в одном аспекте — как наука, дающая представление о том, что происходит в человеческой душе. Она не предполагает рациональной психологии, а служит для проверки и подтверждения того, что априорно развивает психология рациональная. Рациональная же психология в начале эпохи Нового времени, несмотря на оппозицию Локка—Лейбница, в качестве общего закона движений души постулировала закон ассоциаций. Движение представлений в концепции Вольфа и предполагалось по закону ассоциаций. Это общая часть названных двух теоретических психологий (рациональной и эмпирической). Самонаблюдение не выступило еще методом систематической интроспекции, а поставляло (как и память) лишь примеры для демонстрации тех или иных положений. Оно было призвано выполнять функцию проверки соответствия теоретических построений опыту, т. е. не было источником эмпирического материала: «...было достаточно отдельных примеров, которые бы подтвердили "жизненную правду" созданной картины ("сцепления психологических понятий"). Далее менялись принципы, определяющие "сцепления", но не традиция» [Мазилов, 2003, с. 60].

Таким образом, превалирование теоретической психологии над любыми другими уже присутствовало в самом начале истории ее становления. Причем именно в качестве философской основы и мира теорий (рациональная психология), и мира эмпирии, понятого как общий уровень знания с телеологией и догматической физикой (а отнюдь не в связи с построением науки Нового времени). Уже это ставит проблему: видимо, дело не в том, возможна ли единая метапсихологическая дисциплина, а в том, какой мыслится эта теоретическая психология.

Рационализм и эмпиризм направляли не только выделение предмета психологии (в рамках ее становления), но и развитие представлений о ее методах. Выделившись в качестве науки о сознании, психология задала в качестве основного (адекватного предмету изучения) метод интроспекции. В его рамках работали как психологи, ориенти-

рованные на эмпиризм в понимании оснований сознания (например, Вундт), так и психологи, стоящие на позициях рационализма (например, представители вюрцбуржской школы мышления).

3.4. Ассоцианизм как первое направление психологии

Ассоциация идей в период возникновения психологии сознания — середина XIX в. — выступала основным законом психического. Два типа детерминации ассоциаций принимались философским и научным сообществом: порядок и связь идей объяснялись с позиций законов механики (в последующем с поправками на химические и физиологические законы) и с позиций психологизма как индивидуально-психологических особенностей, имманентных сознанию субъекта. Ученые Англии, Франции и Германии разрабатывали разные аспекты ассоцианистского учения. Английские мыслители предпочли ориентировку на логицизм.

Сознание продолжало рассматриваться сквозь призму ассоциаций, но сами ассоциации в индивидуальном сознании после работы Дж. С. Милля мыслились уже как действующие в системе логики. Миллем отвергался априоризм, а единственным источником знания и интеллектуальных способностей стал опыт. Следующим существенным шагом стало выдвижение на первый план проблемы методологии научного исследования. Психология должна была, по Миллю, стать опытной наукой[1]. Этот вывод его «Логики» противостоял последующему утверждению О. Конта о том, что психологическое знание никогда не сможет стать научным. Отличие психологических законов от физиологических и доступность их эмпирическому изучению выступили для Милля основаниями разработки особой «науки об уме».

В целом же законы субъективного противопоставлялись законам объективного мира, в чем проявлялся идеализм Милля. Он не рассматривал психическое в контексте взаимодействия субъекта с внешним миром. Развитие методов психологического экспериментирования со-

[1] Приведем аргументацию Милля по книге Ярошевского и Анцыферовой [Ярошевский, Анцыферова,1974, с. 177]: «...а) имеются законы ума, отличающиеся от законов материи, но сходные с ними в отношении однообразия, повторяемости, необходимости следования одного явления за другим; б) указанные законы могут быть открыты с помощью опытных методов — наблюдения и эксперимента». Эти тезисы стали основанием консолидации психологических знаний в особую науку, которую предполагалось привести в соответствие со стандартами других наук (физики, астрономии и т. д.).

стоялось в контексте развития других идей о построении научной психологии (Фехнера, Эббингауза и др.). Но сформулированные Миллем законы индуктивного вывода (закон различия, согласия и др.) заняли свое прочное место в определенной логике экспериментального вывода: на этапе вывода о действии независимой переменной. При разнообразии путей построения научного знания, которыми пошла психология в следующем XX в., понятие метода исследования необходимо стало включать предположение об определенной логике рассуждения при проверке психологических гипотез, хотя и эти гипотезы, и сама эта логика уже были другими.

Эволюция психологических идей в XIX в. во многом зависела от успехов естествознания. И если у Милля метафорами были химические аналогии, то у английского врача и философа Д. Гартли ассоциации мыслились уже по типу рефлекса (т. е. не были только физиологическими аналогиями, а полагались как связи мозговых вибраций). Физиологическая наука стала существенным ориентиром становления психологической, но это выдвинуло на первый план уже другую проблему — психофизиологического параллелизма. Сознание же здесь выступило, как и у Юма, в метафоре театра, и уже без предполагаемого Миллем «Я», а закон ассоциации стал не преобладающим, а единственным основанием.

Проникновение идей биологической эволюции в психологию привело в последующем к замене механистического детерминизма биологическим. Ассоцианизм Герберта Спенсера (1820–1903) базировался на признании возможности построения психологии как позитивной науки. Он обосновал, что в сознании связывается то, что было связано в среде, и выдвинул идею *опыта* как связующего начала между внутренними и внешними отношениями. Вслед за позитивистами он отрицал возможность говорить об объективных законах (ассоциаций) и делать обобщения за пределами эмпирического знания. В отличие от материалистического взгляда на ассоциации, сложившегося у Гоббса и Спинозы, им была выдвинута иная идея — детерминации ассоциаций со стороны частоты испытывания организмом тех или иных воздействий. Прочность ассоциации оказалась критерием объективного положения вещей в реальном мире. Позиция же агностицизма сказалась в разведении «известных действий, называемых явлениями», и «неизвестных причин». Ориентация на явленность действий субъекта стала рассматриваться позднее в качестве одного из ориентиров бихевиоризма.

Итак, основания выделения психологии в самостоятельную науку включали, с одной стороны, направленность на причинный способ

объяснения психологических фактов, а с другой — существенные его изменения в трактовках ассоциаций.

В Германии философы изначально подчеркивали активность субъекта познания, единство его внутренней жизни, и здесь сформировались другие направления, противопоставившие позитивистской науке и естественно-научному опыту иной — опыт практики познания и преобразования действительности. Иоганн Гербарт (1776–1841), немецкий философ-идеалист, ориентировался в теории познания на Канта и Лейбница и пытался соединить неэмпирические (метафизические) и эмпирические основания, создав предпосылки новой психологической системы.

В труде Гербарта «Психология, по-новому обоснованная на метафизике, опыте и математике» (1816) представления (а не ассоциации) выступили актами души, возникающими еще до пробуждения самосознания субъекта и образующими его индивидуальный опыт. Психодинамика выделила другие отношения между «атомами» души; была использована лейбницевская категория бессознательного, а сознание стало сценой проявления в разной степени отчетливых и теснящих друг друга персонажей. Было сформулировано понятие апперцепции — как воздействия всего предыдущего опыта человека на результат нового акта восприятия. Она придает упорядоченность и ясность воспринимаемым объектам или идеям. В отличие от изначальной кантовской трансцендентальной апперцепции, гербартовская «апперцептивная масса» приобреталась субъектом в индивидуальном опыте. Предполагалась также возможность исчисления интенсивности представлений.

Тезис о принципиальной возможности математического анализа отношений между психическими и физическими фактами был воспринят Г. Т. Фехнером и Г. Эббингаузом в их представлениях об объективном методе в психологии. Фехнер создал основы психофизики и сформулировал первый количественный закон в психологии. Другое направление влияния идей Гербарта — развитие понятия бессознательного. Г. Гельмгольц (1821–1894) ввел понятие бессознательных умозаключений в понимание процессов построения зрительного образа, а также предположил особую психологическую причинность, которую нельзя редуцировать к уже известным (механической, химической, физиологической). Ученики Гербарта М. Штейнталь и Х. Лацарус разработали программу «психологии народов» как особого раздела изучения таких культурно-исторических продуктов, как язык, миф, искусство и т. д.

Вслед за этим В. Вундт обосновал свое понимание психологии как самостоятельной науки, включающей два направления: физиологическую психологию и психологию народов. Именно начало работы созданной им в г. Лейпциге лаборатории (1879), предназначенной для экспериментальных исследований по психологии, рассматривается как формальная точка отсчета начала функционирования психологии в качестве самостоятельной науки.

Одновременно с вундтовским структурализмом развивалась теория актов сознания австрийца Франца Брентано (1838–1917). Под влиянием идей Вундта и Брентано в г. Вюрцбурге сложилось оригинальное направление психологии сознания — вюрцбуржская школа мышления, — к которому мы обратимся в главе 10. Самостоятельную линию понимания сознания с позиций функционализма разработал В. Джемс (1842–1910). В целом эти движения, как и ассоцианизм, положили начало психологической науки.

Приведенные этапы не раскрывают всех содержательных предпосылок выделения психологии в отдельную область научных знаний, обсуждаемых как внутри философии, так и в контексте развития естественно-научного знания, не охватывают весь историко-географический ландшафт этого сложного пути. Но без указания на них не были бы видны те истоки, из которых проистекали первые попытки научного определения психологией своих предмета и метода, а также те элементы кризиса, обсуждение которых сопровождало становление основных научных парадигм в ней.

Но применительно к психологии сознания название «опытная наука» не означало «наука экспериментальная». Экспериментирование было введено в опытах Фехнера, Эббингауза, Вундта, но не в той логике гипотетико-дедуктивной проверки гипотез, которая будет характеризовать экспериментальную парадигму к концу XIX в. в естественно-научном познании. Поскольку в истории психологии сложилось представление об изначальной связи экспериментирования с естественно-научной парадигмой, следует представить ее современное понимание.

В раскрытии системы методов, характеризующих специфику психологического знания, можно пойти иным путем — не историко-психологического анализа, а представления того современного уровня их классификации, сквозь призму которого можно рассмотреть их становление вместе со становлением психологической науки. Обоснованием этому может служить сравнительная автономность психологических теорий и методов получения эмпирических данных (как общих путей их развития).

3.5. Современное представление о теоретических и эмпирических методах в психологии

Сегодня в научной (академической) психологии не говорят отдельно о теоретической и эмпирической ее ветвях, а сопоставляют разные методы эмпирической проверки теоретических гипотез. Теоретические и эмпирические методы в психологии имеют ту общую цель, что они направлены на получение научного психологического знания. Это знание включает как формулирование психологических законов, так и выявление эмпирических закономерностей или опытных данных, на основе которых возможна проверка теоретических обобщений.

Становление методов психологического исследования наиболее полно представлено в курсах по истории психологии и экспериментальной психологии, поэтому далее мы дадим только абрис основных групп методов, в рамках которых реализован в основном целостный теоретико-эмпирический путь построения психологического исследования.

Классификации теоретических методов обычно не рассматриваются отдельно от структуры той или иной психологической теории. В то же время основные эмпирические методы в меньшей степени связаны с содержательной стороной психологических теорий. Способ теоретической интерпретации исследуемых феноменов включен, как и преимущественно используемые способы сбора эмпирических данных, в единую парадигму исследования, которой следуют представители определенной психологической школы. Можно сказать, что в психологии редко представлена специальная рефлексия теоретического метода исследования. Предполагается, что для психологических реконструкций изучаемых явлений и процессов достаточно использования положений той или иной психологической теории. В случае же, когда такая методологическая рефлексия осуществляется, авторы как бы забывают о том, что при разработке теоретического метода необходимо иметь в виду последующий переход к уровню эмпирической проверки гипотез.

Одним из вариантов самой общей классификации теоретических методов можно считать следующий [Дружинин, 2000, с. 38]: «...1) дедуктивный (аксиоматический и гипотетико-дедуктивный), иначе — восхождение от общего к частному, от абстрактного к конкретному. Результат — теория, закон и др.; 2) индуктивный — обобщение фактов, восхождение от частного к общему. Результат — индуктивная гипотеза, закономерность, классификация, систематизация; 3) моделирование — конкретизация метода аналогий, "трансдукция", умозаключения от частного к частному, когда в качестве аналога более сложного объекта берется более простой и (или) доступный для исследования. Результат — модель объекта, процесса, состояния».

Классификации эмпирических методов в психологии представлены обычно в теоретических курсах по экспериментальной психологии.

В современной систематике важно учитывать разведение понятий метода и методики. Если метод отличает путь познания, способ сбора эмпирических данных как структуру эмпирического исследования, то методика характеризует способ, или «технику», фиксации психологических показателей или управления ими. Классификации методик обычно представлены в практикумах, поэтому здесь мы назовем только основные методы психологического исследования. Их различия заданы, во-первых, особенностями психологических гипотез, эмпирическая проверка которых строится на основе разных схем профессиональных размышлений психолога. Так, различают гипотезы описательные и объяснительные, гипотезы о развитии, гипотезы каузальные (или причинно-следственные), гипотезы о связях между переменными (проверяются в корреляционных исследованиях), количественные гипотезы — о виде функциональной зависимости — и ряд других. Во-вторых, различные методы отличает определенное отношение к изучаемым процессам — активное (вмешательство в изучаемый процесс — это характеризует любой психологический эксперимент) или пассивное (фиксация проявлений той или иной психологической реальности — тогда это методы наблюдения, корреляционного подхода, объединяемые в класс пассивно наблюдающих).

В учебной литературе сложилась традиция отдельного представления методов наблюдения, психологического измерения, психологического эксперимента и методов психодиагностики (как совокупности разных по основаниям психодиагностических средств). Первые три группы методов раскрываются как средства получения (воспроизводства) психологических знаний в исследовательских целях — целях изучения психологической реальности, раскрытия психологических закономерностей, построения и проверки обобщенных (теоретических) представлений о ней. Наряду с представлением структуры и основ планирования психологического эксперимента при этом также обсуждаются отличия других, неэкспериментальных путей получения достоверных эмпирических данных. Отметим специфику психодиагностики по отношению к названным ранее методам. Решение диагностических задач психологом означает достижение целей обследования. Служащие этому психодиагностические методы отличаются использованием иных профессиональных нормативов отношения к опытным данным эмпирических исследований, чем сложившиеся в экспериментальном подходе, с иным соотне-

сением теоретических гипотез и способов организации. Кроме собственно психодиагностического инструментария данные наблюдения, эксперимента или беседы также могут служить целям постановки психологического диагноза.

В последние годы психологи стали уделять особое внимание методу, объединившему под названием «квазиэксперимент» довольно разные схемы сбора данных. Можно сказать, что квазиэксперименты — это совокупность исследований, занимающих промежуточное место между экспериментальным и корреляционным исследованиями. Как и эксперимент, квазиэксперимент нацелен на проверку причинно-следственных гипотез. Как и в корреляционном исследовании, в квазиэкспериментальном может не достигаться контроль над экспериментальным фактором или другими условиями, поэтому общим определением этого понятия будет следующее: квазиэксперимент — это эксперимент с ограничениями в формах контроля за переменными.

Методы, лежащие в основе построения таких исследований, как лонгитюдные, кросскультурные, психогенетические и ряд других, могут быть условно отнесены к квазиэкспериментальным именно по критерию ограничения форм контроля [Методы исследования в психологии: квазиэксперимент, 1998].

Ориентировка на указанные подходы не исчерпывает других возможных принципов классификации методов психологического исследования и обследования. При этом методы психологического исследования не следует путать с представлениями о методах обработки данных. Последнее происходит, в частности, в связи с обращением психологов к определенным мерам установления связей[1] между переменными — ковариации или корреляции между переменными.

Экспериментальный метод занял особое место в выделении психологии в самостоятельную науку. Если метод интроспекции рассматривался как предполагающий субъективную интерпретацию эмпирических данных о состояниях сознания, то переход к экспериментированию поставил вопрос о возможности и критериях объективного знания в психологическом исследовании. Внешнее наблюдение, или экстероспекция, так же как и любые формы самоотчетов, является лишь поставщиком эмпирических данных. И эти данные, так же как и экспериментальные, служат цели эмпирической проверки психологических гипотез. Однако пути обобщений при использовании разных методов существенно отличаются. Эксперимент в системе психологических методов выступает в качестве идеальной точки отсчета, по отношению к которой обсуждаются способы сбора данных и ограничения обобщений на основании применения других методов [Корнилова, 2003].

[1] В корреляционном исследовании устанавливается факт изменения одной переменной (или нескольких) в связи с изменениями другой, но не предполагается, что какая-то из этих переменных является причинно действующей. Если же эти предположения о каузальных зависимостях постулируются, то имеется в виду их содержательное обоснование за рамками сбора данных, т. е. невозможность их обоснования самим фактом установления связи. В корреляционном по типу сбора данных исследовании возможно и использование мер различий (сравнение выборочных средних по выборкам и т. д.).

В. П. Зинченко привел такой «панегирик экспериментированию», обсуждая выявленные О. Мандельштамом приемы обращения к опыту в работе «О Данте», удивительно точно передающий отличие этого метода от иллюстративного пути обращения к эмпирии: «Антиномичность дантовского опыта заключается в том, что он мечется между примером и экспериментом. Пример извлекается из патриаршей торбы древнего сознания с тем, чтобы быть возвращенным в нее обратно, как только минет надобность. Эксперимент, выдергивая из суммы опыта те или иные нужные ему факты, уже не возвращает их обратно по заемному письму, но пускает в оборот» (цит. по кн.: Зинченко, 1993, с. 8). В экспериментальном методе главное — не обращение к факту как к таковому, а процедура его установления и та логика рассуждения, в рамках которой извлекается научное знание.

Отметим только те характеристики экспериментального метода в психологии, с которыми связана большая степень строгости в эмпирической оценке теоретических гипотез.

Эксперимент предполагает активное вмешательство в изучаемые процессы и явления, при этом реализуется выполнение условий причинного вывода, сформировавшихся в естественно-научной исследовательской парадигме. Но психологическая причинность может пониматься иначе, чем причинность в материальном мире, поэтому реконструкции психологической реальности необходимо включают опору на положения той или иной психологической теории.

Реализация разных форм экспериментального контроля обусловливает возможности и ограничения выводов (контроль выводов). Но гипотетико-дедуктивный характер экспериментального рассуждения не предполагает доказательства истинности гипотез, поскольку любые эмпирические закономерности допускают их выводимость из другой теории (пусть даже пока не сформулированной).

Итак, экспериментальный метод предполагает верификацию (опытную проверку) и фальсификацию гипотез (отвержение гипотезы как не

соответствующей опытным данным). Экспериментируя, исследователь разрабатывает определенные экспериментальные модели, отражающие его понимание причинно-следственных отношений в изучаемой системе переменных, репрезентирующих изучаемую психологическую реальность.

3.6. Моделирующий подход в теории познания и психологические гипотезы

При реализации моделирующего подхода считается, что исследователь в ходе мысленного эксперимента (МЭ) оперирует моделями, замещающими объекты на основании отношения подобия. При этом принимается, что в любом эксперименте мы имеем дело не с самим изучаемым предметом, т. е. исследуемой реальностью, а с моделью этой реальности.

Модель — это мысленно представляемая или материально реализуемая система переменных, которая отображает исследуемую реальность и способна замещать ее так, что ее изучение дает новую информацию об изучаемых зависимостях.

Результатом теоретического моделирования является идеальная модель (ИМ), представляющая собой идеализированный образ объекта, ситуации и т. п., представленный в сознании исследователя. Основные средства построения ИМ — это идеализация и абстрагирование. При помощи абстрагирования мы выделяем существенные стороны моделируемого объекта и отбрасываем несущественные, устраняя источники систематического смещения. Путем идеализации мы переходим к анализу реальности с идеальными свойствами, т. е. к не существующей в действительности, но мыслимой как образец, по отношению к которому эмпирическая реальность загружена множеством других свойств. Использование ИМ делает МЭ более сильным с точки зрения возможностей теоретического обобщения. ИМ использует не только аппарат абстрактно-логического мышления, но и средства визуализации. Психологу ясно, что так понятые средства познания существенно упрощают реальность интеллектуальной деятельности человека. То же касается и представления функций знаковых моделей. Идеальная модель называется знаковой, когда ее компоненты связаны с элементами оригинала только формально, не находясь с ними в отношении подобия.

Одной из разновидностей знаковых моделей является кибернетическая модель. Использование «компьютерной метафоры» в психологии является примером того, насколько буквально исследователь может использовать средства моделирования для интерпретационных целей при изучении познавательных процессов человека. Для современной когнитивной психологии так называемое «блочное» мышление, или «блоковое» представление этапов и уровней актуалгенеза познавательных процессов, как выполняет эвристическую функцию, так подчас и обедняет содержательные объяснительные схемы.

В философских и науковедческих работах моделирование как вид познавательной деятельности ученого рассматривается в контексте соотнесения мысленно устанавливаемых и реально представленных структурно-функциональных характеристик исследуемой реальности. При возможности выполнения условий причинного вывода в мысленной модели фиксируются как экспериментальные условия, так и предполагаемые гипотетические конструкты, объясняющие закономерный характер постулируемых зависимостей.

Мысленное экспериментирование может как предварять, так и замещать сбор эмпирических данных. Оно может пониматься как «проигрывание» исследователем во внутреннем плане действий того или иного способа доказательства психологической гипотезы, безотносительно к тому, возможна ли организация соответствующего эмпирического исследования[1].

Итак, при традиционном понимании модель рассматривается как воспроизводящая те или иные свойства психологической реальности в упрощенной, схематической форме. Обычно такое понимание модели характеризует так называемые теории «среднего уровня», которые претендуют на формализацию представлений об исследуемых психологических зависимостях. Так, говорят о моделях селективного внимания Д. Бродбента или А. Трейсман, о модели мотивационной регуляции выбора целей Дж. Аткинсона или модели принятия решений А. Тверского — Д. Канемана и т. д. Научная теория при этом выполняет аналитическую функцию прояснения структурно-функциональных связей между переменными, учтенными в модели. Экспериментальная проверка следствий из этих моделей строится посредством выдвижения каузальных гипотез о том, что какая-то переменная может рассматриваться как причинно действующая (в рамках заданной экспериментальной модели).

[1] Чаще всего под мысленным экспериментированием в широком смысле термина имеют в виду именно этот «умозрительный» критерий: внутренний, или мысленный, план сбора данных и включение предположений об их характере в систему размышлений, взвешивающих предполагаемые данные «за» и «против» рассматриваемой содержательной гипотезы. При таком расширительном понимании МЭ он становится синонимом любого обсуждения любых гипотез до этапа проведения реального исследования.

Глава 4. Причинность и детерминизм в методологии науки

4.1. Причинность как принцип научного объяснения

4.1.1. Принцип детерминизма: от античного к механистическому и вероятностному

При постановке и решении проблем детерминации психического так или иначе встает вопрос о философско-методологической трактовке причинности. Однако этих трактовок в истории развития человеческой мысли было множество. И мы здесь представим только те, которые оказались наиболее освоенными при построении психологических теорий.

В досократовский период в философии античного мира понятия *причины* и *начала* не были разведены. Так, Анаксагор (первая половина V в. до н. э.) предполагал, что Вселенной движет Ум («нус» по-гречески). Ум и организует порядок в мире, и движет миром, и познает мир. Дуалистическая позиция этого философа проявилась в предположении, что как субстанция нус входит в состав только живых существ, устройство которых позволяет ему в разной степени проявляться, и движения душевного и телесного не следует смешивать. Сократ (470–399 до н. э.) разочаровался в Анаксагоре, потому что увидел, что «умом он не пользуется вовсе и не указывает настоящих причин упорядоченности вещей, а ссылается на всякие там воздухи, эфиры, воды и множество других нелепых вещей» (цит. по кн.: Соколова, 1995, с. 49). То есть Ум как причина появляется там, где неизвестной оказывается естественная причина.

Античность дала ряд вариантов в понимании детерминизма (атомистический, телеологический и др.), из которых линии Демокрита, автора первых психологических сочинений (вторая половина V в. до н. э.), и Аристотеля (384–322 до н. э.), автора трактата «О душе», оказались наиболее тесно связанными. В эпоху античности действовал постулат о нераздельности души и тела. Тем самым не было необходимости строить отдельно представление о детерминации для мира внешнего и мира психических реалий. В материалистической трактовке

устройства Вселенной Демокритом не нашлось места сверхъестественным силам, поскольку все подчинено необходимости, понятой как цепь причинно-следственных отношений. Ученик Демокрита Протагор ввел идею относительности познания. В идеалистической трактовке начал бытия Платоном необходимость имела иной источник — идею как принцип вещи, как смысловую модель ее бесчисленных чувственных проявлений. Творит же идеи мировая душа, или ум-демиург, не выводимый из материальных начал.

У Демокрита на организм механически действовали потоки атомов. Ощущения же происходили благодаря истечению от предметов тонких пленок, отражаемых влажной частью глаза благодаря встречным атомным потокам. Для Платона познание должно было стать не чувственным, а только умственным; рациональность его задана возможностью использования универсальных схем мышления, но эта «рациональность» заключалась в «припоминании» душой истинных сущностей, которые не представлены в видимом мире. Оставляя в стороне историко-психологический ракурс проблемы связи возможностей познания с пониманием человеческой души, продолжим рассмотрение возникновения общих представлений о детерминизме.

Аристотель разделил причины, описывающие мир природных тел и жизнь живых существ. Его *прабиологическое* (в терминологии А. Петровского и М. Ярошевского) детерминистское воззрение предполагало действие некой «конечной», или «целевой», причины как отличающей целесообразность, присущую живому организму. Распространение этого понимания на все сущее, т. е. на все явления в мире в целом, получило название телеологии.

Телеологизм

Телеологизм противопоставляли детерминизму. В Средние века в учении Августина душа была наделена спонтанной активностью, которая «движется в Боге». Было завершено *индетерминистское* понимание причинности как целесообразности.

Индетерминизм означал в первую очередь неподчиненность движений души законам материального мира, в Средние века он стал означать принципиально иную их детерминацию — божественным провидением. Человек выступал лишь его носителем.

В период до оформления классической картины мира, принявшей форму *механистического* детерминизма, разрабатывались варианты *предмеханистического* детерминизма. Так, в XIII в. возник так называемый «оптический» детерминизм, связанный с исследованиями зри-

тельных восприятий и оформивший законы зрения как подчиненные законам оптики, что в европейской философии связано с именем Роджера Бэкона (1214–1294). Причинный ряд физических явлений в законах оптики получал математическое выражение, а психический — соответствующую причинную детерминацию.

Механистический детерминизм превалировал в принципах научного познания в Новое время — с XVII до середины XIX в., — сменившись формами *биологического детерминизма.* Однако остановимся на двух его основных аспектах: линейной и статистической детерминации в едином причинно обусловленном мире. Здесь важным понятием выступило также физикалистское понимание причинности.

Положенная в основу классической картины мира причинность называется физикалистской причинностью, поскольку отражает взаимодействия в физическом мире, причем понятом в рамках классического естествознания, где господствовала ньютоновская картина мира.

Физикалистская причинность предполагает влияние одних материальных условий (факторов) на другие исходя из предположений о законах, отражаемых в обобщенных или так называемых универсальных высказываниях, проявление которых и служит основанием причинных высказываний.

При этом в Новое время произошло удвоение в понимании причинной детерминации. С одной стороны, причина заложена в необходимости, связываемой с проявлением *закона* как логической координации, в рамках которой находят свое детерминистское объяснение эмпирические закономерности. С другой стороны, проявление этой необходимости реализуется в связи с *причинно-действующими условиями*, где в качестве воздействия выступает фактор, названный позже причинно-действующим условием (и впоследствии — «независимой переменной»). Осуществление воздействий на изучаемый процесс — проявление активности исследователя в рамках реализации экспериментального метода, о чем мы будем говорить в следующей главе. Фиксация следствий как эмпирически проявляемых изменений — основа реконструкций закона или прорыва мысли к теоретическим обобщениям.

Позже соотношение индивидуального — частного и общего — закономерного было переосмыслено в представлении о *вероятностном детерминизме.* Учитывая множественность понимания детерминизма и вероятности, ограничимся наиболее представленным в классических картинах мира понятием лапласовского детерминизма. Забегая несколько вперед, обратимся к идеям великого французского математика, написавшего «Опыт философии теории вероятностей» (вышел

в 1814 г.). Мы опускаем при этом становление самого предмета теории вероятности, поскольку обсуждаем ее только в контексте методологического значения введения понятия *неопределенности* для эмпирических наук на этапе классической картины мира.

В подходе П. С. Лапласа (1749–1827) вероятность рассматривалась как связанная с неполнотой знания, т. е. в качестве характеристики познания, а не мира. Вхождение вероятностных методов в науку стало стимулом для изменения понимания детерминизма, а также философского представления о самих вероятностях. В постнеклассический период развития физики роль вероятности возросла до фундаментального принципа: «Нам необходимы не только законы, но и события, которые привносят в описание природы элемент радикальной новизны...» [Пригожин, 2000, с. 12]. Но уже и в предшествующие периоды вероятность не отождествлялась с незнанием, о чем можно говорить применительно к разным способам включения статистики, основанной на вероятностных представлениях, в научные исследования природы. Пока же приведем историческую справку о включении вероятностных представлений в осмысление деяний человека.

В XVIII в. появились первые работы по использованию статистического материала в сфере описания социальных явлений. Немецкий военный пастор И. Зюсмильх так определил предмет в названии своей работы, вышедшей в 1761 г.: «Божественный порядок в изменениях человеческого рода, т. е. основательное доказательство Божественного провидения и промысла по отношению к роду человеческому из сравнения родившихся и умерших, бракосочетавшихся и родившихся, в особенности же из постоянного соотношения родившихся мальчиков и девочек, и т. д.». Он впервые подошел к статистике не как к описательной дисциплине, как это было принято в университетах тогдашней Германии, а как к средству выявления причинных связей.

Х. Вольф написал в предисловии к этому труду, что он является «опытом, показывающим, как теория вероятностей может применяться к явлениям человеческой жизни» (цит. по кн.: Купцов, 1976, с. 55).

В следующем веке бельгийский ученый А. Кетле (1796–1874), статистик, математик, астроном и социолог, ученик Лапласа и друг Пуассона, показал на статистическом материале, почерпнутом из отчетов уголовных органов Франции, Бельгии и Англии, сенсационную закономерность количественного состава преступлений (1829 и 1831 гг.). Он впервые осмыслил не как проявление Божественного промысла, а как детерминируемое природой людей совершение ими деяний, подчиняющихся законам, как и все в природе. Его «Социальная физика» пред-

полагала построение социальной науки по образу классической физики, где действуют динамические законы. Не выдвинув ни одной новой философской идеи, Кетле вошел в историю как утвердивший возможность эмпирического исследования и точного математического анализа закономерностей в поведении людей. В биологии Ф. Гальтон (1822–1911) и К. Пирсон (1857–1936) — философ-позитивист и математик — распространили исследования изменчивости и статистические методы на изучение биометрики и наследственности.

В последующем Дж. Ст. Милль в своей «Системе логики» оценил наследие Кетле как устранение главного аргумента против существования законов истории. До сих пор признание того, что человек действует в согласии со своими целями, желаниями и волей, служило основанием позиции индетерминизма. После работ Кетле статистические законы стали описывать законообразность, т. е. детерминированность произвольных действий людей. Причинность, причем в лапласовском ее понимании, стала распространяться на социальные явления.

Согласно старому механистическому пониманию детерминизма, которого придерживался великий французский математик, все в мире подчиняется причинному обусловливанию и действию динамических законов. То возражение ему, что поведение человека не объясняется таким линейным пониманием детерминированности, включало также утверждение о том, что в этой сфере не может быть никаких законов. Но в XIX в. исследования по социальной статистике продемонстрировали возможность раскрытия законов как эмпирически устанавливаемых статистических закономерностей. Это положило начало пониманию закона как *закона-тенденции*, против которого выступил в последующем применительно к регуляции поведения человека немецкий психолог К. Левин (1890–1947), а продолжил это обоснование в понимании психологических законов советский психолог Б. Ф. Ломов (1927–1989).

Для XIX в. завоеванием стало утверждение о том, что действия человека не произвольны в том смысле, что они причинно обусловлены, хотя их причины гораздо труднее раскрыть, чем в мире физическом. Так, в концепции свободы воли французского интуитивиста А. Бергсона детерминированность поступка при свободе выбора была связана со всем предшествующим личностным развитием человека. Таким образом, человек, будучи свободным от законов внешнего мира, не может оказаться свободным от самого себя — его действия внутренне детерминированы всей линией его жизни. Современная психология дает другие трактовки *самодетерминации*. Но мы останавливаемся на методологическом значении вероятностных представлений для науки.

Основанием преобразования понятия о детерминации послужило изменение представлений о *вероятности* и *случае*.

Во-первых, в книге А. О. Курно (1801–1877), французского философа-идеалиста, математика и экономиста, «Основы теории шансов и вероятностей» (1843) была обсуждена проблема неадекватности законов механики для «живых существ, обладающих мышлением и нравственностью». Утверждалась последовательность причин и следствий для любого ряда событий. Но главное, было онтологизировано представление о случайном событии: независимые причинные цепочки событий иногда пересекаются. Эти пересечения и дают то, что мы называем случаем, или случайностью. Таким образом, понятие случайного события перестало противоречить лапласовскому представлению о детерминизме.

Во-вторых, воздействующая причина стала дополняться целевой, и целесообразность как принцип рациональности дополнил классическую картину мира. Согласно Курно, введение представлений о вероятности на основе указанного понимания случайности позволяет распространять причинный взгляд на все события неживой и живой природы. Регулярность или нерегулярность выступили при этом указаниями на закон и случайность. Однако был рассмотрен и такой тип вероятности, который не относится к компетенции математики и связан с интуитивной ориентировкой человека в жизни и науке. Тогда он был назван «философским». В последующем при переосмыслении законов Милля он вошел и в закон индукции (как новая его трактовка).

В работах английского биолога Ч. Р. Дарвина (1809–1882) было положено начало причинному объяснению как достижению целесообразности. Последующая смена лозунга на «Да здравствует эволюция!» изменило отношение к случаю (и случайности). «Теория, в которой ставится задача описать закономерный процесс эволюции, объяснить удивительную гармонию живой природы, по мнению многих, принципиально не могла опираться на вероятностно-статистическую основу» [Купцов, 1976, с. 118]. В последующем дарвинизм опирался не только на противоположность случайного целесообразному. Но нас в данном случае интересовал только один аспект — вклад признания объективной вероятности и случайности как не противоречащих картине мира с однозначной детерминированностью явлений.

Следующим этапом утверждения вероятностного понимания причинной детерминации стало обнаружение в больших совокупностях сложных объектов закономерного действия регулярных причин (в меньших совокупностях затемняемых действиями причин нерегулярных).

То есть отличием *статистического закона* стало понимание его как проявляемого только в совокупности явлений. Поскольку человек обычно имел дело с индивидуальными явлениями, он не мог видеть многочисленных закономерностей, раскрываемых с помощью специальных мер только в совокупностях. Но и это не изменяло основного принципа лапласовского детерминизма.

Специально обсуждалась также проблема, можно ли считать статистические законы эмпирическими. К концу XIX в. ответ стал звучать как отрицательный: в статистической закономерности случайности нивелируют друг друга и выделяется только общая для них тенденция. Предсказание касается, таким образом, поверхности явлений, а не внутренних причин изучаемых процессов. По мнению одного из лидеров неопозитивизма Р. Карнапа (1891–1970), попытка формулирования общественных законов в статистических терминах прямо связана с недостаточным знанием детерминации социальных явлений изнутри.

Линейное понимание причинности в концепции детерминизма, восходящей к картине мира, построенной на принципах механистического материализма, и вероятностный детерминизм были представлены во множестве психологических теорий, а также психофизиологических.

4.1.2. Биологический детерминизм и классическая картина мира

Биологический детерминизм был связан с развитием представлений о живом организме. Он включил предположение о развитии, о взаимодействии в системе «организм–среда», о механизмах стабилизации биологических процессов на определенном уровне, о детерминации будущим и т. д. То есть здесь уже не представляется возможным говорить об одном типе детерминации. Остановимся, однако, на позиции Фрэнсиса Гальтона, пионера в области применения вариационной статистики к индивидуальным особенностям человека, английского психолога и антрополога.

На Гальтона произвела большое впечатление книга А. Кетле. Он распространил принцип статистического закона на умственные способности. Однако если в «социальной физике» отклонения от среднего полагались на «игру случая», то у Гальтона они строго детерминированы фактором наследственности. В этом он полагался на идеи своего двоюродного брата Ч. Дарвина, развитые в гипотезе о происхождении видов путем естественного отбора. Став основателем дифференциальной психологии, он наиболее полно реализовал идею биологического детерминизма в своем построении объяснений. Развивавшееся параллельно ассоцианистское учение до работы Дж. Милля обходилось

принципами механистического детерминизма, а после его работ — химического.

В научных школах, пришедших на смену психологии сознания, биологический детерминизм стал одним из объяснительных принципов. Им утверждались, во-первых, роль адаптации, приспособления организма к среде в целях выживания и, во-вторых, вероятностный характер реакций как принцип естественного отбора.

Зависимость психических явлений не от нервной системы, а от среды обитания организма — вот тот основной тезис, который был положен в «Основы психологии» Г. Спенсером. Мы уже говорили в главе 3 о его понимании биологической детерминации применительно к возникновению ассоциаций. Занимая в теории познания позицию, согласно которой необходимо разделять познаваемое и непознаваемое, он рассматривал самоочевидность априорного знания как результат физиологического закрепления опытом многочисленных предков, приспосабливавшихся к среде.

Эти принципы были четко представлены, в частности, в концепции научения, разработанной Э. Торндайком (1874–1949) в его опытах с животными. Этот американский психолог разработал новый тип методического оснащения экспериментов: так называемые «проблемные ящики», освобождение из которых или вход в которые мог осуществляться только путем проб и ошибок. Если же случайно — по вероятностному принципу — животное выполняло нужное движение, то возникала связь между этим движением и ситуацией. Но эта связь должна была быть подкреплена, чтобы возник инструментальный условный рефлекс[1]. Итак, связи закрепляются в нервной системе благодаря переживанию удовлетворения.

Пока укажем только на следующую линию влияния биологического детерминизма, которая не стала прошлым в истории и методологии психологии. Апелляция к детерминации, связанной с развертыванием процессов в нервной системе, — один из основных путей *редукционизма* в психологии.

Существенным направлением реализации биологического детерминизма было решение проблемы отношения психики и деятельности мозга, прослеживаемое в XX в. в отечественной психологии в ходе ряда дискуссий [Шорохова, 1968][2]. Вышли также книги, закреплявшие

[1] *Закон эффекта*, введенный Торндайком, предполагал, что если реакция животного подкрепляется наградой, то она закрепляется в поведении.

[2] В последующие годы в отечественной философско-психологической литературе состоялась дискуссия по проблеме идеального, в которой противопоставля-

методологическое обоснование путей решения психофизиологической проблемы в сторону раскрытия все более глубоких механизмов связи психического и психофизиологического как якобы снимающих эту проблему [Ломов, 1984].

Особую линию в развитии биологического детерминизма следует связать с концепцией П. К. Анохина (1989–1974). Благодаря его теории функциональных систем понятие акцептора действия ввело новое понимание целевой причины в схемы научного познания. И не случайно рядом психологов эта теория продолжает рассматриваться в качестве психофизиологического основания детерминистского понимания целевой регуляции поведения.

Еще раньше в принципах физиологии активности Н. А. Бернштейном (1896–1966) были разработаны *уровневые* представления о регуляции движений и действий, где цель связывалась с понятием двигательной задачи и понятие образа потребного будущего было включено в психологическую регуляцию, а не только в психофизиологическую.

Но в психофизиологических исследованиях развиваются и более «простые» причинные представления о связи психических явлений и процессов, с одной стороны, и процессов, происходящих в мозговых структурах, — с другой. Они поставляют все новые сведения о сложности механизмов работы мозга, но упрощают саму проблему психического образа (и функций психического), утверждая монизм как сведение механизмов психической регуляции к происходящим в мозгу процессам. Придерживающиеся такой постановки вопроса исследователи не обращают внимания на положения о том, что мозговые механизмы могут рассматриваться как продукт «развития самой предметной деятельности» (А. Н. Леонтьев), что качественные особенности другого уровня системности не могут быть выражены в физиологических понятиях и т. д. Именно такого рода психофизиологический монизм можно рассматривать в качестве варианта редукционизма.

Редукционизм (от лат. *reductio*) — снижение, сведение; рассматривается как характеристика теорий, гипотез и выводов из психологического исследования, подменяющих в обоснованиях понимание психологической причинности принципами объяснений, свойственных представлению предмета изучения в других науках. Редукционизм, понимаемый как «снижение», означает упрощение представлений об

лись идеи Э. Ильенкова и Д. Дубровского, представивших существенно отличающиеся позиции в материалистическом понимании детерминации — от средств трансляции деятельности как опосредствующего звена до информационных кодов в деятельности мозга.

исследуемых базисных процессах, как «сведение» — их подмену процессами других уровней (не психологической, а иной формы регуляции — социальной, психофизиологической и т. д.).

Сегодня психофизиологический редукционизм принял новые формы; этому способствовали существенные сдвиги в раскрытия «механизмов сознания» в схемах обобщений «нейрон—модель—теория», т. е. минуя уровень собственно психологических явлений. Подмена сторонниками такого подхода содержания психологического знания обоснованием другого типа — психофизиологических — гипотез и позволяет говорить о редукционизме.

За рамками нашего пособия остаются также вопросы о *социальном детерминизме*, соответственно и о вариантах социального редукционизма в построении психологических объяснений.

4.2. Зарождение представлений о психологической причинности

4.2.1. Возникновение представлений о психологической причинности

Ранее нами было показано, что выделение научного психологического знания происходило в ходе формирования ассоцианистского направления, причем на разных основаниях в рамках философии (метафизики) и физиологии. Первоначально на его становление существенно влияли успехи естествознания, что выражалось в принятии идеи детерминизма — сначала механистического, потом биологического. Дальнейшее развитие психологической науки было связано с изменением как общих объяснительных принципов, включающих те или иные представления о детерминизме, так и психологических научных парадигм в понимании причинности. В данном параграфе представлены методологические схемы понимания причинности в ориентировке на то, что в учебном пособии возможно развести эти две взаимосвязанные линии психологического объяснения (детерминизм и причинность), поскольку они не полностью совпадали в логике развития психологических концепций и методов как методологических оснований раскрытия психологических закономерностей.

Эволюция психологической мысли до научной революции XVII в. использовала представления предмеханистического детерминизма. Период движения психологических представлений в сторону перехода на этап, соответствующий классической картине мира, следовало

бы начать с философии Рене Декарта, шагнувшего за рамки схоластики и заложившего основы *дуализма* в понимание причинной детерминации на ином уровне, чем это прослеживалось у Аристотеля. Он развел детерминацию действия человека по разным уровням — тела и души, сформулировав психофизическую проблему и дав ее решение в рамках *гипотезы взаимодействия*.

Психическое (образ) не включалось в причинные условия действия тела (как автомата). Причина полагалась вовне — в раздражителе. Непротяженная духовная субстанция не могла анализироваться с детерминистских позиций. Но с таковых могли объясняться движения организма как автомата, т. е. машины. К этому времени относится появление термина «механизм» как обозначение устройства, действующего согласно законам механики (позже он стал использоваться в более широком смысле). Движения души совершались в картезианской картине человека по своим законам; им не требовалось причинного обоснования, поскольку они не относились к системе пространственно-временной причинности, действующей во внешнем мире.

Далее остановимся на том представлении, которое характеризовало первое психологическое понимание причинности, связанное с выделением психологии в самостоятельную область знаний.

С XVII по XIX в. классическая наука проделала большой путь в изменении понимания принципа детерминизма, что активно использовалось первыми психологическими концепциями, начиная с выделения психологической проблематики в исследованиях Дж. Локка и Х. Вульфа, мыслящих изначально психологию в рамках философского знания. Позже на смену этим концепциям пришли идеи биологического детерминизма.

Ассоциативное направление (включая примыкающую к нему концепцию И. Ф. Гербарта) в первой половине XIX в. представило первую концепцию психологической причинности. Этим оно отличалось от ассоцианизма более раннего времени (периода развития классической науки), «пафос которого состоял в том, чтобы объяснить связь и смену психических явлений объективной динамикой телесных процессов (которая, в свою очередь, понималась сперва по типу механики, затем — акустики)» [Ярошевский, Анцыферова, 1974, с. 188]. Сходство в позициях английских и немецких сторонников эмпирической психологии было в том, что они отказались искать причинные обоснования психического в таких областях, как душа, с одной стороны, и физиология — с другой.

Если до этого периода идея закономерного в протекании психических процессов основывалась на апелляциях к физическому или физиологическому, то теперь психическое стало выступать в качестве самостоятельной реальности, характеризуемой не только спецификой явлений, но и спецификой законов как закономерностей душевной деятельности, не сводимых к другим.

Ассоциация стала рассматриваться в качестве основного причинного основания психического бытия, а поскольку психология в этот период мыслилась как изучение сознания, то и механизм ассоциации стал рассматриваться как имманентный принцип сознания. Позже с развитием экспериментального метода в психологии, позволившего завершить выделение психологии в самостоятельную науку, научным сообществом было принято другое понимание причинности, или каузальности, опирающееся на понятие действующей причины (воздействия). Формирование научно-категориального аппарата также являлось истоком формирования психологии как отдельной области научных знаний. И критерии научности в психологии изменялись в связи с динамикой подходов к пониманию принципа причинности.

Однако, чтобы более четко представить вклад развития экспериментального метода в изменения понимания причинности, следует вернуться в глубь веков — к учению Аристотеля, выделившему четыре вида причинности.

Отличие в понимании причинности у античных мыслителей и исследователей в эпоху классической науки состоит в том, что в эпоху античности причинность не связывалась с воздействием. Именно естественно-научная парадигма утвердила понимание физической причинности как включающей представление о том, что одна материальная точка может действовать на другую, будучи разделенными в пространстве и времени. Целесообразность же тогда еще не рассматривалась в контексте приспособления индивида (организма) к среде.

Аристотель распространил понятие «причины» на все мироздание. «Конечная», или «целевая», причина была введена для указания специфики регуляции поведения живых тел. Всего, согласно «Метафизике» Аристотеля, следует выделять следующие четыре вида причин, связанных между собой:

- первая причина (*causa materialis*) — материя или субстрат;
- вторая (*causa formalis*) — формальная, а точнее — формы или образа вещи, отражающая «...сущность, или суть бытия вещи...»;
- третья — целевая причина (*causa finalis*) — «то, откуда начало движения»; при этом под движением имеется в виду не только пространственное перемещение, но и качественное изменение;

- четвертая (*causa efficiens*) — причина, противолежащая последней, а именно «то, ради чего», «или благо...».

Его метафора изготовления вещи как деяния мастера демонстрирует, что ни одна из названных причин не подлежит рассмотрению в каузальной связи. Каждая их этих причин по-своему определяет суть, происхождение и назначение вещи, но ни одна не является воздействующей[1].

По Аристотелю, одушевленное тело имеет причину движения в нем самом, тогда как машина, механическое орудие, приводится в движение извне, обманывая природу, пользуясь неким ее секретом. Человек является природным телом, но для него целевая причина лежит в Уме (Нус по Аристотелю). Аристотель мыслил душу и тело нераздельными, и его целевая причина выражала установку, что «природа ничего не делает напрасно». Телеологический характер третьей причины означал первоначально ориентированность на цель того, в чем нераздельно представлено биологическое и психическое. Это скорее целесообразность, чем направленность действия психологически понятой целью (как сознательным предвосхищением).

После краха античности в религиозном учении Августина телеологичность как целевая направленность приобрела форму индетерминизма. Но развитие науки выдвинуло иной принцип причинности, за которым и закрепилось название каузального; и он означал прорыв в понимании причины — как воздействия, следствие которого предопределено законом (необходимостью и достаточностью условий для его проявления). *Причинно-следственный* вывод как научный вывод о каузальных взаимоотношениях между явлениями не был развитием аристотелевских представлений о причине в смысле «начала движения». В науке Нового времени сложилось иное понимание причинности. Это идея *воздействующей* причины, которая и была воспринята в схемах реализации экспериментального метода.

4.2.2. Каузальность в классической и неклассических парадигмах

Классическая картина мира первоначально базировалась на законах механики в понимании детерминизма. Но одновременно она полагалась и на *экспериментальную парадигму* в развитии научного знания, которая стала общей для ряда естественных наук и означала к оконча-

[1] Согласно другой линии размышления, платоновской, такое деяние означает событие, или «переход и выход чего бы то ни было из несуществования к присутствию» (Платон, «Пир»). Умение, или техника, также не является причинно действующим фактором. Оно лишь выводит сущее из потаенного, обеспечивает его присутствие, но не причину.

нию Нового времени уже иное — принятие определенной логики проверки теоретических гипотез на пути, который был выработан в противовес индуктивному методу. Общей основой этой парадигмы стал путь доказательства от противного, обоснованный в 1934 г. К. Поппером как общая логика установления экспериментальных фактов при проверке научных теорий. Таким образом, совсем не позитивизм следует полагать в основу так называемой экспериментальной парадигмы в науке. В отличие от методологии позитивизма, методология экспериментирования с позиций *критического реализма* предполагала основное звено теоретических реконструкций и опору на понимание закона в картине мира. Другой вопрос, как эти разные методологии провозглашались и реально использовались в научных школах.

Три основные условия причинного (каузального) вывода были восприняты психологией вместе с включением экспериментального метода в качестве средства наиболее строгого способа проверки теоретических гипотез. Эти условия означали определенную взаимосвязь логики вывода и организации предметно-чувственной деятельности исследователя. Она стала называться позже экспериментальной парадигмой, поскольку классическое понимание причинности прямо соотносило разработку теоретических законов описания мира с экспериментальным методом проверки научных гипотез. Гипотетико-дедуктивный метод направлял получение эмпирических данных с целью проверки теоретических утверждений, предполагая три условия, которые выполнялись таким исследованием.

- Причина предшествует во времени следствию. Последующие выводы об импликативном отношении, выражаемые в высказываниях типа «Если... то...», обеспечиваются управлением причинно действующего фактора, или экспериментального воздействия.
- Существует ковариация (не случайная связь) между изменениями причинно действующей переменной (называемой также независимой) и следствием, или изменениями фиксируемой зависимой переменной.
- Отсутствуют конкурирующие гипотезы, т. е. проверяемой теоретической гипотезе как объясняющей устанавливаемую эмпирическую закономерность не могут быть противопоставлены столь же сильные объяснения, исходящие из другой теории или анализа другого круга переменных (как воздействующих факторов).

Детерминизм такого каузального типа отражал понятие причинности в Новое время на этапе становления в естествознании классической картины мира. В XX в. в рамках практически всех психологических школ,

за исключением бихевиоризма, экспериментальный метод реализовывался с определенными поправками на психологическое понимание причинности (прежде всего это касалось выполнения первого условия причинного вывода), характера психологического воздействия (проблема соотношения фиксируемых переменных и изучаемого базисного процесса) и учета взаимодействия с испытуемым, по отношению к которому «объектные» схемы изучения имели явно ограниченную область применения.

В классическом варианте понимания каузальной причины важное место было отведено категории закона. Мы не останавливаемся пока на разных представлениях о психологических законах, а продолжим представление современных направлений в понимании причинности. Начнем с того, что в неклассический период развития естествознания произошли существенные изменения в понимании физической причинности. В современной квантовой физике уже может не предполагаться идея воздействия.

Осмысление этого было следующим образом осуществлено в концепции немецкого философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера (1889–1976): «Причинность не имеет теперь ни черт производящего повода, ни характера *causa efficiens*, ни характера *causa formalis*. По-видимому, вся причинность сплющивается до добываемой сложными путями информации об одновременности или взаимоследовании устанавливаемых состояний» [1992, с. 231]. Изменение понимания причинности в науке о микромире означало не только отказ от понимания физикалистской причинности в том его виде, как оно сложилось в истории естествознания и было принято в схеме *естественно-научного* эксперимента. Оно изменило понимание закономерности. Физический закон служил дедуктивной логике объяснения в рамках детерминистского понимания «природных» явлений, включая принципы непосредственной передачи и прерывистости в причинном обусловливании. Это были принципы, отражающие классический идеал рациональности в познании. И как отметил А. Г. Асмолов, этот идеал стал тем «троянским конем», которого дали психологии классическая философия и физика [Асмолов, 2002, с. 433].

4.2.3. Причинность и закон

Второй основной идеей, сформулированной при становлении классической картины мира в естествознании и имевшей разное содержательное наполнение в разные периоды становления психологических школ после крушения ассоциативной психологии, стала идея *закона*. Понятие закона уже использовалось психологией в XIX в. Но закон ассоциаций предполагал лишь непосредственное связывание содержаний сознания. Включая предположения о причинно-действующих условиях, он не апеллировал к объяснительным конструктам, данным только в форме идеальных объектов и состояний. Условия (образования ассоциаций) не проявляли действия какого-то закона, а непосредственно связывали явление (ассоциации) и его объяснение (механизм ассоциаций) в одной и той же плоскости. Это было проявление постулата непосредственности применительно к пониманию детерминации психических явлений.

Начиная с галилеевского периода и к определенному этапу своего развития в XX в. (с парциальной временной привязкой в рамках достижений тех или иных наук) понятие закона стало связываться с тем пониманием причинного обоснования, которое соединило представление о воздействующей причине с осознанным (критическим) принятием логики причинного вывода в экспериментальном исследовании. Эксперимент как метод проверки *каузальных гипотез* разделил представление о причине на уровне закона и на уровне причинно-действующих условий. Закон стал соотносить представления о всеобщности, необходимости и объективном характере происходящих изменений. Закон как порядок стал противопоставляться хаотичности и случайности; на этом уровне рассмотрения положения закона — как формулирование причин и следствий — предполагались как справедливые всегда и везде без исключений. Причины как условия означали иное представление — кондициональное — в понимании законообразности; здесь речь шла о необходимости и достаточности реальных, причем ситуационных условий для возникновения (генезиса) или изменения характеристик изучаемых явлений.

Закон как логическая координация полагался или опускался на пространство объясняемых явлений как частных проявлений общего закона. Картезианское раздвоение реальности и мысли о ней (в понимании закона) сосуществовало долгое время наряду с представлением о законе как отражающем сущностные свойства явлений (а не просто идеальные конструкции, дедуктивно проецируемые на реальность).

Важно отметить также, что понимание воздействующей причины связывалось в первую очередь с законами природы, или естественными законами. Общественная жизнь человека осмысливалась в ином понимании законов. Приведем только один из аспектов их понимания — противопоставление К. Поппером *нормативных* законов, или законов как установленных норм, *естественным* законам.

«Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют хорошим или плохим, правиль-

ным или неправильным, приемлемым или неприемлемым, но "истинным" или "ложным" его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения» [Поппер, 1992, с. 92]. Нормы, являясь конвенциональными, т. е. возникшими в результате соглашения, являются искусственными, но также объективными в том смысле, что они не выдумываются человеком, который застает их в обществе. Нормативные законы контролируются человеком — решениями и действиями сначала других людей, которые могут применять санкции (наказывать или предупреждать тех, кто нарушает закон или неписаную норму), а потом и самим человеком.

Протагором (490–420 гг. до н. э.), древнегреческим философом старшего поколения софистов[1], впервые было разведено природное и социальное окружение человека. Позже Платон подверг общественные явления анализу. Законы афинского полиса или Десять заповедей можно рассматривать как типичные примеры нормативных законов (законов-норм). Социология в конце Нового времени построила критерии отличия общественных законов от природных. Но первоначально люди принимали либо позицию, которую можно назвать *натуралистическим монизмом* — что законы общества так же естественны и неизменны, как и законы природы, либо позицию наивного *конвенциализма* — что все законы установлены человекоподобным богом или демоном. Наивный монизм, предполагавший единообразный характер всех законов, сменился со временем критическим дуализмом.

Критический дуализм в отношении законов означает лишь то, что нормативные законы, в отличие от законов природы, могут устанавливаться и изменяться человеком.

Другой аспект — тот, что человек имеет возможность выбирать, следовать ему или нет тем или иным законам. Его решение соблюдать или изменять их означает, что он несет моральную ответственность: «...не за те нормы, которые он обнаруживает в обществе, только начиная размышлять над ними, а за нормы, которые он согласился соблюдать, когда у него были средства для их изменения» [Поппер, 1992, с. 93]. Результатом размышления может быть и желание изменить «сомнительные» нормы. Этим опасны новые гипотезы, возникающие у человека. Не дать «вредным» гипотезам права на существование, избежать их обсуждения путем применения силы — это, по Попперу, основной критерий «закрытого общества». Давать возможность развиваться любым направлениям мысли — критерий открытого общества. Собственно обращение к критическому дуализму, начала которого положены Протагором, и понадобилось Попперу для того, чтобы рассмотреть не только разницу в понимании законов природы и общества, но и ввести принципиально новый критерий различия обществ — открытого и закрытого, смена которых прослежена им от античности до наших дней.

[1] Общей чертой учений софистов был *релятивизм*, выраженный в положении Протагора о том, что «человек — мера всех вещей» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 628].

Положение о том, что возможно иное понимание закона — как *кондиционально-генетической* взаимосвязи между причиной и следствием, было сформулировано К. Левиным, причем применительно к сфере возникновения намерений человека и их психологических последствий. «Кондиционально-генетическое определение типа процесса (сюда относятся и типы состояний) и есть то, что принято назвать законом» [Левин, 2001б, с. 124]. Это понимание наиболее близко подошло к той логике взаимоотношений между теорией, законом и экспериментом, которая сложилась первоначально в естественных науках применительно к идее воздействующей причины. Позже мы к нему вернемся.

Пока же отметим, что в отечественной психологии изначально была принята ориентация не на естественно-научное понимание закона, а на философское, связываемое с традициями диалектического материализма. Б. Ф. Ломов в статье «Об исследовании законов психики», положившей начало дискуссии в рамках «Психологического журнала», обосновывал ленинское понимание об однородности понятий закона и сущности, о том, что закон есть «идентичное в явлениях», устойчивое и повторяющееся. «Научное познание и состоит в раскрытии существенных, необходимых, устойчивых, повторяющихся связей, отношений между явлениями» [Ломов, 1982, с. 18].

Но почти за полвека до этого в работах философов (в частности, Венского кружка, где выступил со своей концепцией феноменологии Э. Гуссерль) и психологов (В. Дильтея, К. Левина, Э. Шпрангера) уже обсуждалась проблема специфики психологических законов в силу специфики психологической реальности, и в частности высших форм психики.

4.3. Формирование новых подходов к пониманию причинности в естествознании

Главное, что произошло в первой трети XX в., — это изменение понимания физикалистской причинности, что было связано не просто с проникновением статистических описаний в картину микромира, но и с кардинальным изменением понимания детерминации как причинно-следственной.

Включение вероятности в картину микромира было связано с последующей дискуссией относительно возможности онтологизации свойств частиц, описываемых с использованием языка вероятностей. При этом физики могли оставаться на прямо противоположных позициях. А в целом эти позиции ознаменовали очерчивание основных подходов в квантовой механике и философское осмысление возможности говорить о законах бытия материального мира.

М. Планк и А. Эйнштейн отстаивали единство физической картины мира и предполагали некоторую неполноту причинного обусловливания не в законах бытия, а именно в связи с неполнотой статистических законов (в неполноте квантовой механики). Добавим к этому обсуждение при построении современной неклассической картины мира принципа неопределенности (позже мы вернемся к нему в контексте произвольности толкования этого принципа за рамками физического познания) или проблемы «постоянной Планка» как указания на ограничения в описании объекта мерой взаимодействия с ним в ходе физического измерения. То есть процесс измерения в физике играет принципиальную роль — необратимости изменений в ходе изучения явлений микромира.

Н. Бор и другие представители копенгагенской школы разошлись с Эйнштейном именно в указании на то, что свойства объектов (микромира) безотносительно к процессу их наблюдения (при физическом измерении) не существуют как физические реалии. Таким образом, был поставлен под сомнение один из основных мировоззренческих постулатов, соответствующих методологии классической физики, — принятие положения об объективной данности явлений как независимых от познающего их субъекта. В физике микромира, или в квантовой физике, оказалось, что они — измеряемые свойства физических явлений — конституируются процессом измерения, зависят от того, в каком опыте и какими средствами они отображаются. В 1930 г. дискуссия, по словам Н. Бора, приняла «драматический характер». Выбранный В. Гейзенбергом способ описания свойств элементарных частиц привел его к выводу о том, что «атомным объектам не имеет больше смысла приписывать пространственную структуру» (цит. по кн.: Завершнева, 2001, с. 72).

Спор между обеими сторонами остался незавершенным. Позиция каждой из них включала априорные допущения. Последующее изменение в понимании физической причинности стало развиваться в новых направлениях. Оно включило принцип дополнительности в физическую картину мира, принцип сетевой организации знаний — в описания устройства мира, а также и ряд интерпретаций принципа

неопределенности как изменяющего представления и о физическом детерминизме в том числе (последнее представлено в популярной книге американского физика Капры [Капра, 1996][1]).

Если в переходе к неклассическому периоду развития науки основную роль сыграли достижения физики первой трети XX в., то переход к следующей постнеклассической стадии науки (в парадигмальном изменении принципов построения научного знания) был связан с достижениями в области культурологии, постпозитивистской философии, новых типов организации знаний. Эти основные вызовы классической картине мира обсуждаются в работе Гусельцевой [Гусельцева, 2003], к которой мы еще вернемся.

Но пока остановимся на следующем: и использование вероятностного принципа в социальном познании, и изменения в физической картине мира, и парадигмальная перестройка других наук (в частности, биологии) не отменили сосуществования в описании закономерных явлений представлений о детерминизме как основанном на понимании линейной причинности (при понимании причины как воздействующей или целевой) и вероятностном описании (детерминистски представляемых явлений). Вероятностный детерминизм стал включаться в схемы объяснений практически для всех уровней физической и социальной реальности. Но это не решило проблему методологического понимания вероятности как аспекта мира или аспекта его описания при учете множественности причин, в разной степени регулярных и действенных.

До недавнего времени именно крушение классического понимания физических законов и принципов познания (в первую очередь разделенность субъекта и объекта) рассматривалось как основание становления нового понимания картины мира в неклассическом естествознании и познания человека — в психологии. К этому вопросу мы вновь обратимся при раскрытии проблемы противопоставления гуманитарного мышления естественно-научному (глава 9). В контексте данного параграфа отметим только изменение, касающееся понимания причинности, — переход в естествознании к представлению о прерывистости причинности в ином аспекте — саморазвития динамических (физических) систем, понимания их как непрерывнозакономерных.

Вместо разделения явлений и законов современное естествознание формулирует, по словам И. Пригожина и И. Стенгерс, принципы согласованного «повествования, из которых следовали бы не только

[1] В ней даны яркие примеры парадигмальных изменений, коснувшихся многих наук и означающих ограничения в признании классического принципа детерминизма единственным в физической картине мира.

законы, но и события» [Пригожин, Стенгерс, 2000, с. 245]. Не соглашаясь с тезисами неклассического периода развития физики (физики микромира), названные авторы утверждают, что «не акт наблюдения, а состояние хаоса опосредствует наш доступ к природе: события являются следствием неустойчивости хаоса, внешние условия (например, экспериментальные) сдвигают равновесие в неустойчивой системе таким образом, что из всех потенциальных возможностей реализуется только одна. Сценарий дальнейшего развития системы не может быть вычислен заранее, более того, эволюцию системы можно описывать только в таком пространстве, которое зависит от ее динамики, т. е. это пространство, или ландшафт будущих событий, также образуется в точке неопределенности» [там же, с. 17].

Тем самым разрушается основной принцип экспериментального размышления как *гипотетико-дедуктивного вывода*, когда в основу конструируемой экспериментальной модели кладется некоторая теоретическая гипотеза, полагаемая в рамках действия закона.

Идея спонтанных событий применительно к физическому миру обсуждалась уже великим А. Эйнштейном. «Бог не играет в кости» — этот тезис помог ему обосновать отказ от попыток замены принципа причинности принципом вероятностного детерминизма. Он продемонстрировал, что именно отказ от попыток полной каузальности — тотального детерминизма как всеохватывающего принципа причинности — приводит к полноте каузального описания физических явлений, когда «будущее перестает быть данным» в настоящем.

Холистическая парадигма, т. е. рассмотрение мира как взаимосвязанного целого, в XX в. стала заменять структурное его рассмотрение, предполагающее определенную архитектонику (физической реальности) и раскрытие законов, согласно которым элементы образуют целое. Возникли совершенно новые представления о взаимосвязи — так называемые «будстрепные» теории, предполагающие внутреннюю взаимосвязанность («зашнурованность») реальности. Итак, идея тотального детерминизма исчезает даже в естественных науках, которые привлекают новые математические разработки для описания эволюции физических систем.

Параллельно этому в психологии сменяются как понимание психологического закона, так и представления о возможности единой психологической науки.

Глава 5. Психология как самостоятельная наука

5.1. Первые научные парадигмы в психологии и признаки кризиса

Уже на стадии замкнутой теоретической науки[1] нашлось место для понятия души как особой неуничтожимой сущности, перевоплощающейся в различные живые существа согласно определенным числовым закономерностям. Однако вплоть до XIX в. психология, по мнению большинства историков науки, находилась на стадии донаучного развития. Психологическое знание накапливалось и развивалось в формах житейского, художественного, религиозного и прежде всего философского знания, которое принципиально отличается от научного в собственном смысле этого слова.

Декартовское представление о дуализме души и тела и понимание механистической детерминации как основы причинного объяснения породили тот тип рациональности, который на долгие годы определил использование в психологии критериев научности, взятых из парадигмы классической науки. Картезианство поставило такие проблемы перед методологией исследования, позитивное решение которых не совершилось по сей день; в первую очередь мы имеем в виду психофизическую и психофизиологическую проблемы. Возникшие позже другие типы рациональности — неклассические и постнеклассические — еще только осваиваются в новых исследовательских парадигмах психологии.

В рамках одной и той же исследовательской методологии оформлялись разные теоретические концепции научной психологии. Так, представление о человеке как субъекте познания лежит в основании ряда психологических школ — вюрцбургской школы мышления, гештальтпсихологии, современной когнитивной психологии. Представление о субъекте как деятеле оформлено в других концепциях (от бихевиоризма до деятельностных подходов). Переход от деятельностной парадигмы к личностной или субъектной также характеризует многие направ-

[1] В качестве примера таковой в главе 2 упомянуто учение Пифагора.

ления. А. В. Юревич предлагает называть такие общие направления разработки психологического знания, не связанные тесно с превалирующим методом исследования, *метадигмами* [Юревич, 1999].

Отметим также, что термин «парадигма» продолжает употребляться в психологии как указание и на преимущественно используемый метод исследования (экспериментальная парадигма, формирующая, диагностическая и т. д.), и на мировоззренческие позиции в понимании путей построения теоретического знания (с апелляцией к теориям верхнего уровня как парадигмальным основаниям построения систем собственно психологических знаний). Такие названия, как «психология сознания», «психология понимания» и др. относятся к разным содержательным теориям, но указывают на общность в выделении предмета изучения и методологии познания. Психология сознания стала первой парадигмой зарождающейся психологии.

По мере развития подхода и более четкой кристаллизации парадигмы, а также в зависимости от тех акцентов, которые привносили в него новые авторы, он получал дополнительные названия-характеристики: ассоцианизм (по основному объяснительному принципу); интроспекционизм (по основному методу исследования); атомизм (по основной задаче — поиску простейших элементов психического); механицизм (по выбору науки в качестве образца для построения психологии); структурализм (по второй и более поздней задаче — изучению типов связи элементов и механизмов их объединения в новые целостности); функционализм (также по задаче — выявлению функций сознания в реальной жизни человека).

Фактически единой или общепризнанной научной или исследовательской парадигмы, аналогичной парадигме классического естествознания, в психологии сознания не существовало. Наблюдался и достаточно солидный временной разрыв между началом использования тех или иных исследовательских схем и рефлексией их парадигмальных основ. Они скорее формулировались постфактум историками науки, и именно в силу этого, а также в силу неоднородности, рыхлости, внутренней противоречивости вопрос о том, действительно ли мы имеем дело с первой научной парадигмой в лице психологии явлений сознания, большинством ученых оставлен открытым. Но то же можно сказать и относительно всех последующих парадигм, что позволяет некоторым авторам говорить о «допарадигмальной» стадии развития психологической науки в целом, которая длится по настоящее время.

Главным методологическим недостатком психологии сознания являлась установка на понимание законов, регулирующих работу сознания, как имманентных (внутренне присущих) самому сознанию, а не

порождаемых в процессе взаимодействия человека с миром. Следующие особенности метода были осмыслены как предпосылки последовавшего *кризиса* психологии. При этом речь шла именно о кризисе психологии сознания, который отчетливо проявился в конце XIX в. и был вызван следующими ее недостатками.

Метод *интроспекции* требовал участия в опытах специально подготовленных людей, чаще всего самих психологов, что резко ограничивало объем потенциальных объектов исследования.

Процедура интроспекции в принципе недоступна животным, детям, психически больным людям.

Обнаружилось, что огромная область психических процессов вообще недоступна сознательной рефлексии (бессознательное).

Самонаблюдение часто изменяет и даже разрушает те процессы, на которые оно направлено и которые подлежат изучению.

Субъективный характер оценок, сделанных в процессе самонаблюдения, настолько сильно выражен, что не удается соблюсти основные требования, предъявляемые к научному методу, — повторяемость и воспроизводимость результатов в одних и тех же условиях.

Разрушение единой методологической основы и формирование множества разных психологий (как антитез психологии сознания) выступило основанием заключения о кризисе в психологии. Острое состояние этого кризиса рассматривалось в работе Л. С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», где был подведен такой итог: «Кризис разрушителен, но благотворен» [Выготский, 1982а, с. 373]. Отсутствие общепринятого предмета психологии и вновь возрождающиеся поиски соответствия метода и предмета свидетельствуют в пользу *перманентного* кризиса, который иногда рассматривается как специфика психологической науки в целом, а не свойство стадии ее развития.

Наличие открытого и общепризнанного кризиса в психологии, который, по Т. Куну, является важнейшим условием смены парадигм в науке, говорит в пользу того, что мы действительно имеем дело в психологии с процессами, аналогичными процессам роста и развития научного знания в более «продвинутых» областях науки. Но своеобразие психологии, как мы уже отмечали, состоит в том, что вновь появляющиеся парадигмы не приводят к уходу со сцены прежних, которые продолжают сосуществовать и развиваться параллельно с новыми, что позволяет говорить о сегодняшней стадии как поли- или мультипарадигмальной психологии.

Фактически все последующие «парадигмальные упражнения» строились на критике и определенном преодолении перечисленных выше не-

достатков психологии сознания. Бихевиоризм вырос из попытки преодолеть субъективность ее основного метода исследования (интроспекции) и последовательно реализовать позитивистский критерий научности. При этом Дж. Уотсон обосновал отказ от использования понятия «сознание». Поведенческая парадигма в российской науке начала XX в. дала иные интерпретационные подходы к пониманию психики — не как «черного ящика», а как средства приспособления организма к среде.

Психоанализ пытался изменить сам объект исследования, поставив бессознательное на место сознания. С точки зрения метода изучения здесь была принята прямо противоположная бихевиоризму позиция — не устранения исследовательских интерпретаций (и самого исследователя как воздействующего фактора в экспериментальной ситуации), а их прямое включение в способы сбора эмпирических данных о пациенте. Психоаналитик, по Фрейду, «конструирует» историю болезни[1]. При этом он выступает не столько в роли дешифровальщика истины о причинах невроза, сколько в роли созидателя той психологической реальности, которая заведомо предлагается в качестве истины (эдипов комплекс и другие «гипотетические конструкты»).

В рамках парадигмы «познающего субъекта» специфическую направленность экспериментирования разработала гештальтпсихология. Ее методические приемы реализовывались в рамках «стимульно-реактивной» парадигмы, но в отличие от старой схемы психофизического эксперимента гештальтпсихология сосредоточилась на борьбе с атомизмом, провозгласив примат свойств целого над свойствами составляющих его частей.

Иной тип включения активности психолога как необходимого звена в психологическом исследовании дала школа К. Левина, впервые использовавшая эксперимент в целях изучения мотивации и целевой регуляции поведения человека. При несомненной сциентистской направленности ее методология существенно изменила представление о сути психологического закона (более подробно об этом в п. 4.2.3). Феномены, продемонстрированные ее основателем и его учениками, можно наблюдать только при условии создания определенного «жизненного пласта» отношений между экспериментатором и испытуемым (уровень притязаний, динамика развития гнева, лучшее запоминание прерванных задач и т. д.). В 70-е гг. XX в. польские психологи стали обозначать подобные типы исследовательских ситуаций описательным термином «эксперимент как психологический театр». В отечественной литературе общим стало указание на специфику экспериментирования в школе Левина с точки зрения редкого сочетания теоретических гипотез и возможностей демонстрации объяснительного принципа «квазипотребности» в ситуациях поля, вызываемых к жизни именно действиями экспериментатора, активно общающегося с испытуемым и формирующего у него намерения.

[1] Г. Айзенк в своем выступлении в 1996 г. на факультете психологии МГУ отметил при этом такую свободу в психоаналитических реконструкциях Фрейда, которая привела его (Айзенка) к необходимости выбора совсем иного пути — поведенческой психотерапии. Айзенк проехал по Европе и перепроверил все приводимые Фрейдом данные о случаях излечения пациентов (включая знаменитый случай «человека-волка»). Оказалось, что пятьдесят процентов данных из истории болезни, приводимых Фрейдом, реально не содержалось в историях болезни пациентов, а случаев излечения — как связанных с процедурой психоанализа — было и того меньше, если они вообще имели место. Такой способ познания, включивший наполовину художественную литературу, по Айзенку, не может удовлетворять критериям научности познания.

Французская психологическая школа и культурно-историческая психология сконцентрировали свои усилия на преодолении механистических установок психологии сознания и в целом ее ориентации на построение парадигмы психологического знания по аналогии с парадигмами естественных наук. Произошло сближение психологии с социальными и гуманитарными науками, что повлекло за собой изменение и предмета, и методов исследования. На первое место выдвинулись проблемы *генезиса* индивидуальной психики, отодвинув на второй план ее функциональный анализ. Психологическая теория деятельности внесла большой вклад в разработку конкретных путей перехода от социально-культурных форм существования психического к индивидуальной психике конкретного человека. Система детерминант такого перехода раскрывалась в структуре и динамике человеческой деятельности, порождающей и развивающей индивидуальное сознание. Когнитивная психология с ее компьютерной метафорой сделала значительный шаг вперед в изучении функционирования психики с помощью современных методов количественного анализа, в частности методов теории информации. Наконец, гуманистическая психология дала образцы наиболее полной и последовательной реализации гуманистической парадигмы в построении психологического знания.

Однако называть психологические школы самостоятельными парадигмами не вполне правомерно. Общность целевой и методической ориентаций — сциентистской и экспериментальной — позволяет говорить об общей классической парадигме применительно к разным шко-

лам, отличавшимся в первую очередь выделенным предметом изучения и пониманием основных психологических законов. Другой, более распространенный взгляд предполагает выделение в современной психологии двух основных парадигм — естественно-научной и гуманитарной (см. главу 9).

«Важным моментом является и понимание того, что в методологии разных сфер психологии — в частности, когнитивной, клинической психологии (наиболее объективной и ориентированной на данные естественных наук), психологии личности и социальной психологии (наиболее ориентированных на гуманитарное знание) — существуют как различия, так и точки соприкосновения. Таким образом, можно сказать, что сама структура психологического знания доказывает важность сочетания естественно-научных и гуманитарных подходов в исследовании и понимании психики» [Марцинковская, 2004, с. 64].

В. В. Знаков пишет о смещении к концу XX в. акцента с познавательной парадигмы исследования на экзистенциальную. Экзистенциальный подход предполагает изучение конкретных ситуаций бытия человека и целостного их понимания. Сознание и деятельность, мысли и поступки субъекта оказываются не только средствами преобразования бытия; в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования. В психологии эта позиция связана прежде всего с развитием субъектно-деятельностного подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки. «К основателям психологии человеческого бытия следует отнести прежде всего В. Франкла и С. Л. Рубинштейна» [Знаков, 2000, с. 92].

Далее в специальной главе мы вернемся к пока еще лишь названной проблеме кризиса в психологии.

5.2. Структура и специфика психологических теорий

5.2.1. Множественность подходов к выделению структуры

Структура психологических теорий может рассматриваться в разных аспектах. Во-первых, в них можно анализировать те структурные компоненты, которые являются общими для теоретических построений в разных науках. Так, И. Лакатос выделяет в теориях их «жесткое ядро» и «защитный пояс», чему, по мнению других авторов, нужно дать более широкое определение «центр-перифирийных» отношений [Юревич, 2003]. В уже представленном нами подходе В. Степина аналогом

этих двух областей выступают «фундаментальная теоретическая схема» и «вспомогательные теоретические схемы».

В таком взгляде на структуры психологических теорий прослеживается апелляция к построению теоретического знания в рамках естественно-научного подхода. В гуманитарных науках, как предполагают многие авторы, в силу меньшей логической соотнесенности компонентов теории слишком велика размытость границ между центром и периферией. Это одна из причин, порождающих дискуссию о специфике теорий в гуманитарных науках и даже особом пути мышления исследователя, работающего в рамках гуманитарной парадигмы. Из дискуссии на эту тему приведем только мнение Н. И. Кузнецовой, занимающей позицию, согласно которой нет никаких оснований считать, что теоретическое мышление ученого в рамках естественно-научной и гуманитарной традиций существенно различается: «Никакой принципиальной разницы в стиле мышления — будь то теоретическая физика, теоретическая лингвистика или антропология — не было и нет. Методологические особенности различных научных дисциплин... не нарушают общих критериев научного познания, общего логического хода развития науки, хотя и должны рефлексироваться» [Психология и новые идеалы научности, 1993, с. 26].

А. В. Юревич [Юревич, 2001, с. 12] также настаивает на «утешительном для психологии» выводе, что она не имеет сколько-нибудь принципиальных отличий от естественных наук. Противоположные утверждения часто обязаны своим происхождением неадекватному образу самой себя у психологии и приукрашенному представлению о состоянии дел в естественных науках, свойственному многим психологам в силу недостаточного знания реалий этих наук.

Во-вторых, специфику психологических теорий можно рассматривать сквозь призму ряда дихотомий, определяющих их направленность в рамках собственно психологической науки. Так, выделяют теории *гомеостаза*, или адаптивные теории, и *неадаптивные* теории. Если согласно первым активность человека может быть понята только исходя из принципа стремления организма к «уравновешиванию» со средой, то в рамках вторых заведомо предполагается неадаптивная активность. Так, к теориям гомеостатического типа часто относят теорию личности К. Левина, а гуманистические теории личности или теория интеллекта Ж. Пиаже рассматривают в качестве движущей силы развития этих систем имманентное стремление к максимально напряженному состоянию. В-третьих, психологические теории можно анализировать с точки зрения общности внешних структурных элементов при разнице их психологического наполнения, т. е. разницы используе-

мых *базисных категорий*. В качестве примера используем здесь приводимую В. Петуховым трансформацию трехкомпонентной теории «Я» Джеймса. В. Джеймсом было предложено различение физического, социального и духовного «Я». Для научного же описания наблюдаемой эмпирии стремились абстрагировать природного, социального и культурного субъектов (которые, конечно, в едином человеке неразделимы). В результате триада Джеймса повторялась в новых обличьях. «Под новыми, необычными именами возникали эти субъекты в практической психологии — в знаменитой метафоре З. Фрейда («Оно», «Я», «Сверх-Я») и популярной модели Э. Берна («Ребенок», «Взрослый», «Родитель»), образуя динамическое разнородное единство, источник мотивационных конфликтов, возможных невротических расстройств, продуктивного личностного развития» [Петухов, 1991, с. 73].

Таким образом, в трех названных теориях представлены три этапа развития одной и той же (или компонентно сходной) структурной теории, имеющей разное психологическое содержание. Подобный анализ должен, однако, соотноситься с анализом преемственности и содержания теорий. Часто анализ теоретического мира психологии проводится сегодня как генезис и преемственность идей — анализ, отличный от историко-психологического контекста рассмотрения этих идей [Зинченко, 2003].

5.2.2. Теории разной степени общности

Одним из направлений в методологии научного мышления стало также представление о выделении уровней теорий, или классификации теорий разной степени общности. Критериями такого выделения уровней стали различия в степени общности научных гипотез и тем самым в близости или дальности пути к эмпирической их проверке. Гипотезы как высказывания, истинность или ложность которых первоначально не известны, но могут быть установлены на основании эмпирической проверки, являются связующим звеном между «миром теорий» и «миром эмпирии». В методологии научного познания сложилось представление о трех типах теорий: верхнего, среднего и нижнего уровней.

В теориях «нижнего уровня» используются объяснительные схемы, в которых понятия максимально нагружены (или загружены) эмпирически. Психологические конструкты в такого рода теориях прямо соотносятся с охватываемыми ими психологическими реалиями. И прорыв в обобщениях применительно к проверке психологических гипотез здесь минимален: эмпирически нагруженная гипотеза как частное высказывание соотносится с более общим высказыванием такой же направленности.

Теории так называемого «среднего уровня» не прямо соотносят общие, или универсальные, высказывания о предполагаемых психологических законах с уровнем эмпирии (эмпирических данных), а позволяют выдвигать гипотетически мыслимые следствия, доступные эмпирической проверке и предстающие в виде экспериментальных гипотез. Теория К. Левина может быть рассмотрена как пример экспликации эмпирически наблюдаемых следствий из модели среднего уровня.

Так, Левин на своих лекциях демонстрировал фильм, где девочка Ханна пыталась сесть на камень. Но этот объект был для нее столь привлекательным, что она, садясь и теряя его из виду, тут же вскакивала, чтобы вновь его рассмотреть. Две квазипотребности направляли поведение девочки: желание сесть на камень и желание не потерять его из виду. В результате она волчком вертелась вокруг камня, что для слушателей лекции было наглядным представлением борьбы мотивов в ситуации «буриданова осла» [*Levin*, 1926]. Конструкты «квазипотребностей» и «систем напряжений» в психологическом поле служили объяснению многообразия эмпирических закономерностей, в том числе и не наглядного характера (эффект лучшего запоминания прерванных действий, или эффект Б. В. Зейгарник). Теоретическая гипотеза о детерминации направленности поведения силами поля предполагала здесь четкий переход к эмпирической организации исследования: создания условий для проявления закономерностей регуляции психических процессов и поведения человека со стороны предполагаемых квазипотребностей, образуемых в «психологическом поле». Этот термин, в свою очередь, служил представлению гипотетического конструкта, конкретизирующего общую левиновскую формулу о том, что поведение есть функция личности и среды.

Гипотетические конструкты — это объяснительный компонент в экспериментальных и других эмпирически нагруженных гипотезах, задающих объяснение устанавливаемым зависимостям исходя из положений определенной теории.

Теории так называемого верхнего уровня отличаются с точки зрения отношения к их эмпирическому подкреплению. Из них, если воспользоваться терминологией К. Хольцкампа [*Holzkamp*, 1981], нельзя непосредственно вывести «эмпирически нагруженные» (или эмпирически загруженные) гипотезы, которые подлежат эмпирической проверке. То есть теории самой высокой степени общности не могут — в качестве их следствий — служить основой утверждений об эмпирических зависи-

мостях. Эти теории обычно являются методологическим базисом развития тех или иных психологических школ, в то время как сами по себе познавательные установки и методологические основания этих теорий не подлежат экспериментальной проверке.

Используемые в них понятия имеют статус *категорий*, т. е. имеют максимальную степень общности. Однако психологические категории не стоит путать с философскими категориями, поскольку в философских работах они функционируют в иной системе понятий и нормативов рассуждений и, рассматриваясь в контекстах иных вопросов, приобретают и иные значения. Путь эмпирического опробывания истинности положений таких теорий более долог. Это путь опосредованной проверки — через разработку других общетеоретических положений как теорий среднего уровня, из которых уже могут быть выведены эмпирически нагруженные экспериментальные гипотезы.

Итак, теории верхнего уровня предполагают разработку других теорий, отнесенность которых к своему эмпирическому базису задана в психологических понятиях, подлежащих последующей операционализации для их эмпирического опробования, или эмпирической проверки утверждений о тех или иных закономерностях. В психологии к таким теориям верхнего уровня можно отнести теорию деятельности А. Н. Леонтьева. Введенное в ней соотношение понятий действия и деятельности, цели и мотива специфично, т. е. структурные связи между понятиями в этой теории дают другое их наполнение, чем, например, в теории деятельности С. Л. Рубинштейна, базирующейся на той же марксистской методологии.

Психологические категории задают общие контексты построения других теорий, которые включают подразумеваемые в этих концепциях теоретические принципы понимания психологической реальности. Следует учесть при этом, что используемая в качестве методологической основы категория (например, деятельности) лишь указывает направление поисков, но не определяет содержательный характер «эмпирической загруженности» проверяемых гипотез.

5.3. Психологические теории и пограничные области знания

Психологами соотносятся и теории из разных областей знания — психологического и непсихологического. Так, в ориентировке на выделение основных компонентов в структуре теорий и отличий в принципах интерпретации Ф. Е. Василюком [Василюк, 2003] проведен сопоставительный анализ бихевиористской теории Б. Скиннера и рефлекторной теории И. П. Павлова. Другой пример: в психологии принятия решений сопоставляются психологические и непсихологические модели выбора, дескриптивные и нормативные подходы к интерпретационным схемам стратегий принятия решений [Корнилова, 2003]. Такой методологический анализ обычно направлен на выделение типа психологического объяснения (по отношению к непсихологическому или редукционистскому).

Можно говорить о представленности во множестве конкретных предметных областей психологического знания различных типов объяснения. И если отличия психологического от непсихологического объяснений специально рефлексировались, то разные типы психологического объяснения еще должны стать специальным предметом методологического анализа (пока в учебной литературе это поле историко-психологических и общепсихологических экскурсов).

Не менее важной является необходимость ограничения психологической теорией своей центральной области — как приложения разрабатываемой теоретической интерпретации к решению определенного круга проблем.

В рамках большинства психологических теорий можно выделить центральное, или ядерное, звено, задающее направленность как на выделение особого предмета изучения, так и на построение гипотетического объяснения, демонстрирующего отличие этой теории от других, конкурирующих в заданной предметной области. Основные научные парадигмы в психологии характеризовались именно тем, что менялся не только объяснительный принцип теории, но и предмет изучения. Представим вслед за А. В. Юревичем [Юревич, 2003, с. 12] более подробно основные компоненты психологических теорий в структуре «центр-перифирийных отношений». Приводимая ниже таблица демонстрирует три области в построении любой теории. Это области центральная, периферическая и неявная (табл. 1).

К центральным компонентам в этой схеме относены: а) общий образ психологической реальности; б) центральная категория (стоящая в центре теории); в) набор основных понятий теории; д) система отношений между ними и е) базовые утверждения. Образ центрального феномена, на объяснение которого и нацелена теория, задается центральной категорией. Такими ключевыми категориями выступили в бихевиоризме поведение, в когнитивной психологии — образ, в психоанализе — мотив. С одной стороны, ключевая категория ограничивает предмет психологического изучения, а с другой — задает интерпретацию. Для психологических теорий проблемой стало «растягивание» центральной

Таблица 1. Структура психологических теорий (по А. Юревичу)

<table>
<tr><th rowspan="2"></th><th colspan="6">Область теории</th></tr>
<tr><th>Центральная</th><th colspan="3">Периферическая</th><th colspan="2">Неявная</th></tr>
<tr><td rowspan="6">Компоненты</td><td>Образ реальности</td><td rowspan="2">Теоретическая периферия</td><td colspan="2">Вспомогательные утверждения</td><td rowspan="3">Личностный компонент</td><td>Личностное знание</td></tr>
<tr><td>Центральная категория</td><td colspan="2">Система аргументации</td><td>Личностные эмоции</td></tr>
<tr><td>Центральный феномен</td><td rowspan="4">Эмпирия</td><td rowspan="2">«Своя»</td><td>Опорная</td><td>Личностные образцы поведения</td></tr>
<tr><td>Основные понятия</td><td>Надстроечная</td><td rowspan="3">Надличностный компонент</td><td>Групповое знание</td></tr>
<tr><td>«Сетка отношений»</td><td rowspan="2">«Чужая»</td><td>Релевантная</td><td>Коллективные эмоции</td></tr>
<tr><td>Базовые утверждения</td><td>Иррелевантная</td><td>Групповые образцы поведения</td></tr>
</table>

категории на всю психологическую реальность[1]. Наборы основных понятий любой теории — это категориальные тезаурусы, и вполне естественно их пересечение для ряда теорий. Однако в разных концепциях они никогда не совпадают полностью. Основные понятия подчинены центральной категории, и иерархия связей между ними задает «сетку отношений». Базовые утверждения развивают и систематизируют образ психологической реальности, заданный центральной категорией.

В периферической области теорий автор различает два компонента: теоретический и эмпирический. Теоретический включает вспомогательные утверждения и систему их аргументации. Эмпирический содержит подкрепляющий теорию фактический материал или обыденные наблюдения. Эмпирия может быть «своей» и «чужой» в следующем аспекте: опытные данные получены в рамках исследований, построенных на базе этой теории или выполненных в рамках других направлений, но переинтерпретируемых в данной теории.

Наконец, в область неявного знания попадает все то, что относил к личностному знанию М. Полани: это и эмоционально-личностный опыт автора, и неформализуемые положения теории, и те положения, которые собственно знанием не являются, а отражают принятые ус-

[1] По словам Л. С. Выготского, когда «объем понятия растет и стремится к бесконечности, по известному логическому закону содержание его столь же стремительно падает до нуля» [Выготский, 1982б, с. 308].

тановки (и даже предрассудки) и т. д. Это знание представлено как в процессе построения научных теорий, так и входит в их содержание. А. В. Юревич специально выделяет в этой области неявного знания надличностный компонент, отражающий «специфическое групповое знание», коллективные эмоции (например, неприязнь к противникам своей теории), образцы поведения, принятые в той или иной группе.

Таким образом, намеченная в таблице схема представляет вариант общего подхода к анализу любой психологической теории. Не будем пока рассматривать вопрос о том, насколько возможно такое формальное рассмотрение вне учета содержательных различий в построении психологических теорий. Пока эта схема задана автором на уровне примеров к отдельным ее пунктам. Но владение ею может существенно помочь в методологической рефлексии конкретных теорий.

5.4. Практика в противопоставлении психологической теории

Наряду с психофизической проблемой (наследием картезианства) и психофизиологической (как постановки вопроса о соотношении психики и деятельности мозга) сегодня в методологии психологии обсуждается третья — психогностическая проблема. Она стала следствием формулировки вопроса о связи объекта, предмета и метода исследования в психологии.

Рассматривая психогностическую проблему, М. Г. Ярошевский и А. В. Петровский выделяют два вида редукционизма:

1) методологическую позицию, согласно которой объект исследования задается методом исследования, — это научный идеализм;
2) позицию, согласно которой подчеркивается неподатливость объекта изучения (объект корректирует метод). Так, в материалистической теории познания предполагается, что теория только отражает свойства объекта.

В психологии борются две объяснительные тенденции: если для идеализма «объект существует не иначе как в формах деятельности познающего его субъекта», то для материализма «чувственный опыт, его преобразование в рациональные "сценарии" гнозиса возможен только потому, что независимая от этого опыта и этих форм действительность (природная и социальная) служит основой ее воссоздания (согласно диалектическому материализму — активного отражения) в том, что конституирует психику» [Петровский, Ярошевский, 2003, с. 510].

Такая постановка проблемы объективного знания в психологии сегодня уступает место другому противопоставлению, складывающемуся при методологическом осмыслении основ профессиональной деятельности психолога, на которых строятся психотехнические практики. Метод исследования может задавать объект изучения — такая позиция может следовать из анализа сути психотехнических практик. Так, методы психологического консультирования, психотренинга и другие сферы оказания психологической помощи людям предполагают, что цель психолога в них — не исследовательская, а прагматическая: оказание помощи. Объект же конструируется совместно психологом и другим человеком, который не выполняет уже роли испытуемого, а становится клиентом.

Психологические теории не обеспечивают полностью запросов психологической практики. И психологическая практика начинает «подпитываться» сегодня такими способами построения психологического знания, которые возрождают постулат непосредственности — как непосредственной данности психологического знания — или основываются на всякого рода иррациональных построениях. Наконец, в качестве призыва к новой методологии звучит обоснование противоположного пути — отказ от психологической теории на основе того, что «нет ничего теоретичнее хорошей практики» [Василюк, 2003]. Тем самым пути построения психологического знания начинают обсуждаться не в контексте его научности, а в связи с апелляцией к расхождению между методологией теории и практики в психологии и возможности его получения и использования непосредственно в практической ситуации. В качестве методологической проблемы здесь важно следующее: изменение классической парадигмы в сторону неклассической в связи с принятием идеи изменяемости изучаемого объекта усилиями познающего субъекта (и тем более сознательно оказывающего в психотерапии на него то или иное воздействие).

Развитие теории психологического эксперимента, с одной стороны, и методологическое обоснование специфики ситуации взаимодействия в практике оказания человеку психологической помощи — с другой, продемонстрировали такую их общую направленность, как понимание зависимости эмпирических данных или результата профессиональной деятельности психолога от общения этих двух (или более) людей.

Сегодня как академические исследователи, так и психологи, ориентированные на практику психологической помощи, не говорят о психологической реальности как независимой от исследовательской позиции. Но развитие этих положений идет по разным путям.

В исследовательской практике — как пути опытной проверки научных гипотез — это представлено обсуждением следующих проблем:

- преодоления субъективизма как положения о том, что то, что психолог раскрывает в изучаемой реальности, прямо зависит от целей и методов исследования, а выбор методов, в свою очередь, определяется типом гипотез;
- развития гипотетико-дедуктивного пути психологического познания: в частности, характер проверяемых гипотез связан с защищаемой теорией (гипотезы эксплицируются из базовых положений теории);
- многообразия моделируемой психологической реальности: в исследовательской ситуации могут задаваться как условия проявления «независимой от исследователя» данности той или иной психологической реальности (тогда это прием провокации для наблюдения того или иного процесса), так и явно моделируемые в соответствии с определенным мысленным образцом схемы психологической регуляции. В качестве последних могут пониматься, например, процессы опосредствования, изучаемые на основе методик двойной стимуляции (разработанные в ориентировке на культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского). В качестве моделирующих новую реальность выступают и формирующие исследования (например, на основе теории поэтапного формирования умственных действий и понятий) и др.;
- изменчивости результата психологического исследования в зависимости от свойств экспериментатора, испытуемого и взаимодействия между ними — это его традиционно выделяемый модус, идет ли речь о наблюдении, эксперименте или психодиагностическом пути изучения человека.

В постановке и решении указанных проблем можно видеть проявление присущей современному психологическому знанию ориентировки на неклассическую стадию развития наук.

Применительно к экспериментальному методу наиболее последовательную позицию в рассмотрении исследовательских гипотез как «правдоподобных», но никогда полностью не воспроизводящих «истинную реальность» занимает концепция *критического реализма* К. Поппера, на которой мы останавливались ранее (глава 2). В данном случае нам важно следующее: введение принципа критического размышления предполагает необходимость учета экспериментатором того, что в исследуемой психологической реальности задано вводимыми им про-

цедурами (измерения, вмешательства в изучаемый процесс), а что может *реконструироваться* как свойства самой этой реальности. Обобщения на другие ситуации, виды деятельности субъекта и т. д. прямо связаны с решением вопросов о степени зависимости эмпирического результата исследования от реализованных форм экспериментального контроля.

То, что возможна неполнота описания, что введение неучтенных параметров может видоизменить устанавливаемые закономерности, что вне учета индивидуального и социального контекста результаты (как установленные эмпирические закономерности) могут обладать низкой прогностичностью — эти и другие проблемы научного описания изучаемых явлений и процессов являются общими для любого научного познания. Но именно в психологии стали возникать теории, изначально ориентирующиеся на контекст взаимодействия между людьми — в ситуациях «взрослый — ребенок», «психотерапевт — клиент», «экспериментатор — испытуемый», — как раздвигающие рамки исключительно познавательного подхода в построении психологических знаний.

В монографии Ф. Е. Василюка наиболее полно представлено методологическое осмысление перестройки психологии на пути совместной выработки знания о человеке им самим в ситуации взаимодействия с психотерапевтом [Василюк, 2003]. Этот путь наиболее адекватен той психологии переживаний, которую строит автор. Им последовательно выдержано соединение в единую перспективу психологии на пути приверженности гуманистическому идеалу и полной замены исследовательской ситуации как якобы естественно-научной на иной тип — ситуацию общения, в которой и психолог, и субъект равноправны в движении по общему пути.

Автор подытоживает различия между академической и психотехнической теориями, правомерно указывая ссылкой на В. С. Степина возможность отнести психотехническое познание к постнеклассическому типу (об этом в учебном пособии говорится в главе 2). Поскольку и научная психология, и психотехническая теория явно не едины, речь по существу идет о противопоставлении академической психологии вообще и психотехнических практик как разных парадигм организации психологического знания в частности. Результаты проведенного сопоставительного анализа, сведенные в схему, могут в некоторых аспектах приниматься как не вызывающие сомнений, устоявшиеся отличия (например, «предмет и метод», «центральный предмет»). Но многие критерии различий полагаемых парадигм (академической и психотехнической) явно могут обсуждаться как спорные.

Итак, рассматриваемая авторская позиция противопоставляет гносеологизму академической психологии философию практики. В ней обосновывается необходимость такой центральной категории для новой психологии, которая соответствовала бы психотехническому методу. Эту роль и выполняет категория переживания «как особая деятельность человека по преодолению критических жизненных ситуаций». Не будем вместо автора пытаться помещать ее в ту его схему, которая построена для иных базовых категорий, а также ловить его на схизисе предмета, для которого разделительной чертой выступают критические ситуации (значит, все другое заведомо отдано на откуп академическим изысканиям). Сейчас важно другое: конструктивные и объяснительные принципы не могут следовать из самой практики.

Это старая проблема *индуктивного вывода*: эмпирия не указывает, что в ней следует обобщать. А переход к теоретическим обобщениям, согласно схеме В. Давыдова [Давыдов, 1972], необходимо предполагает мыслительную деятельность, вынесенную за рамки критериев организации знания, диктуемой эмпирическими обобщениями. Далее, не всякая система обобщений может претендовать на статус теории или философии. Можно сказать, что в данном автором обосновании понятие «философии практики» использует житейский и мировоззренческий аспекты понятия философии как некоторой системы взглядов.

Кроме того, идет ли построение концепции дедуктивным или индуктивным путем — это не определяет качество содержательных гипотез, которые выступают результатом мыслительной работы психолога по обоснованию используемых им принципов и категорий. Исследовательская практика — это тоже практика, ее различие с психотерапевтической практикой существенно, но ни в том ни в другом случае не меняется последовательность рассуждений «практика — теория — практика». Изменение касается только исторического аспекта логики становления гипотез и их проверки, где можно представить и иную связь: теория — практика — теория.

Важно учитывать, что, как считал Л. С. Выготский, именно требования практики приведут к перестройке основ психологии. Но сама психологическая практика может пониматься по-разному — как практика научного исследования и как психотехническая, как «критерий истины» и как способы высвобождения «специфически человеческих возможностей».

Исторической справедливости ради следует указать, что категория *переживания* впервые была предложена в качестве центральной (ключевой) в отечественной психологии Б. М. Тепловым (1896–1965). Ло-

5–2394

гика развития психологической науки, потребовавшая изменения понятий и методов при переходе от изучения элементарных психических функций к высшим, историко-культурно обусловленным, с одной стороны, и преодоления дильтеевской дихотомии двух психологий (см. главу 9) — с другой, реализовалась, по словам М. Ярошевского, независимо друг от друга, Выготским и Тепловым[1]. Готовя рецензию на «Общие основы психологии» С. Л. Рубинштейна, Теплов отметил, что вводимое дискуссионное понятие «переживание» там не определяется. И последующие многолетние усилия позволили ему выделить переживание именно в качестве психологической единицы.

В концепции Теплова переживание выступило способностью, являющейся условием успешной деятельности (безотносительно к рефлексии о ней субъекта) и целостным образованием, которое детерминировано внутренними формами культурно-исторических ценностей. Внутренний мир субъекта при таком подходе выступал миром духовной психической жизни, а переживание можно понимать как особую форму невербального знания. Как и Выготский, Теплов не считал адекватными для изучения культурно-исторически обусловленных форм психики приемы вчувствования, интуитивного понимания и т. п. Он предполагал возможность распространения на внутренние формы переживания (которые сродни объективно-духовным ценностям и смыслам) общенаучных — исследовательских — методов изучения психологической реальности.

Таким образом, применительно к психологии переживания связь в понимании предмета и метода изучения не была таковой, которая постулируется сегодня (как само собой разумеющийся отказ от исследовательских — экспериментального, генетического и т. д. — методов в психологии).

Наличие в арсенале современных психологических средств психотехнических практик не отменяет того типа экспериментального исследования, в котором предположительно приоткрывается неочевидная до этого взаимодействия (исследователь — объект, а в данном случае это субъект — субъект), но все же реально существующая (имеющая онтологический статус, по Пиаже) психическая регуляция любых форм актив-

[1] «Предметно-логическое родство термина "реакция" у Л. С. Выготского и термина "переживание" у Б. М. Теплова коренилось в том, что оба эти термина, будучи почерпнуты из глоссария индивидуальной психологии (сознания или поведения — не суть важно), вышли из рук этих исследователей преображенными, ибо эти термины интегрировали личностное и культурно-историческое» [Ярошевский, 1997, с. 73].

ности человека. Например, тот факт, что особенности интеллектуальных стратегий субъекта обнаруживаются в психологическом исследовании, не означает, что субъект не реализует этих стратегий вне экспериментальной ситуации. В психологическом исследовании это также извечная проблема переноса установленных закономерностей, или обобщений, за пределы экспериментальной ситуации. Но она довольно успешно решается путем обсуждения разных видов валидности исследования.

Совсем иным образом предстает практика психологического консультирования как реконструкции реальности взаимодействия психолога с клиентом, где оба предположительно изменяются в его процессе и результате. Это иной тип субъект-субъектного взаимодействия, чем в ситуации эксперимента или той или иной измерительной процедуры. В психотерапевтической практике исследовательский метод уступает место психотехническому, «созидающему пространство психотехнической работы-с-объектом» [Василюк, 1992, с. 27]. В этой работе осуществляется реальная психологическая помощь нуждающимся в ней живым людям, на что не оказывалась якобы способной академическая наука. Можно было бы говорить о том, что исследовательская практика как поставщик знания не может отвечать за использование этого знания в практических целях. Можно было бы апеллировать к разноуровневости этих задач, приведя, например, такую простую аналогию. Раскрытие физического закона всемирного тяготения опосредствовано иным методом как способом познавательного отношения к действительности, чем разработка тележки на колесиках, которая помогает пенсионеру справляться с действием этого закона при переносе тяжестей.

Но роль субъектного взаимодействия в психотехнических практиках действительно иная. И дело не только в том, что оба субъекта меняются, а в том, что гуманистическая позиция помощи может иной раз заслонять роль исследовательской позиции психолога. Участники этого взаимодействия неравноправны именно потому, что нуждающийся в помощи ожидает ее как помощь посредством реализуемых психологом знаний, иначе он обратился бы к колдуну, магу и т. п. Именно изменение в соотношении теории и метода происходит при психотехническом взаимодействии, и осознание этого направляет наметившую методологическую рефлексию роли психологической практики [Василюк, 2003; Карицкий, 2002].

Глава 6. Кризис в психологии и поиск общей методологии

6.1. Постановка проблемы кризиса в психологии

6.1.1. От понятия кризиса к пониманию психологии как мультипарадигмальной науки

После представления возможных направлений анализа психологических теорий, системы методов и начальных представлений о принципе детерминизма мы можем вернуться к постановке вопроса о разных психологиях в другом контексте — связаны ли прямо содержание психологической теории и метод реконструкции психологической реальности? Ответ должен быть скорее отрицательным.

Во-первых, многие теории развивались, используя разные методы получения эмпирических данных и формулируя разные типы гипотез, в свою очередь предполагавших разные пути их проверки, т. е. разную методологию исследования. Сам факт выдвижения экспериментальной психологии в самостоятельную дисциплину был связан не с введением нового предмета психологии, а с переосмыслением способов постановки и решения вопросов об организации теоретико-эмпирического исследования применительно к разным теориям. И разные психологические направления использовали экспериментальный метод в той мере, в какой могли применить заданное в его основе понимание условий реализации каузального вывода к изучаемой психологической реальности или к ее конструированию.

Во-вторых, та теоретико-эмпирическая область занятий психологией, которая первоначально могла быть охвачена едиными рамками психологии сознания, в начале XX в. уже перестала быть единой, и различия стали носить именно методологический характер — разницы в понимании и предмета, и способа получения эмпирических данных, и способов построения психологических интерпретаций. Если бы к тому времени уже сложилось понятие *парадигмы*, можно было бы кон-

статировать различие нарождающихся и сосуществующих парадигм в психологии. Но в истории развития и наук, и методологии проблемы и понятия оформляются не в одно и то же время[1].

В 1910–1930-е гг. XX в. в психологии прозвучало и получило разные интерпретации понятие *кризиса*. Однако истоки его можно найти раньше. При этом можно указывать разную степень общности понятия — кризис психологии сознания или кризис психологии вообще, отношения к временному аспекту — кризис как временное явление (этап, стадия) или перманентный, степень проявления — открытый или стертый, отношения к методу или предмету — кризис экспериментальной психологии или любой психологии, ставящей задачу научного изучения психологической реальности.

О кризисе в психологии стали говорить задолго до того, как она встала на рельсы экспериментальной науки (в XIX в. уже были проведены эксперименты Фехнером и Эббингаузом, но осмысление их шло еще в логике психологии явлений сознания и психофизического параллелизма). Но и в 1976 г. Поль Фресс, открывая в качестве президента XXI Международный конгресс, говорил о том, что психология находится в состоянии кризиса. Дискуссия 1993 г., проведенная в рамках круглого стола журналом «Вопросы философии», свидетельствует о том, что и в конце XX в. понятие кризиса, его признаки и пути преодоления продолжают обсуждаться — теперь уже в контекстах противопоставления естественно-научного и гуманитарного мышления (подробно эту дискуссию мы представим в главе 9).

Приведем краткую историческую справку.

Н. Н. Ланге (1858–1921) в 1914 г. наметил такой критерий кризисного состояния психология, как отсутствие общепринятой системы, общего фундамента, на который могли бы опираться психологи [1996]. Причем для него кризисом стало крушение ассоцианизма. Еще раньше Ф. Брентано (1838–1917) в «Психологии с эмпирической точки зрения» утверждал, что психологии нужно «ядро признанной всеми истины», чтобы на место множества психологий стала собственно психология. Отсутствие общепризнанного психологического подхода стало первым из выделенных симптомов кризиса. Название психологии относилось при этом к столь разным методологическим позициям

[1] Так, появление работы Поппера, в которой впервые были эксплицированы схемы мышления, лежащие в основе экспериментальной парадигмы как пути научного размышления, относится к 1934 г., в то время как сама она в естественных науках формировалась в течение предшествующих трехсот лет.

и школам, что уже трудно было согласиться с тем, что психология — это общее название или единая область знаний.

Впервые понятие кризиса, задавшее происходящему определенное толкование (кризис — это то, что нужно преодолевать), прозвучало в работе немецкого, а впоследствии американского психолога Карла Бюлера (1879–1963), рассмотревшего проблему несовместимости посылок трех сложившихся направлений в выделении предмета психологии и методов исследования — психология сознания в варианте вюрцбургской школы, с которой он начинал, гештальтпсихология, принципы которой он применил в изучении языка, и бихевиоризм.

Одним из аспектов его характеристики сразу стало указание на редукцию предмета психологического анализа в разных школах. Наиболее последовательным был бихевиоризм с его двучленной схемой «стимул—реакция». Проблема реактивного подхода к регуляции поведения многократно обсуждалась в истории и методологии психологии. Отличием бюлеровского анализа стало предложение ограничивать, но сочетать компетентность разных школ, не отказываясь от достижений ни одной из них.

С. Л. Рубинштейн в работе 1934 г. также обсудил проблему кризиса в контексте борьбы психологических школ. Он не считал возможным тот «синтез» разных психологий как дополняющих друг друга аспектов, который предлагал Бюлер, в силу несовместимости субъективной идеалистической концепции сознания и «механистической концепции человеческой деятельности».

Однако другая отечественная работа стала основной точкой отсчета в методологическом представлении кризиса психологии, и именно к ней так или иначе возвращают все методологические поиски выхода из кризиса. Наиболее полно проблема кризиса была методологически осмыслена Л. С. Выготским в его рукописи 1927 г. (по другим данным, это еще более ранний период — зима 1925 г., 1926 г. [Выгодская, Лифанова, 1996]) «Исторический смысл психологического кризиса». Там же была высказана идея о возможности общепсихологической теории не на пути сочетания преимуществ разных школ, а на основе принципиально новой методологии — марксистской. Новым в подходе к построению общепсихологической теории к этому времени в отечественной психологии стало это осознанное требование — перестройки ее основ с целью создания «последовательно материалистической психологии».

Выготский считал неправильной точку зрения Ланге о том, что кризис начался с падения ассоцианизма, поскольку ассоцианизм не был единственной платформой в психологии. Не являлось для него ведущим

признаком и оформление разных психологических школ с выделением на первый план тех или иных психологических категорий. Он выделил следующий основной признак кризиса — различие двух основных методологических платформ в психологии, задающее дихотомии низших и высших психических явлений и различие методов — аналитического (научного, косвенного) и феноменологического (с принятием постулата непосредственности). «Кризис поставил на очередь разделение двух психологий через создание методологии. Каково оно будет — зависит от внешних факторов» [Выготский, 1982а, с. 422].

Методологическим основанием кризиса выступила старая картезианская дихотомия, которая развела по разным этажам закономерности душевной жизни (с принятием идеалистической платформы для культурно обусловленных высших сфер психического) и простых психических явлений, к которым применима идея материалистической детерминации. Как писал М. Г. Ярошевский, кризис выступил теперь «не только как кризис картезианской интроспективной концепции сознания... но и как кризис неотъемлемой от нее картезианской трактовки детерминизма» [Ярошевский, 1984, с. 335].

Длительная дискуссия о соотношении психологии и марксизма в отечественной психологии была завершена. Направленность на разработку материалистического и диалектического подхода, казалось бы, однозначно предполагала принятие естественно-научной парадигмы как единственной. Собственно, программное заявление Выготского так и звучало — отвоевать у идеалистической психологии ту область — высших форм психики, — которая до сих пор осмысливалась только метафизически (т. е. не в рамках науки). Ответ на вопрос, возможна ли психология как наука (или же она может быть только прикладной метафизикой), решался на основе новой методологии.

Но решение проблемы нового подхода включило в качестве «естественного», а не только идеологического посыла обращение к *культурно-историческому принципу* как основанию построения общепсихологической теории. В дальнейшем мы рассмотрим проблему критериев кризиса, как она была представлена у Л. С. Выготского, а позже так, как она прочитывается сегодня. Но прежде чем перейти к этому, укажем еще две проблемы, имманентно связанные с темами понимания причинности и кризиса в психологии.

Это, во-первых, проблема, получившая название «постулата непосредственности», которая наиболее четко прописана Д. Н. Узнадзе (1886–1950) [Узнадзе, 1966]. Во-вторых, это проблема выделения специфики высших психических функций. В общей постановке проблемы кризиса

они прозвучали также как необходимость разработки *косвенного* метода[1] изучения психики человека.

Первыми признаками разграничения двух психологий, занимающихся высшими и низшими функциями, стали выделение Вундтом «психологии народов» (в противопоставлении исторической психологии и той, которая связывалась с развитием экспериментальной интроспекции) и «психологии духа» Шпрангером (в противовес физиологической психологии). В работе 1940 г. «Философские корни экспериментальной психологии» С. Л. Рубинштейн связывает истоки кризиса именно с Вундтом, поставившим на рельсы экспериментального изучения элементарные психофизические функции, что проявило основную проблему картезианской и локковской концепций сознания: невозможность включения исторического или генетического аспектов в научное познание. Эти аспекты Рубинштейн связал с проблемой сознания в его отношении к деятельности, дав свое понимание преодоления постулата непосредственности (но не с позиций культурно-исторического подхода).

В работе грузинского психолога и философа Узнадзе, автора концепции установки, постулат непосредственности рассмотрен как одна из догматических предпосылок традиционной психологии (традиционной в его понимании — значит от ассоцианистской до персоналистической). Его принятие означало, что полагание непосредственной связи между причинами и следствиями в физическом мире при развитии психологической науки было переосмыслено как непосредственность связи между психическими явлениями. Сначала это была связь ассоциаций, затем в гештальпсихологии связь сложных переживаний (объединений, гештальтов) с содержанием парциальных процессов, в теории В. Штерна — это связь психических процессов, регулируемых персоной.

Как в рамках решения проблемы психофизического параллелизма, так и в рамках решения поставленной Декартом проблемы с позиции взаимодействия (между явлениями психическими и физическими) оставался неизменным принцип непосредственного характера связи — принцип «замкнутой каузальности». Далее мы покажем, как были намечены пути преодоления двучленной парадигмы в концепции деятельности А. Н. Леонтьева и в теории С. Л. Рубинштейна. Но сначала резюмируем основные признаки кризиса.

[1] Проблема понимания нормы и патологии — следующий аспект проявления (и преодоления) кризиса, который мы в данном пособии не затрагиваем, но который был очень важен для методологии Л. С. Выготского.

6.1.2. Основные признаки кризиса

Следующие характеристики выступают определяющими состояние кризиса в современной психологии: отсутствие общепсихологической теории, продолжающиеся попытки определения предмета психологии, а также проблема адекватного метода исследования. Ряд других, часть из которых будет названа, следует рассматривать скорее как следствия, а не причины кризиса.

Согласно основополагающей идее работы Выготского [Выготский, 1982а], основной смысл кризиса заключался в существовании двух взаимоисключающих наук о психическом — материалистической (естественно-научной) и спиритуалистической. Причем, по Выготскому, интересам практики служит именно первая. Соглашение между этими двумя путями невозможно. И любое направление, претендующее на третью позицию (здесь Выготским проанализированы гештальтпсихология и персонализм В. Штерна), на самом деле реализуется в русле *материалистической* или *идеалистической* направленности методологии (последнюю он называет также метафизической).

Несовпадение научного познания и непосредственного восприятия — другой аспект кризиса. Идеалистическая психология пытается изучать сознание ***прямыми*** методами; такая эмпирическая психология насквозь субъективна и в этом смысле метафизична. Рефлексология и бихевиоризм, изучавшие поведение без психики, хотя и следовали объективному методу, но допускали противоположную ошибку, теряя доступ к высшим формам психики. Гештальтпсихология, теряя специфическое содержание психического (законы гештальта общи и для живой, и для неживой природы), также не может претендовать на роль общепсихологической концепции.

Основанием разделения именно двух психологий (а не их множества) служит, по Выготскому, также различие между двумя основными методами (табл. 2).

Разделявшиеся Выготским взгляды, что сущностное познание основывается на интуиции, а аналитическое — на индукции, были потом переосмыслены применительно к научному методу как в исследованиях Поппера (об обобщении на основе гипотетико-дедуктивного метода), так и Левина. В годы написания соответствующей работы Выготским этих работ Левина и Поппера еще не было (они вышли в 1931 г. и 1934 г.). Но критическое прочтение этого фрагмента не оставляет сомнения в основной схваченной линии демаркации в отношении различения научного и ненаучного методов.

Таблица 2. Различия методов двух психологий (как основания деления психологии на научную и метафизическую в терминологии Выготского)

Аналитический метод	Феноменологический метод
Направлен на познание реальности	Не предполагает бытия той сущности, на которую направлен
Изучает факты и приводит к достоверному знанию	Добывает истины аподиктические, абсолютно достоверные и общеобязательные
Случай опытного познания, т. е. фактического по Юму	Основывается на априоризме (не является видом опыта)
Опираясь на обобщения и новые единичные факты, приводит к новым фактическим обобщениям, имеющим ограничения и исключения	Приводит к познанию не общего, но идеи — сущности (вневременной, внереальной, умопостигаемой)

Аналитическая основа естественно-научного познания и его направленность на получение достоверного знания о реальности стали для автора работы аргументами принятия позиции перестройки психологии в сторону соответствующей сциентистской направленности. Как покажут представленные в главе 8 материалы дискуссии 1993 г., это сейчас рассматривается с точки зрения несоответствия заявленной программы и реализованной в культурно-исторической концепции ее основной идее опосредствования. Но важно учитывать, что именно резкое неприятие всякого рода мистицизма, а не противопоставление естественно-научной и гуманитарной парадигмы (не существовавших тогда в качестве методологических концептов) связывалось Выготским с научным познанием в психологии. В рамках культурно-исторической школы оно реализовалось как одновременно исторический и генетический подходы к пониманию социокультурной обусловленности высших психических функций и психики человека в целом. Ненаучные подходы — как иррациональные — связаны не с выделяемым предметом (высшие, специфически человеческие проявления психики), а с апелляцией к принципиально иному пути познания, предполагающему непосредственную данность психологического знания (познающему сознанию) либо проникновению в сущностные — как недоступные опытному пути и лишь умопостигаемые — идеи.

В сегодняшней психологии выделение в качестве психических феноменов таких, которыми можно только проникаться, но никак не изучать их, вновь возвращает проблематику метафизической психологии, только теперь уже как «практической», но, главное, по-прежнему иррациональной. И с разного рода иррациональными течениями предлага-

ют интегрироваться научной психологии (см. материалы Ярославского семинара [2003]). В. П. Зинченко и А. В. Юревич видят в таких явлениях, как вторжение иррационализма в научное познание и всякого рода «ведьмачество» вокруг психологии (речь идет о заведомо спиритуалистических подходах), характеристику современного состояния психологической науки как «кризиса». Другой вопрос заключается в том, что современное понимание высшего как духовного становится предпосылкой возрождения *философии психологии* (в ином статусе, чем метафизика, о которой писал Выготский).

Общепсихологическая методология, как мы покажем далее, была реализована в отечественной психологии, хотя и не в единственном варианте. Но культурно-историческая психология не стала ведущей, хотя и рассматривается исторически и содержательно как предпосылка завоевавшего потом основные методологические позиции деятельностного подхода (в варианте культурно-деятельностного подхода, или школы Выготского — Леонтьева — Лурии). В этом пособии нет возможности остановиться на социальных предпосылках соответствующих поворотов в отечественной психологии.

Связь социальной ситуации с собственной логикой развития психологии рассматривается Т. Марцинковской [Марцинковская, 2004] как породившая сегодня обратную ситуацию — необходимости модификации естественно-научной психологии с поиском нового объективного метода изучения психики, предполагающей перестройку самой классической науки. Методология, которая поможет переосмыслить принцип активности (при доминировавшем принципе отражения), связать воедино поиски теоретических и практических усилий психологов, а главное — признать равнозначность для фундаментальной науки областей, выделявшихся традиционно как непосредственные (низшие) и опосредствованные (высшие) психологические явления, должна реализовываться на пути междисциплинарных исследований.

Р. Стернберг и Е. Григоренко [*Sternberg, Grigorenko*, 2001] констатировали кризис в современной психологии, выделив следующие его характеристики: сужение поля эмпирических исследований как следствие узости любого метода; изоляция подходов, использующих размытый язык, когда под одними и теми же терминами мыслят разные реалии; невозможность объединения разнородных психологических знаний в единую целостную систему. Ими был использован следующий пример: тактильное восприятие слепым разных частей такого животного, как слон, приводит к тому, что часть воспринимается как целое. Согласно предложенной авторами метафоре, современная пси-

хология в силу дробления своих исследовательских усилий воспроизводит что угодно, только не то целое, что соответствует понятию психологии (как невидимого слона).

Дезадаптивная направленность усилий различных школ заключается в том, что они дублируют усилия и не стремятся к их объединению. Не может привести к интеграции и упование на один метод. Авторы отмечают, что ни один метод в психологии не разрабатывался как общий и не может стать общим для решения разных проблем. Междисциплинарные исследования разных специалистов, направленные на решение одной проблемы, — вот предлагаемый ими путь движения к единой психологии.

М. Коул через 70 лет после работы Выготского писал также о двух парадигмах в психологии, которые он называет «путь науки» и «путь истории и культуры». Формирование третьего пути и на его основе единой психологии видится им в объединении двух мировоззрений, «связанных с природной и культурной составляющими системы В. Вундта, в едином научном подходе» [Коул, 1997, с. 362]. Таким образом, возможность третьего пути продолжает обсуждаться в связи с проблемой преодоления кризиса как размежевания предметов двух психологий (натуральных и культурно обусловленных процессов), но не тех двух психологий, которые имел в виду Выготский (материалистической и идеалистической).

«Дилемма «естествознание – философия» во многом определяет границы методологического самоопределения всех научных школ в психологии» [Марцинковская, 2004, с. 70]. Но на этой же странице автор говорит о том, что выбор марксизма позволил отойти от позитивистской трактовки принципов естественных наук. В какой степени марксизм является необходимой предпосылкой деятельностного подхода в психологии, мы обсудим (вслед за Лекторским) позже. Сейчас же важно подчеркнуть, что другая проблема в разведении натуральных и высших психических функций имелась в виду Выготским при постановке проблемы кризиса — отрицание не философских основ в методологии психологии вообще, а *иррациональных* подходов как основы метода (названных им метафизикой).

Другой аспект современного состояния кризиса — тот, о котором Выготский в свое время не мог писать. Это переосмысление возможностей деятельностной парадигмы как преодолевающей *непосредственный* путь познания психического. Связанная именно с методологией марксизма, деятельностная концепция повторяет во многом путь естественно-научно ориентированной психологии — ее стремятся отбросить или

заменить герменевтической психологией. Но сегодня это уже звучит как переосмысление возможностей концепции Выготского в том числе и в контексте другой, не марксистской методологии [Брунер, 2001].

Таким образом, те критерии кризиса психологии, о которых писал Л. С. Выготский, современными авторами заменяются другими их трактовками и даже другими проблемами. Выделение историко-психологического аспекта именно в этом вопросе чрезвычайно важно; он отличен от такого аспекта, как обсуждение потенциала коммуникативной методологии, которая связывается сегодня с культурно-исторической концепцией.

Легализация ориентировки на разные типы рациональности, связанные с разными метадигмами, — другое направление формирования единого пространства психологии, во внутренних противоречиях которой отражаются различные подходы как метадигмы получения знания [Юревич, 1999]. Это методологическое направление принципиально отличается от методологии, связанной с поиском единого методологического основания для единой общепсихологической теории.

Метадигмы — когнитивные системы, или мировоззренческие картины мира, опирающиеся на разные типы построения знания (западная наука, восточная наука, парапсихология, религия).

Этим же автором отстаивается позиция, согласно которой кризис психологии — это не только кризис «традиционной естественно-научности» (обратим внимание, что речь идет уже не о том кризисе психологии, который у Выготского был связан с различием методологических подходов к изучению низших и высших форм психического), но также и кризис взаимоотношений психологии с обществом. Образование двух *социодигм* — психологических сообществ, занятых преимущественно академической или практической психологией, — также является одним из проявлений этого социального аспекта современной стадии кризиса. И дело уже не в развитии когнитивных оснований науки, а в нормализации социальной составляющей пути ее развития.

Возможны противоположные оценки такой особенности проходимого психологией пути, как дифференциация, «разведение по этажам и закоулкам» ее общих (общепсихологических) проблем. Выготский писал, что «кризис не только разрушителен, но и благотворен» [Выготский, 1982а, с. 373]. В каждом отдельном направлении психология достигает определенного прогресса. Поэтому нельзя понимать кризис как стагнацию. Однако к стагнации может приводить недостаточное осознавание движущих сил кризиса, связанных с ним противоречий в построении психологического знания и путей выхода из него. Мы не будем дальше

рассматривать эти пути, поскольку это потребовало бы более полного очерчивания проблемы предмета психологии. В избранной же нами стратегии мы пытались обойти эту проблему с тем, чтобы выделить, насколько это возможно, другие аспекты методологической проблематики.

Отсутствие общепринятого предмета психологии не мешает ей развиваться в контекстах разных школ и направлений, включающих совершенно различные аспекты психологической реальности в сферу исследований. Что должно выступать общим предметом изучения в психологии — предмет продолжающихся споров. Это, в частности, дискуссии о том, что может быть вычленено в качестве той далее неразложимой единицы, в которой сфокусированы все признаки психического или тем или иным образом понятого предмета (в том числе и взаимодействие психолога с человеком, которому он помогает «осуществиться»). Это также проблема категорий как психологических конструктов, охватывающих сущностные характеристики бытия человека в мире или базовые свойства психического отражения и психической регуляции. Это также рефлексия дальнейших путей развития психологии на новых этапах становления науки, с соответствующим изменением критериев научности и представлений об основных методах психологии.

Выступивший в рамках дискуссии 1993 г. В. П. Зинченко заострил проблему кризиса психологии, предложив более сильный термин *катастрофы*. Он подчеркнул катастрофичность последствий тех переломов, которые характеризовали развитие именно отечественной психологии — идеологические заказы, партийные постановления, павловская и прочие сессии, на которых психологии вновь и вновь приходилось отстаивать свой предмет и право не называться буржуазной наукой. Он же отметил и то общее направление, в отношении которого существует несомненная преемственность в школе Выготского—Лурии—Леонтьева — идея *опосредствования*, позволяющая перейти к трехчленной схеме детерминации, преодолевающей картезианское наследие.

Отечественными психологами предпринимались определенные усилия по развитию отдельных направлений в преодолении кризиса. Так, чрезвычайно популярной стала идея Выготского о выделении таких *единиц* для общепсихологического анализа, в которых не терялась бы специфика изучаемого феномена. Развитие идеи о соотношении внешней и внутренней структуры деятельности реализовывалось в поиске таких их индикаторов, для которых психологические механизмы регуляции могли бы рассматриваться как разноуровневые и внешнее — модельное — представление процессов, например в ходе микроструктурного анализа, соответствовало не фенотипическим, а генетическим основаниям их членения [Зинченко, Смирнов, 1983]. Другим направлением непрекращающихся поисков является вопрос о предмете психологии, выдвинувшийся в постсоветский период, когда ориентировка на марксистскую методологию перестала быть единственно возможной, в качестве самостоятельной проблемы методологических дискуссий. Но и в этот и в другие периоды развития отечественной психологии идеи культурно-исторического подхода, сегодня представляющие скорее культурно-деятельностный подход, не были единственным ориентиром в построении общепсихологических теорий. В то же время за рубежом спрос на единую общепсихологическую методологию все более связывался с этим подходом теми психологами, кто искал основания перехода к изучению психических образований — социокультурно-деятельностных — на высших уровнях психологической регуляции.

Венгерские психологи Л. Гараи и М. Кечке в своей статье 1996 г. указали в качестве одного из современных признаков кризиса на попытку отказаться от естественнонаучно ориентированной психологии, триуфм которой приходился на 1970-е гг., в пользу герменевтически ориентированной. Они сочли настоящим бедствием для психологии разделение ее на две «полунауки» (при дополнении недостаточности одной из них логикой рассуждений, взятой из другой). Ни позитивизм как основа естественно-научного подхода, ни герменевтика как основа исторического познания не могут служить методологией единой психологи — для этого нужна единая теоретическая база, которая имела бы схожие объяснительные возможности для разных областей психологии. Обращение к теории Выготского обосновано именно наличием в ней единой методологической платформы, на которой психология найдет «излечение от своей шизофрении».

Так кратко можно очертить направления обсуждения кризиса в психологии сегодня. Однако вернемся к работе Выготского и ее идее: необходима единая общепсихологическая концепция. Признаками этой общепсихологической концепции должны выступить общность объяснительного принципа для высших и низших форм психики, а также разработка объективного и косвенного метода, который позволит идти к научным реконструкциям психики. Для этого необходимо полагаться как на разработку теории, так и на соответствующую новой методологии психологическую практику (в первую очередь исследовательскую, но на самом деле единую, как сегодня можно сказать, для разных социодигм).

Исторически менялось то основное — кризисное, — что предполагалось преодолевать (вместе с преодолением самого кризиса). Но такие основные проблемы, как проблема единой теории, специфика предмета

психологической науки, единиц анализа психики, метода, адекватного предмету изучения, продолжают обсуждаться. И это обсуждение становится иным — связанным с осмыслением разных парадигм (а не только разных теорий) в современной психологии. Другой поворот темы кризиса — осмысление позиции Л. С. Выготского в контексте понимания им метафизических оснований психологии на определенном историческом этапе становления психологической науки.

6.1.3. Кризисная или мультипарадигмальная наука? (Резюме)

Итак, понятие кризиса относят либо к началу XX в. (1910–1930-е гг.), когда на место единой ассоциативной психологии пришло «множество психологий» — со своими предметами и методами, со своими теориями и видами практического приложения психологических знаний, либо к ее постоянному состоянию, напоминающему хроническую болезнь и продолжающемуся по настоящее время. Именно отсутствие единой парадигмы в психологии вызывает перманентные дискуссии о том, находится ли она в кризисе или еще не доросла до стадии «нормальной» науки.

В современных отечественных методологических работах состояние психологической науки оценивается и как *допарадигмальное* (единая парадигма еще не выработана), и как *мультипарадигмальное.* Последнее предполагает принципиальную множественность психологических концепций в силу многоуровневости психического и несводимости всех психологических реалий к описанию в рамках какого-то одного объяснительного принципа. Но понятие кризиса продолжает использоваться, поскольку за ним стоит неудовлетворенность отсутствием единой общепсихологической теории. При этом трудно подытожить перечень всех возможных парадигм, сложившихся в психологии. В следующей главе мы назовем лишь некоторые из них. И практически в каждой парадигме психология осуществляла приобретения на пути уточнения тех аспектов своего предмета и метода изучения, которые не могли быть охвачены рамками другой (предыдущей или дискутирующей с ней).

Смена парадигм обычно понимается как показатель развития науки, а не ее стагнации. С этой точки зрения замена понятия кризиса в психологии на понятие множественности парадигм — не столько дань моде, сколько использование оценочного критерия, означающего в данном случае признание явно прогрессивного движения психологической науки [Смирнов С. Д., 2005].

В ставшей классической работе Л. С. Выготского предполагалось, что в качестве характеристик кризиса необходим анализ не только его негативных составляющих — как факторов, препятствующих успешному развитию психологии, — но и тех перспектив, поиск которых задается самой констатацией состояния кризиса. Парадигмальный подход, не полностью совпадающий с историко-психологическим, в некоторой степени решает задачу оценивания видимых или еще только намеченных перспектив. Их анализ позволяет выявлять те «пропущенные звенья», отсутствие которых и порождало неудовлетворенность выделенным предметом изучения или осознание ограничений в распространении общеметодологической платформы исследований, разделяемой в рамках той или иной психологической школы. Эти пропущенные звенья (как «детерминирующая тенденция» Н. Аха) направляли в определенные исторические этапы развития психологии изменения методологических поисков психологов. Из такого рода перспектив отметим следующие. Во-первых, это проблема несоответствия непосредственной данности психологического знания человеку и опосредствованного характера научного познания, «отягощенного» конструктами и концепциями. Подвергая критике *феноменологический* метод, Выготский в своей работе о кризисе в первую очередь выступал против иллюзии непосредственной данности психологического знания и иррационального пути его принятия. Другой поворот той же темы — это проблематичность «непосредственности» психического образа.

Во-вторых, это зависимость объективного знания от включения человека в процесс получения опытных данных, или конструирование психологической реальности в ходе ее изучения. Одним из поворотов этой темы выступает рефлексия тех метаподходов (как прерогативы теоретической психологии) и новых парадигм, в рамках которых психологическая теория ищет для себя эмпирический базис и которые преодолеваются на пути формулирования новых задач психологического исследования.

В-третьих, это прозвучавшая в конце XX в. идея объединения не теорий, но мыслительных усилий психологов, стоящих на разных теоретических платформах. Диалог существующих подходов с целью добраться до желанного «неслиянного единства» — это, по В. П. Зинченко [Зинченко, 1993], путь к воссозданию утраченного в советский период мыслительного пространства в отечественной психологии. Если учитывать, что со сменой парадигм изменяются и критерии того, что считать научным, а что — ненаучным, встает вопрос о том, как сравнивать теории, прописанные в рамках разных парадигм, а значит, отличающиеся и по способу выделения предмета, и по методам предметно-чувственной деятельности психолога.

Не случайно сегодня поставлен вопрос о коммуникативной функции методологии психологии [Мазилов, 2003]. На наш взгляд, здесь важны следующие поправки. Во-первых, речь должна идти не о коммуникациях методологий, а об общении между членами научного сообщества. А они выступают не только как носители определенной «профессиональной» картины мира, но и как люди рефлексирующие, а значит, способные к интеллектуальному охвату и тех «психологий», позиции которых ими не разделяются. Во-вторых, коммуникативную функцию могут выполнять те теории, развитие которых способствует интеграции психологического знания. Именно в этом ключе важно обращение зарубежных исследователей к культурно-исторической концепции.

Наконец, вспомним очень важный момент, подмеченный К. Поппером при обсуждении вопроса о том, почему не все научные гипотезы проверяются (или заслуживают проверки). Он отмечает критерий профессионализма ученого в качестве ведущего для определения того, что не включается в предмет и гипотезы исследования. Не проверяются гипотезы дилетанта, который не отягощен профессиональными схемами мышления и не имеет того неявного знания, которое «естественно-историческим» путем функционирует в системе представлений профессионала. Это неявное знание и служит сигналом того, какие вопросы задавать не следует, коль скоро ответы на них уже были получены либо еще не могут быть получены в рамках имеющихся подходов, и профессионалы таких вопросов не задают. Либо же профессионалы формулируют новые исследовательские программы и разрабатывают новые парадигмы, выходя за рамки усвоенных представлений.

Таким образом, в *профессионализм* исследователя включается критерий, который проводит демаркационную линию между теми проблемами, которые станет решать наука, и теми, которые она в принципе или пока отложит. Косвенно это представлено в известной схеме К. Хольцкампа, приводимой нами в другом учебном пособии [Корнилова, 1997]. Рефлексивность и критичность — не самые главные психологические свойства на этом пути отбора правдоподобных гипотез. Интерес — вот также не менее существенный критерий. Красота теории — еще один критерий, специально обсуждаемый М. Полани [Полани, 1985].

Частично в общеметодологическом плане мы уже затрагивали проблему правдоподобия научных гипотез в концепции критического реализма К. Поппера. За идеей *правдоподобия* стоит, с одной стороны, сциентистская установка на познаваемость мира, с другой — принятие критерия относительности истинности на пути теоретико-эмпирического познания. То есть это не установка на полное соответствие образа-знания объекту,

как то предполагала бы *корреспондирующая* теория истины, а установка на возможность приближения — посредством проверяемых гипотез (развиваемых объективно в мире идей) — к такому пониманию картины мира, в котором последовательно критично сняты все возможные заблуждения. Мы использовали бы это положение и в качестве метафоры: каждая парадигма может иметь свои заблуждения, но именно движение на общем пути (включая смену парадигм) позволяет приходить ко все более правдоподобной профессиональной картине мира.

6.2. Теоретическая психология как оппозиция общей психологии

Кроме деятельностной общепсихологической парадигмы в психологии развивались и иные представления о возможностях единения психологического знания. Одним из вариантов стало рассмотрение теоретической психологии как венца такого единения.

А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский в качестве методологической основы всей психологической науки предложили рассматривать теоретическую психологию [Петровский, Ярошевский, 2003]. Согласно их мнению, ранее — в период после констатации кризиса в психологии — на такую роль претендовала общая психология, предполагающая выделение предмета и метода исследования, принципов и основных научных понятий в психологическом знании. Названные авторы учебного пособия «Теоретическая психология» справедливо указывают на тот аспект построения современных учебников по общей психологии, который свидетельствует о реализации в них позиции функционализма, в результате чего психологические категории не отделяются от их конкретного наполнения при традиционном описании психических функций. Именно раскрытие категориального строя, задающего соотношение базовых понятий, методов, принципов и ключевых проблем в психологии, должно лежать в основе общепсихологического образования. На место соответствующей дисциплины вместо общей психологии предлагается теоретическая психология как системообразующая ось для развития разных направлений в психологии.

В рамках данного пособия нет места для обсуждения современной функции общей психологии, поскольку этого нельзя делать в краткой форме, т. е. без обращения к конкретно-научному материалу. Но следует указать на историческую относительность оценочных суждений о возможностях той или иной области психологии. Нельзя смешивать оценки современного состояния той или иной отрасли знания и ее места

в возможных или обсуждаемых «проектах» ее развития или роли на этапах целостного пути исторического становления психологии как науки.

Выделение предмета психологического изучения, являясь одним из основных аспектов методологического анализа, невозможно без общепсихологического представления соответствующих понятий и феноменов. Но фокусирование тех целей, в связи с которыми обосновывается необходимость теоретической психологии, несомненно выполняет сегодня конструктивную роль: это необходимость выделять уровни метаанализа и конкретных научных теорий.

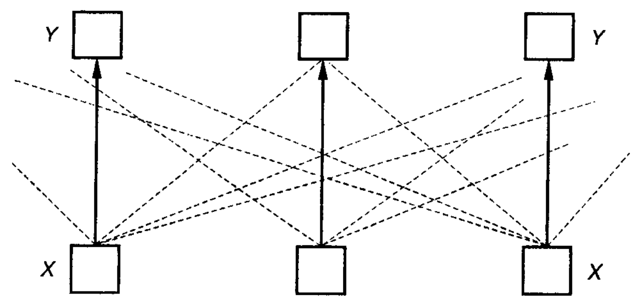
«Предметом теоретической психологии является саморефлексия психологической науки, выявляющая и исследующая ее категориальный строй (протопсихологические, базисные, метапсихологические категории), объяснительные принципы (детерминизм, системность, развитие), ключевые проблемы, возникающие на историческом пути развития психологии (психофизическая, психогностическая и др.), а также само психологическое познание как особый род деятельности» [Петровский, Ярошевский, 2003, с. 5]. Такое понимание теоретической психологии может быть синонимично названию дисциплины «Методология психологии». В дальнейшем мы покажем, как важна для установления психологических закономерностей направленность мысли исследователей, отражающая принятие тех или иных методологических принципов (как общих объяснительных схем). Сейчас только назовем ряд соответствий, устанавливаемых в теоретической психологии для базисных (слева) и метапсихологических (справа) категорий:

Образ	Сознание
Мотив	Ценность
Переживание	Чувство
Действие	Деятельность
Взаимоотношение (интеракция)	Общение (взаимодействие)
Я	Личность
Ситуация	Персоносфера

Отличие метапсихологических категорий здесь в том, что каждая из них раскрывает некоторую базисную категорию через соотнесение ее с другими. Авторы (введение конструкта *метакатегорий* обосновано В. А. Петровским) приводят рисунок, который наглядно представляет открытость ряда как базисных, так и метапсихологических категорий (рис. 3).

«Метапсихологические категории — это плеяда идей» [Петровский, Ярошевский, 2003, с. 21], над которыми выстраивается уровень экстрапсихологических категорий.

Базисные психологические категории

Рис. 3. Базисные и метапсихологические категории (по А. В. Петровскому и М. Г. Ярошевскому)

Базисные (ядерные) категории связаны с метапсихологическими жирными вертикальными линиями, а оформляющие — тонкими наклонными.

«Клеточки» категориальной системы психологии задаются системными связями, исходящими из клеточек нижележащего уровня. И их «проработанность» прямо отражает, с точки зрения авторов схемы, возможность прочтения значимости каждой конкретной теории: что есть она для психологии в целом и что есть психология как целое для нее.

Что не охватывается схемой — так это сами способы рефлексии и методологического анализа, т. е. та вторая существенная составляющая мыслительной деятельности — процессуальная составляющая, в способах осуществления которой и реализуется та или иная методология (не только та или иная психология). Для отечественной науки это стоит специально подчеркнуть, поскольку здесь иногда прослеживались цели монополизации методологии. Например, это утверждение в качестве единственно верной методологии (и даже Методологии с большой буквы, как называли свои занятия члены Московского методологического кружка) одного из способов занятия ею — как построения единой теоретической психологии или одной из практик воспроизводства методологической мысли.

6.3. Классификация общепсихологических теорий на основе закрытой типологии

Поиски единства психологии на основе общей теории продолжаются и сейчас, причем именно в апелляции к построению новой методологии на пути движения в ином направлении — от практики к теории.

За общепсихологическим знанием остается при этом конструирование сравнительно закрытых систем, охватывающих основные линии развития уже известных общепсихологических теорий. К сожалению, в методологической литературе даже в работах одного и того же автора остаются достаточно разделенными проблемы освоения того багажа психологических теорий, которым уже владеет психология, и анализа тех перспектив, по отношению к которым рассматриваются новые возможности теоретизирования.

В качестве такой схемы, классифицирующей основные отечественные общепсихологические теории на основе выделения «единиц» человеческой жизни, приведем схему Ф. Василюка (табл. 3).

Таблица 3. Типология психологических «единиц» человеческой жизни [Василюк, 2003, с.166]

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ		ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА	
		Человек (как динамическая структура)	Жизнь (как актуальный процесс)
МИР	Предметный мир	1. УСТАНОВКА	2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
	Мир людей	3. ОТНОШЕНИЕ	4. ОБЩЕНИЕ

Им выделяются четыре основные категории, каждая из которых может полагаться в качестве основной в тех или иных психологических теориях: установка, деятельность, отношение и общение. *Установка* как единица структуры целостного субъекта лежала в основе теории Д. Н. Узнадзе, *отношение* как единица структуры личности — в основе теории В. Н. Мясищева; обе категории «фиксировали нечто потенциальное («динамическое»), что может реализовываться в процессах жизнедеятельности, а понятие деятельности — нечто актуальное, сам процесс такой реализации» [Василюк, 2003, с. 165]. *Деятельность* и *общение* — две другие категории, завершающие заполнение схемы. Относительно разных путей использования категории деятельности в общепсихологических теориях уже говорилось в этом пособии (применительно к подходам А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна). Задача построения общепсихологической теории общения, которая подчеркивается автором схемы, также может решаться на очень разных путях, когда общение выступает и предметом изучения (А. А. Леонтьев), и новым методологическим принципом психологии (Б. Ф. Ломов).

Итак, основное методологическое возражение к приведенной схеме — ее закрытость, представленность уже ставшего, конечного перечня возможных базовых категорий, которые могут быть положены в основу общепсихологической теории. Схема не предполагает прогноза новых поворотов мысли как на уровне методологии, так и на уровне теоретического движения психологии. Напомним, что К. Поппер в своей книге «Открытое общество и его враги» рассмотрел именно запрет на возникновение новых идей в качестве основного критерия «закрытого общества». Исключить вариативность путей построения психологических теорий, ориентирующихся на использование той или иной базовой категории, — это значит следовать запрету на новые пути развития мысли, что, как мы надеемся, автор не предлагает, но что логически следует из принятия задаваемых схемой ориентиров в построении общепсихологического знания.

6.4. Методологический плюрализм в психологии

В заключение первой главы мы уже говорили об отсутствии четких критериев выбора адекватных методологических средств, способных обеспечить методологическую помощь, когда возникает острая необходимость в ней при решении той или иной конкретно-научной задачи. При этом речь идет о методологическом знании любого уровня из четырех, перечисленных в 1 главе, — будь то выбор методики, психологической теории, общенаучного или философского подхода. В этом случае приходится ставить «методологический эксперимент», результаты которого постфактум подтвердят или опровергнут наши ожидания (методологические упования). Тем более не обоснованы надежды на построение некоторой универсальной и единой методологической теории, адекватной для использования в психологическом исследовании любого уровня.

Ситуация множественности методологических подходов и, соответственно, средств методологического анализа, которые одновременно являются и истинными (если это понятие вообще применимо к методологическому знанию), адекватными, и ложными (неадекватными) в зависимости от множества привходящих условий, провоцирует самые разные установки исследователей и практиков относительно роли методологического знания и целесообразности его использования в конкретном исследовании, а также разные «методологические эмоции».

Часть психологического сообщества (особенно значительная среди практикующих психологов) полагает, что всякая методологическая рефлексия уводит от сути дела в дурную бесконечность бесплодного философствования и вербализма — позиция, перекликающаяся с установками позитивизма.

Прямо противоположную позицию можно обозначить как «методологический ригоризм» или «методологический монизм». Его сторонники считают, что должна существовать единственная «подлинно научная» методология, строгое следование которой является критерием научности. Призыв к построению такой методологии часто можно услышать из уст «ностальгирующих» по временам, когда такую функцию почти директивно исполняла марксистско-ленинская методология науки. Однако современные концепции природы и сущности научного знания оставляют все меньше надежд на то, что построение такой методологии в принципе возможно.

Другие считают, что выбор методологической позиции произволен, и его можно делать исходя из своих субъективных вкусов и предпочтений. Такую позицию можно было бы назвать «методологическим анархизмом», но этот термин уже используется в несколько ином значении [Юревич, 2001]. Роль методологии сторонниками этой позиции также оценивается достаточно низко.

Сторонники «методологического либерализма» полагают, что разные типы психологического объяснения релевантны разным уровням детерминации психического, при этом каждый уровень или слой обладает самостоятельной значимостью и принципиально незаменим ни одним другим. При этом в качестве основного поля приложения сил методологии предлагается рассматривать переходы между разными уровнями, а наиболее перспективным каркасом для построения связной системы психологического знания «представляются комплексные, межуровневые объяснения, в которых нашлось бы место и для смысла жизни, и для нейронов, и для социума...» [Юревич, 2001, с. 17].

Наконец, сторонники «методологического плюрализма» полагают, что в принципе нельзя рассчитывать на создание единой психологической теории за счет связывания принципиально различных предметов анализа за счет «комплексных межуровневых переходов». Такой позиции придерживаются и авторы данного учебника. Поскольку каждая теория конституирует свой предмет и метод исследования, построение единой теории психического предполагало бы создание универсального метода исследования психической реальности. При такой постановке вопроса перспективы появления такой теории даже в отдаленной перспективе представляются нереальными.

Методологический плюрализм — система взглядов, согласно которой адекватность тех или иных методологических средств психологического анализа (включая и собственно психологические теории на уровне конкретно-научной методологии) может быть выявлена только в ходе «методологического эксперимента», и не может существовать теория даже самого высокого уровня, которая бы априори была пригодной для преодоления вновь возникающей познавательной трудности.

Именно на такую роль претендовала бы «единая теория психического». Понятие методологического плюрализма практически синонимично понятию «полипарадигмальности» психологии, по крайней мере на современной стадии ее развития. Но прежде чем перейти к представлению множественности парадигмальных подходов в психологии, обсудим еще одну позицию, которая предполагает невозможность выделения парадигм как исследовательских логик безотносительно к содержанию теорий.

6.5. Методология без общепсихологической теории и в контексте логики науки

Справедливости ради следует указать, что именно Г. П. Щедровицкий (1929–1994), ставший лидером нового типа занятий методологией, впервые сформулировал взгляд на академическую психологию как исчерпавшую свои объяснительные возможности и обосновал необходимость рассматривать широко понятую практику как основание новой психологии, которая будет противостоять сциентистски ориентированной академической психологии [Щедровицкий, 1997].

В пятидесятые годы началась работа Московского логического кружка, в котором первоначально идеи методологии как особой области знания обсуждались Щедровицким в содружестве с А. А. Зиновьевым, Б. А. Грушиным и чуть позже — М. К. Мамардашвили. В последующем оформилась деятельность Московского методологического кружка (ММК), где Щедровицкий стал лидером нового типа сообщества — единомышленников по культивируемому способу занятий методологией науки.

Начав с эпистемологии и раскрытия образцов научного мышления (от Аристотеля и Декарта до Маркса), этот методологический семинар сформулировал принципы воспроизводства мыследеятельности, которые практически были реализованы в распространении системо-деятельностных игр. Мы не будем касаться далее работ этого автора потому, что разработка общей теории деятельности не была ориентирована здесь на запросы развития собственно психологической теории. Разра-

ботка методологических средств мыслилась здесь в ориентировке на междисциплинарные исследования. Регулирование процесса интеллектуальной междисциплинарной коммуникации «в основном лежало на плечах Г. П.» [Журнал практического психолога, 2004, с. 20]. Реализация системного подхода фокусировалась здесь на средствах методологической организации мышления и деятельности самих методологов либо его приложения в практических сферах, но не применительно к построению общепсихологической концепции.

Однако существовала и другая позиция в отношении к тому, возможна ли методология как общая логика науки безотносительно к теоретическому и понятийному аппарату отдельной научной дисциплины. Она представлена в работах А. А. Зиновьева. Его высылка из страны прервала возможный диапазон влияния его идей. Но одна из них и сегодня актуальна и дискуссионна в психологии. В параграфе «Методология частных наук» в книге «Логика науки» (1971) он обосновал позицию, согласно которой методология конкретной науки — это ее часть, а не выстроенная рядом система методологических ориентиров для построения теории. Специальные занятия методологией, по Зиновьеву, — это скорее критерий неблагополучия науки (ее кризиса). Другое дело, что эта часть науки имеет ряд особенностей, неотделимых от особенностей ее понятийного аппарата и связанной с ним логики умозаключений.

Логику науки обсуждать можно (как и основания формальной логики и любых логик). Но если речь идет об общедоступной логике, то она тривиальна и бесполезна (имеется в виду, что она реализуется в виде логической компетентности всеми профессионалами). Если же она не тривиальна, то, значит, требует специальных усилий и будет доступна только узкому кругу профессионалов. Таким образом, специальное занятие логикой — не с точки зрения повышения логической компетентности, а как методологией своей науки, — не может быть массовым, и не с ним связано развитие конкретной области знаний. Решение методологических проблем любой науки есть исследование в области именно этой науки. Но это не *локализованная* область наряду с другими исследованиями, а разбросанная по другим исследованиям проблематика. И далее Зиновьев приводит суждение, которое для психологии, а точнее для темы путей выхода из кризиса, может звучать кощунственно, поскольку он говорит о парциальной роли методологии, а не о ее системообразующей роли в построении теории.

«Методология конкретной науки нужна (если она вообще нужна) для решения не обязательно всех проблем этой науки, а лишь для

некоторых, может быть даже для решения одной-единственной проблемы. И ничего унизительного для нее в этом нет. Иногда целая наука может работать сотни лет, чтобы решить одну-единственную задачу, и этим существование ее будет оправдано, если эта задача стоит того.

По содержанию специальная методология той или иной науки есть совокупность исследований, включающая обработку языка этой науки (ее терминологии и утверждений), исследование, усовершенствование и изобретение ее теорий, выявление и исследование ее эвристических допущений... и т. д. — т. е. вся та работа, которую выполняют так называемые теоретики данной науки (а не логики и методологи вообще)» [Зиновьев, 1971, с. 260]. Таким образом, целью занятия методологией является не конструирование особой систематической методологии (с этой точки зрения в психологии невозможна профессионализация «методолог»), а *осознание наукой своих парадигм* — в том числе и тех допущений, которые приняты отнюдь не логично (или логично предложить прямо противоположное; логика допускает и то и другое, поскольку не вмешивается в содержание теории). С этой точки зрения утверждение, что каждый психолог сам себе методолог, имеет больше оснований для своего существования, чем положение о том, что психолог должен воплощать в своем исследовании кем-то другим (Методологом с большой буквы) выстроенный аппарат научных понятий. Другое дело, что психолог не должен грешить против логики, проявляя логическую некомпетентность (редукционизм в построении теоретической системы, артефактные выводы и пр.)[1].

И наконец, осознание допущений в рамках конкретной науки — это также и осознание метода соотнесения теории и опытных данных. Для психологии в свое время такой судьбоносной проблемой стало осознание возможностей и ограничений метода интроспекции, позже — построение критериев объективного метода в психологии. Сегодня в психологии осознается проблема освоенности и ограничений экспериментального метода.

[1] Наивно полагать, что логическая компетентность так же освоена психологами, как и представителями других наук. Об этом свидетельствует необходимость написания в учебниках специальных разделов о наиболее встречаемых в психологических исследованиях ошибках умозаключений в выводах.

Глава 7. Теория деятельности как методологический подход в психологии

7.1. Деятельностное опосредствование

Одним из направлений преодоления кризиса в психологии, реализовавшим идеи преодоления постулата непосредственности, разработки материалистической платформы в психологии и обоснования своего пути построения объективного психологического знания, стала теория деятельности. Не случайно сегодня говорят о культурно-деятельностной парадигме в психологии, учитывая единство мировоззрения школ Л. С. Выготского, А. Р. Лурии и А. Н. Леонтьева [Асмолов, 2002].

В отечественной психологии, сознательно ориентирующейся на марксистскую методологию, теория деятельности стала не одним из принципов, а общепсихологической парадигмой после того, как А. Н. Леонтьевым было обосновано распространение категории предметной деятельности на внутренние процессы — процессы сознания. Он сформулировал цель: ввести сознание не в качестве постулата или условия, а как проблему психологии, как «предмет конкретного научного психологического исследования». Проблема единиц анализа психики могла теперь рассматриваться не в «картезианско-локковском» противопоставлении внешнего и внутреннего, а в контексте их единства — как единства структур внешней и психической деятельности — и преобразования самой дихотомии: «...с одной стороны — предметной реальности и ее идеализированных, превращенных форм (*verwandelte Formen*), с другой стороны — деятельности субъекта, включающей в себя как внешние, так и внутренние процессы. А это означает, что рассечение деятельности на две части или стороны, якобы принадлежащие к двум совершенно разным сферам, устраняется» [Леонтьев А. Н., 1975, с. 98].

Таким образом, вместо двух психологий, занимавшихся низшими и высшими формами психического, в теории деятельности возникло их единство, связанное с идеей опосредствования психики общественно

историческим опытом. Идея Выготского об использовании психологических орудий как пути культурного развития психических процессов была дополнена новой — о деятельностном опосредствовании становления психического образа и сознания, о единстве структурного оформления предметной и психической деятельности. Не менее важным аспектом, позволяющим говорить о теории деятельности как общепсихологической парадигме, стало то, что уровневый анализ деятельностных структур начал направлять конкретные общепсихологические исследования — восприятия, памяти, мышления, эмоционально-мотивационных процессов, воли. Это было реализовано в школе, которую стали называть школой Леонтьева. Не следует забывать, что преемственность этих школ была исторически скрыта в силу наступившего периода (с 30-х до начала 60-х гг. XX в.) невозможности публикаций трудов Выготского из-за социальной ситуации в стране, а также действительной направленности усилий на разработку другой составляющей идеи опосредствования — деятельности.

Философско-методологический анализ соотношения деятельности и психики, деятельности и сознания, действия и образа на разных этапах их развития неизбежно поднимает вопрос о тех исходных и всеобщих началах, из которых вырастают эти полюса противоречивого целого. Такими началами в рамках диалектико-материалистической традиции, общей для всей отечественной психологии советского периода, признавались взаимодействие, отражение и активность как атрибуты любого материального объекта. Предполагалось, что усложнение и развитие материальных объектов под влиянием внутренних и внешних детерминант приводило к появлению на высших уровнях деятельности и сознания. Рассмотрим эти категории.

7.2. Соотношение понятий «взаимодействие», «отражение», «активность», «деятельность»

7.2.1. Категории «взаимодействие» и «отражение»

Если категория взаимосвязи подчеркивает момент устойчивости вступающих во взаимодействие объектов или явлений, то категория взаимодействия акцентирует момент изменчивости; можно сказать, что **взаимодействие** есть всеобщая форма взаимосвязи явлений действительности, выражающаяся в их взаимном изменении или «в обмене изменениями» [Смирнов С. Н., 1974, с. 27]. Необходимой предпосылкой любого взаимодействия является некоторая общность тел; каж-

дая из форм общности обеспечивает некоторый канал взаимодействия или канал связи. Благодаря такому каналу возникает некоторая новая целостность, новая система, которая может быть либо весьма кратковременной (случайное механическое столкновение твердых тел), либо весьма устойчивой (органические системы). При этом «в канале связи взаимодействующие системы неизменно отождествляются, тогда как «на полюсах» вновь образованной единой системы остается та область свойств и параметров исходных взаимодействующих систем, которые сохраняют их качественную специфику. Практически все авторы согласны, что отражение есть особая (внутренняя) сторона, особый результат взаимодействия. Однако в рамках этого общего направления выделяются следующие частные подходы [Смирнов С. Н., 1974].

Первый. Отражение — объективно существующая и необходимо присутствующая сторона любого взаимодействия материальных тел, включая и такое, где не имеет места сохранение и дальнейшее использование следа воздействующего объекта — последний просто вносит в отражающий объект некоторое изменение, воспроизводящее тем или иным образом природу отражаемого объекта.

Второй. Отражение как отображение — это тождество двух объектов, возникающее в результате их взаимодействия. Из всего содержания взаимодействия в отражение входит лишь то, что соответствует в отражающем объекте отражаемому.

Третий. Отражение — такая сторона взаимодействия, которая связана с выделением из суммарного результата взаимодействия отражающего и отражаемого объектов особенностей оригинала (отражаемого объекта) и с соотнесением этих особенностей с самим оригиналом, так сказать, с проекцией этих особенностей на оригинал. По-видимому, это возможно только для живых организмов.

Четвертый. Отражение — такой момент взаимодействия, который играет активную роль в развитии материального мира. «Мера активности прямо пропорциональна отражательной способности вещей» [Давыдова, 1976]. Так понимаемое активное отражение, проявляющееся в различных формах, имеет свою специфику на разных уровнях и составляет основу развития и усложнения материального мира.

Противоречия между указанными подходами можно разрешить и соединить различные аспекты в понимании отражения, если определять его не как атрибут материи, производный от другого атрибута — взаимодействия, а как самостоятельный аспект движения материи, дополняющий взаимодействие, проявляющийся во взаимодействии

и, в свою очередь, влияющий на ход взаимодействия и его результаты. Но какова природа этой особой способности к отражению, почему она в разной степени присуща разным объектам и по каким законам она развивается? «Источником этой внутренней способности отражения является единство внутренней природы данного материального образования и внешних условий его существования... При этом внутреннее... определяет то внешнее, которое способно быть условием его проявления и существования. Во внутренне присущей данному образованию системе движений в свернутом, снятом виде содержится все то внешнее, что адекватно, тождественно внутреннему. Поэтому в природе данного материального образования, в свойственной ему конечной системе движения содержится определенный фрагмент внешней природы... то, что может быть воспроизведено, отражено данным образованием при соответствующих условиях (этими условиями в той или иной форме, непосредственно или опосредовано как раз и выступают взаимодействия данного образования с объектами внешнего мира)» [Смирнов С. Н., 1974, с. 34]. Из сказанного следует, что возможность отражения любого внешнего объекта, способность отразить его «предсуществует» акту непосредственного взаимодействия с отражаемым объектом. Способность к отражению, или «потенциальное отражение», является результатом самоизменения, самодвижения отражающего объекта, а также результатом его прошлого взаимодействия с другими объектами. «При взаимодействии отражающего субъекта с объектами внешнего мира не просто порождаются различные процессы отражения, а внутренне присущая субъекту... способность отражать другие объекты различным образом проявляется в зависимости от характера взаимодействия данного субъекта с внешним миром» [Там же, с. 35].

Но любое взаимодействие, начавшись, модифицирует исходные отражательные возможности субъекта за счет текущего процесса отражения, так что взаимодействие и отражение постоянно переходят друг в друга. Отражение возникает, таким образом, не в результате простого воздействия отражаемого объекта на отражающий, но необходимо предполагает встречный процесс, объективное выражение вовне собственной природы объекта. Внутренняя природа отражающего объекта очерчивает границы того, что вообще может быть отражено им: он способен воспроизвести лишь те черты отражаемого объекта, «которые адекватны, так или иначе соответствуют самой объективной природе субъекта, тем или иным образом объективно связаны с его собственной природой. ...Причем именно через отражение своих воз-

можностей в действительных чертах объектов внешнего мира то или иное материальное образование в ходе своего развития превращает свои возможности в действительность» [Смирнов С. Н., 1974, с. 60].

Если перевести излагаемую здесь точку зрения на язык популярной в психологии дихотомии: внешние причины, преломляясь через внутренние условия, изменяют тем самым внутреннее [Рубинштейн, 1957, с. 10] или внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет [Леонтьев, 1975, с. 181], то она ближе к формуле А. Н. Леонтьева. Это не значит, что причины отражения лежат внутри отражающего субъекта, но они не могут лежать и вне его. Здесь целесообразно воспользоваться различением причины образа и его источника, предложенным А. М. Коршуновым [Коршунов, 1982]. Источником образа выступает объект отражения, именно ему адекватно и его воспроизводит содержание отражения, но причиной формирования образа, способом его формирования является взаимодействие субъекта и объекта, в ходе которого природа того и другого воспроизводится одновременно и в одной и той же мере.

Представления о конструктивной роли внутренних процессов в отражающем субъекте в качестве необходимого звена любого акта отражения (даже на уровне неживой материи) противостоит механистическим представлениям об отражении как результате одностороннего воздействия объекта на субъект и закладывает общеметодологическое основание для понимания активной природы высших форм отражения. В полной мере значение этих положений раскроется при рассмотрении понятия активности на разных уровнях развития материи.

Из сказанного выше о роли внутренних изменений отражающего объекта в ходе отражения и после его завершения следует, что продукт отражения находится как бы на перекрестке двух типов процессов, двух причинных рядов. Во-первых, это внутренняя самообусловленность объекта, его самодвижение, самоизменение и, во-вторых, обусловленность воздействиями извне. Отражение является формой разрешения противоречия между этими двумя типами обусловленности за счет перевода факторов внешнего воздействия вовнутрь, внедрения их в саму природу объекта. При этом вклад внешних воздействий может быть охарактеризован в качестве пассивной, страдательной составляющей отражения, а вклад внутренних факторов выражает его активное начало. Напомним, что «объективно всякий процесс отражения может быть лишь процессом выражения, объективирования (посредством взаимодействия с объектами внешнего мира) всего спектра собственной природы субъекта» [Смирнов С. Н., 1974, с. 63].

Уже на уровне самого общего и поэтому содержательно бедного понимания отражения раскрываются особенности и противоречия различных подходов, которые становятся более явными при анализе высших форм отражения — психики и сознания. Один подход связан с подчеркиванием пассивного начала в отражении в качестве его определяющей характеристики, поскольку оно всегда вторично по отношению к отражаемому (тому, что действует извне). Безусловно, момент пассивности в отражении имеет место, и без нее отражение было бы невозможно. Но является ли он главным, определяющим тип, уровень и природу отражательного процесса? Противоположный этому подход делает акцент на внутренних процессах, полагая, что некоторое тело сможет запечатлеть тем более разнообразные внешние воздействия, чем более богатой и дифференцированной структурой, базирующейся на внутренней обусловленности, оно будет обладать. Поэтому определяющими возможность и качества процесса отражения являются именно внутренние процессы.

Таким образом, рост пластичности системы, ее чувствительности к внешним воздействиям и способности зафиксировать их в изменениях своей внутренней структуры неизбежно предполагает рост активности, т. е. ее самообусловленности, самоопределяемости. При подходе, подчеркивающем только пассивное, страдательное начало, принципиально исключается всякая возможность выявить роль отражения в процессе взаимодействия, ибо, абсолютизируя момент запечатления внешнего в отражающем, этот подход превращает отражение в пассивный отпечаток, чуждый последующему процессу, не способный включиться в него.

Именно с такой проблемой сталкиваются исследователи, которые приписывают активное начало только человеческой деятельности, а отражению отводят функцию копирования действительности. Вопрос о том, как копия сможет включиться в «активную деятельность», остается при этом без ответа. С нашей точки зрения, именно такое уплощенное и обедненное понимание отражения является причиной раздающихся в последние годы призывов отказаться от использования отражения в качестве одной из фундаментальных категорий психологии, поскольку оно не оставляет якобы места для активности человеческой психики. Дело не в ущербности понятия, а в ущербности его содержательного наполнения. Чтобы избежать этого, необходимо уже при задании понятия «отражения» как всеобщего свойства материи найти в нем «зародышевые» формы активного начала, из которых вырастают в дальнейшем высшие формы отражения — психика и созна-

ние. В противном случае не решенные на низших уровнях проблемы «перекочуют» на более высокие уровни анализа.

Зависимость процесса отражения как от активности объекта отражения, так и отражающего объекта (субъекта) определяет его системный характер. «Отражающий объект воспроизводит своими особенностями не непосредственно особенности отражаемого объекта, а модифицирует, воссоздает то "всеобщее", которое присуще системе как целому» [Шингаров, 1974]. Положение о системном характере отражения относится не только к процессу отражения, но и к его продукту. Ведь накопленные на полюсах взаимодействующей системы изменения, новые свойства, с которыми объекты выходят из процесса взаимодействия, не являются принадлежностью каждого из этих объектов по отдельности. Они могут быть обнаружены, вызваны к существованию лишь при новом взаимодействии с тем же или с другим объектом, имеющим нечто общее с ним, т. е. способным обеспечить необходимый «канал связи».

Представление об отражении как о системном свойстве, выражающем связь между отражающим и отражаемым объектами, и дифференциация различных значений понятия «отражение» позволяют провести более последовательное разведение понятий «отражение» и «взаимодействие» даже на уровне неживых естественных объектов. Основное различие между этими понятиями, из которого следуют все другие, заключается в том, что если взаимодействие предполагает взаимное изменение объектов (обмен изменениями), то отражение, наоборот, предполагает проявление и фиксацию в ходе взаимодействия тех внутренних присущих каждому из взаимодействующих объектов свойств, которые являются условиями объединения этих объектов в некоторую систему, и именно такую систему, в которой взаимодействие объектов реализует момент их общности, обеспечивает относительную стабильность системы, служит скрепляющим ее началом. Отсюда однозначно вытекает неправомерность понимания отражения как самого факта сходства, подобия или даже воспроизведения внутренними структурами, состояниями объекта некоторых явлений или аспектов действительности. Это не что иное, как предпосылка отражения или «потенциальное отражение», как мы назвали его выше. Оно может изменяться и развиваться не только за счет взаимодействия объекта с внешним миром, но и через саморазвитие, спонтанное изменение объекта, источники которого будут рассмотрены в п. 7.2.2.

Подлинное отражение в живой и неживой природе есть отражение необходимых условий существования данного объекта в качестве некоторой целостности, т. е. той части внешнего мира, в которой продолжает существование данный объект за пределами своего тела и которая, в свою очередь, существует в данном объекте как ином. Это положение четко сформулировано С. Л. Рубинштейном: «Отражение надо толковать не как дублирование, копирование, а как рефлектирование в другое, т. е. как явление другому. Это значит, что само отражение выражается в онтологических категориях явления бытия для другого» [Рубинштейн, 1973, с. 311]. И здесь, и на всех других уровнях объект отражает не какой-то неопределенный внешний мир вообще, а лишь тот фрагмент внешнего мира, который представляет собой иную форму его собственной природы.

Однако отражение в неживой природе существует прежде всего не в форме отображения, а именно отражения (от глагола «разить»), компенсации тех внешних влияний, которые могут нарушить существенные характеристики системы объекта. Процесс отражения в форме противодействия и его результат как бы снимают негативную копию внешнего фактора, изменяющего существенные характеристики объекта. Но если фактор случаен, то со временем за счет внутренних флуктуаций и новых внешних воздействий его негативная копия разрушается. И только становясь устойчивым и постоянным фактором среды существования данного объекта, он модифицирует внутреннюю природу объекта, и между ними возникает системная связь. Именно сам факт устойчивого существования или сосуществования некоторого объекта с другим объектом, когда они взаимно компенсируют влияния друг на друга, и есть отражение одного объекта другим, и наоборот. Правда, процесс взаимоотражения чаще всего не является симметричным, так как один объект может в гораздо большей степени зависеть от другого, но та или иная степень взаимовлияния всегда имеет место, если есть хоть какие-нибудь основания говорить об отражении.

Итак, попытаемся суммировать все сказанное с точки зрения последовательного разведения понятий «взаимодействие» и «отражение» в неживой природе (для более высоких уровней организации материи, где функция отражения и его активная роль в сохранении целостности субъекта выступает со всей очевидностью, дифференциация этих понятий осуществляется достаточно легко).

- **Отражение** как всеобщее свойство, атрибут материи заключается в способности развивать определенные внутренние состояния в ответ на внешние воздействия, природа которых имеет некоторую общность с природой отражающего объекта, а также воспроизводить этими состояниями характеристики внешнего воздействия и таким образом компенсировать его возмущающие

6*

влияния на целостность отражающего объекта, содействовать сохранению его основных, существенных особенностей.

- В отличие от отражения как всеобщего свойства материи каждый материальный объект обладает способностью отражать определенные объекты, явления, стороны реальности, совокупность которых можно назвать «потенциальным отражением». Это часть, фрагмент внешнего мира, представляющая собой иную форму собственной природы отражающего объекта, которые могут быть отражены им при определенных условиях. Специального внимания заслуживает тот факт, что «потенциальное отражение» изменяется не только за счет внешних воздействий, но и путем изменения внутренних характеристик объекта благодаря его самодвижению, саморазвитию, самоизменению.
- Процесс отражения есть прежде всего перестройка, преобразование внутренних характеристик объекта в направлении противодействия, компенсации внешних воздействий за счет воспроизведения их негативной копии.
- Продукт отражения (именно в таком смысле чаще всего употребляется термин «отражение», когда не указывается его спецификация) есть форма системной связи данного объект с его окружением, обеспечивающая ему относительно устойчивое существование в новых, отраженных условиях. Те изменения, которые произошли в объекте, сохранившем свою относительную целостность в новых условиях (взятые в отношении к этим условиям), суть их образ в отражающем объекте.

Отражение не может быть сведено к взаимодействию или его продукту в силу следующих обстоятельств.

- Потенциальное отражение, т. е. способность конкретного объекта отразить ту или иную область внешней действительности, может изменяться не только за счет внешних взаимодействий, но и за счет внутренних процессов (самодвижения, самоизменения, саморазвития).
- Любое взаимодействие объекта с внешней средой ведет к изменению потенциального отражения, но последнее может изменяться как в сторону повышения отражательной способности объекта (усложнение внутренней структуры), так и в сторону уменьшения (нарушение исходной целостности объекта (деструкция его)).
- Процесс отражения не совпадает с процессом взаимодействия в целом и не сводится к одной из двух его составляющих — воздействию на объект извне или его ответному действию. Если процесс взаимодействия есть обмен изменениями, то в отражение входят не просто изменения, вызываемые в отражающем объекте внешней причиной, но лишь те изменения в состоянии этого объекта, которые развиты им самим в направлении противодействия и компенсации внешних воздействий.

- Успешное завершение процесса отражения приводит к образованию более или менее устойчивой системы «отражающий объект — отражаемый объект» за счет уравновешенного взаимного отражения их друг в друге.
- Отражение как системное качество, играющее роль цементирующего начала, которое связывает ранее разрозненные объекты в некоторую новую целостность за счет их взаимоотражения друг другом, служит важным фактором в прогрессивной эволюции материи в направлении формирования все более сложных материальных систем.

7.2.2. Категория «активность»

Выделяя наиболее перспективные линии развития общепсихологической теории деятельности, А. Н. Леонтьев указывает на явления активности, составляющие как бы внутреннюю предпосылку самодвижения деятельности и ее самовыражения [Леонтьев А. Н., 1983, с. 245]. В качестве философской категории **активность** обычно рассматривается как всеобщее свойство, атрибут материи, выражающееся: 1) в ее способности к самодвижению; 2) в способности изменять другие объекты и 3) в способности развивать определенные внутренние состояния, актуализирующие природу объекта, под влиянием внешних воздействий (ответная активность или реактивность).

Явление самодвижения, самоизменения, которое наблюдается даже на самых низких уровнях организации материи, заключается в тенденции к выходу из состояния полной уравновешенности со средой за счет внутренних отклонений, причиной которых является в конечном счете некоторая неоднородность материи, отсутствие полной качественной тождественности даже самых элементарных ее частей. Поэтому описание явлений активности обычно ведется в терминах автономности, спонтанности, самопроизвольности, инициативности и т. п., т. е. с подчеркиванием некоторой самости объекта. Однако любое проявление активности имеет место в некотором окружении. В связи с этим сложились две традиции использования термина «активность» и соответственно два значения этого термина: 1) сторона, составляющая

любого процесса взаимодействия или действия, детерминируемая внутренней природой объекта; 2) процесс, характер которого в целом определяется прежде всего внутренней детерминацией объекта, его самообусловленностью; в этом случае говорят, что *внутренняя детерминация доминирует над внешней*.

Активность во втором смысле приписывается обычно лишь живым системам. Таким образом, нет ни абсолютно активных, ни абсолютно пассивных процессов, любой из них является результатом как внешних, так и внутренних причин. Способом разрешения противоречия между ними выступает отражение. Прогрессивное разрешение противоречия, вернее перевод его на более высокий уровень, приводящий к росту «удельного веса» внутренней обусловленности объекта, состоит не в спонтанном, по собственным законам происходящем росте «самости» объекта, его дозревании внутри себя как замкнутого целого, а в переносе, переводе факторов внешней обусловленности вовнутрь путем их отражения и фиксации во все более сложных формах внутренней организации. «Отражение есть тот механизм, посредством которого организм превращает внешние детерминирующие факторы в моменты своего самоопределения» [Ляхова, 1979, с. 141]. Невозможность роста активности без отражения, а также невозможность отражения без активности самого отражающего объекта делает эти понятия изначально взаимосвязанными. Одной из главных отличительных черт живого, отражающих его качественно новый уровень активности, является способность к осуществлению негэнтропических процессов, которые наблюдаются на клеточном и даже молекулярном уровнях [Смирнов С. Н., 1974, с. 34]. Как отмечает Н. А. Бернштейн, «в этом смысле активность организма биофизически есть борьба за негэнтропию» [Бернштейн, 1966, с. 328]. Эта борьба связана не только с приобретением энергии, но и с расходом ее, однако баланс этих процессов на сколько-нибудь длительном отрезке времени должен быть положительным, иначе система погибнет и потеряет свою качественную специфику.

Второй скачок в развитии активности связан с переходом от растительной формы жизни, основным способом существования которой является ответная активность, вызываемая прямым воздействием биологически важных факторов, к животным, способным осуществлять поисковую активность. Принципиально новое качество, которое здесь приобретает активность, заключается в том, что она может инициативно исходить от самих живых организмов и в этом смысле быть спонтанной, обусловленной на своих начальных стадиях чисто внутренними процессами. Важно отметить, что этой стадии активности присуще

значительное увеличение временных и пространственных промежутков между актом расхода энергии и актом компенсирующего этот расход получения энергии. Именно в ответ на необходимость представления живому организму будущего результата, ради которого осуществляется трата энергии, и возникло психическое отражение, развитие и усложнение которого позволило беспредельно раздвинуть временные и пространственные промежутки между действием и его позитивным эффектом и сделало субъекта относительно независимым от изначальных «здесь» и «теперь».

Третья важнейшая ступень в развитии активности связана с появлением человеческой деятельности, основное отличие которой от поведения животных по параметру активности состоит в переходе от приспособления к природе к ее преобразованию и творческому изменению в соответствии с собственными целями человека, имеющими социальное, общественно-историческое происхождение.

Таким образом, можно выделить три основных направления в развитии активности как функции всевозрастающей сложности ее материальных носителей.

1. Продвижение вверх по оси, которую можно было бы назвать мерой инициативности. Нижняя граница ее может быть обозначена как полная пассивность, определяемость существования объекта только внешними воздействиями, а верхняя граница — как абсолютно спонтанная активность, определяемость поведения объекта только внутренними состояниями. Среднюю позицию на этой оси занимает реактивность, т. е. ответная активность, которая по своим энергетическим характеристикам и тем результатам, к которым она приводит, выходит за пределы прямых энергетических и структурных изменений, вызываемых в объекте воздействующим стимулом.

Во избежание недоразумений следует отметить, что к нижней границе указанная ось стремится только асимптотически, ибо абсолютная пассивность невозможна, так как объект всегда изменяется соответственно своей собственной природе и тем самым привносит нечто от себя в результат любого внешнего воздействия, хотя вклад внутренней самоопределяемости объекта может быть минимальным и в пределе стремиться к нулю. То же можно сказать о верхней границе. Абсолютно спонтанной активности не существует, во-первых, потому, что субъект активности всегда должен учитывать характер объекта, на который она направлена, и присутствие такого объекта хотя бы на больших пространственно-временных расстояниях необходимо для инициации акта. Во-вторых, любое внутренне обусловленное состоя-

ние субъекта, порождающее тот или иной вид активности, само является одним из следствий, пусть и далеко отставленных во времени и пространстве прошлых взаимодействий субъекта со своим окружением.

2. Вторым относительно независимым параметром, по которому идет усложнение форм активности, является рост пространственно-временных промежутков между началом акта (спонтанного или ответного), связанного с тратой энергии, и его позитивным результатом, приводящим к накоплению энергии (или избеганию более крупных потерь). Уже у животных эти промежутки могут достигать больших величин, а в некоторых случаях может быть, условно говоря, бесконечным. У человека эта отставленность акта от его конечного результата усиливается не только за счет роста пространственно-временных интервалов, но и за счет резкого увеличения числа звеньев-посредников между ними благодаря социальному разделению труда и использованию сложных орудий.

3. Третьим важнейшим направлением прогрессивного изменения активности является переход от процессов адаптивного, приспособительного плана к процессам преобразования и активного конструирования внешних условий существования системы, стремящейся сохранить и развить свою внутреннюю определенность. Есть еще один, скорее количественный, чем качественный параметр активности, характерный для всех описанных выше уровней. Он является, пожалуй, главной переменной активности в неживой природе и широко используется в химии, геологии и других науках, а также в обыденной жизни. Речь идет об энергетической стороне тех или иных взаимодействий, их интенсивности. Здесь активность выступает мерой движения, непокоя или скорости изменения какого-то процесса. В этом смысле говорят об активизации вулканической деятельности, активных атмосферных процессах, о циклах солнечной активности и т. п. При этом часто под активностью понимается мера не только реального, но и потенциального движения, изменения, развития. Говорят о химически активных веществах, активности шахматных фигур в той или иной позиции, и т. п. Такое понимание активности нашло свое выражение и в психологии, прежде всего в энергетических теориях психического.

Деятельность человека характеризуется наивысшими показателями по всем трем перечисленным выше качественным параметрам по сравнению с активностью животных или, тем более, неживых систем. Поэтому активность часто трактуют как более широкое понятие по отношению к деятельности. Однако во всякой деятельности есть и активные, и пассивные составляющие, и различное их соотношение

позволяет некоторым авторам говорить об активной деятельности. Вслед за В. А. Петровским *активность* в целом можно определить как *совокупность обусловленных субъектом моментов движения деятельности* [Петровский, 1977, с. 6]. При этом нельзя забывать, что сам субъект в качестве источника активного начала деятельности формируется как результат предшествующих его действий и взаимодействий с внешним миром, другими людьми и самим собой (самовоспитание, например). Но опять-таки внешние факторы не прямо и однозначно воздействуют на субъекта, который не является простой жертвой сложившихся обстоятельств. И природа, и культура, и отношение к человеку других людей оказывают определяющее влияние на формирование «внутренней» организации субъекта лишь при условии активного (инициативного) включения его в определенные связи и отношения с элементами окружения. Без такой, образно говоря, «затравки», «фермента» (по выражению Н. А. Бернштейна) процесс становления субъекта не может начаться. Стремление к этому движению «навстречу» миру является, по-видимому, продуктом более низких (глубинных) уровней активности.

И дальнейший рост активности деятельности связан не со все большей ее независимостью от внешней действительности. Развитие активного начала деятельности идет по пути все более широкого перевода внешней детерминации во внутреннюю, более полного и глубокого отражения действительности во внутренней организации субъекта. «Душа подвержена тем большему числу пассивных состояний, — писал Б. Спиноза, — чем более она имеет идей неадекватных» [Спиноза, 1957, с. 457]. В то же время чем более широкой сфере природного целого индивид активно предоставляет определять свой интеллект, тем более адекватны его идеи и тем более активна его душа. Активность человека, направленная на развитие собственной личности через выбор той части реальности, которой человек предоставляет «делать» себя, является, может быть, самой высокой формой активности, ее самым концентрированным выражением.

На основе сказанного можно следующим образом сформулировать **принцип активности**, регулирующий человеческую деятельность и психику. **Активность** выступает одной из конституирующих характеристик человеческой деятельности, выражающих ее способность к саморазвитию, самодвижению через инициирование субъектом целенаправленных творческих (т. е. преобразующих действительность) предметных действий. При этом цели и средства деятельности черпаются не из непосредственно данной ситуации и не являются абсолютно

спонтанными, но, как правило, имеют источником события, далеко отстоящие во времени и пространстве от начала действия (акта), т. е. вырастают из широкого жизненного контекста, основное содержание которого образуют отношения с другими людьми, а также социально и культурно опосредствованное отношение к природе.

В этой формулировке находят выражение все три отмеченные выше параметра активности: 1) инициирование действия субъектом; 2) направленность на изменение внешней действительности; 3) отставленность во времени и пространстве акта деятельности от окончательного результата, с одной стороны, и от инициировавших его событий — с другой, а также наличие между ними многих опосредствующих действий (если можно так выразиться, их удаленность друг от друга в пространстве структурных элементов деятельности, которая может прямо не коррелировать с их пространственной и временной отставленностью).

7.2.3. Деятельность как философская категория

Понятие или категория деятельности принадлежит к числу универсальных, предельных абстракций, которые «воплощают в себе некий "сквозной" смысл: они дают содержательное выражение одновременно и самым элементарным актам бытия, и его глубочайшим основаниям, проникновение в которые делает умопостигаемой подлинную целостность мира» [Юдин, 1978, с. 271]. Многоплановость и многоаспектность понятия деятельности определяется тем, что сама родовая сущность человека находит в нем свое выражение. Собственно деятельность и создает самого человека, выступая в роли второй (надприродной) субстанции, породившей человеческую культуру и весь человеческий мир.

Наиболее общее определение **деятельности** — «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляет его целесообразное изменение и преобразование» [Огурцов, Юдин, 1972, с. 180]. При этом изменение внешнего мира есть только предпосылка и условие для самоизменения человека. «Производя некоторый предмет, человек изменяет и тем самым фактически производит бесчисленную совокупность новых отношений в окружающем его мире. Он, в частности, производит и само производство предметов и производственный опыт. Производит потребление и вместе с ним потребности и, стало быть, и цели. Изменяется и он сам, производя себя как производителя и как потребителя. Вместе с тем он производит и целую совокупность представлений об окружающем мире. Производя предмет, он производит мысли о самом этом

предмете... и о себе как производителе. Понятия, с которыми он выходит из акта деятельности, необходимо отличаются от понятий, с которыми он вошел в этот акт» [Трубников, 1967, с. 146]. Обобщая, можно сказать, что деятельность направлена на воспроизведение сверхприродных условий бытия человека — социальных отношений, культуры, наконец, его самого.

Отдельные характеристики деятельности, отличающие ее от поведения животных или взаимодействия неживых систем, настолько взаимосвязаны, что их нельзя рассматривать изолированно как некоторую сумму независимых качеств — исключение любой из них автоматически делает невозможным наличие всех других.

Предметность. Подлинная предметность деятельности состоит не в том, что она направлена на объекты внешнего мира. Такую направленность можно констатировать и в активности животных. Но если животное относится к предмету как носитель чуждой этому предмету потребности, то человек относится к предмету адекватно его природе, он осваивает предмет, делая его мерой и сущностью своей активности. Иначе говоря, человеческая деятельность делает своей логикой имманентную логику предмета [Батищев, 1969]. «Деятельность человека только потому и может быть поистине предметной, а не "околопредметной", не просто взаимодействующей с предметами, что она сама себя обусловливает предметностью» [Там же, с. 83]. То, что деятельность сама себя обусловливает предметностью, означает, что предметный характер деятельности проявляется еще до начала реального процесса действия с предметом, а не приобретается в ходе взаимодействия, начавшегося как «непредметная активность»; она не находится со своим предметом в отношении взаимности. Где существует взаимность — там еще нет (или уже нет) подлинного человека и его деятельности. «Действительный человек в своей деятельности, чтобы не "портить" своего предмета, не взаимодействует с ним, а воссоздает его во всей особенности и конкретности, его собственной мере и сущности» [Там же, с. 84–85].

Такое «не портящее» предмета воссоздание его в своей мере и сущности возможно лишь на основе включения в любую деятельность деятельности теоретической, познавательной, имеющей свои истоки в коллективной деятельности людей и актах коммуникации. Предмет непосредственно через особенности своей материальной организации направляет деятельность человека и делает ее предметной (наделяет предметностью). Такая непосредственная модификация объектом направленной на него активности имеет место и у человека, и у животных. Для человека предметность мира раскрывается в ходе освоения им обще-

ственно выработанных и закрепленных в культуре норм предметного отношения к миру. Объективно существующий в культуре мир «идеальных форм» [Ильенков, 1979] и опосредствует взаимодействие человека с любым природным объектом, превращая это взаимодействие в подлинно предметную деятельность. Человек в предметной деятельности воссоздает и творчески преобразует природу, а не адаптируется к ней.

Принципиальное методологическое значение имеет признание двойной детерминации деятельности — со стороны предмета и со стороны ее собственной имманентной логики [Юдин, 1978]. Приоритет первого, предметного начала деятельности определяет и направление ее роста, развития, обогащения. «Деятельность есть такой процесс, который никогда не остается самодовлеющим, автаркичным, замкнутым, но, напротив, всегда "занят" предметным миром, стремится глубже погрузиться в него и продолжить обогащение им себя. ...Человеческая деятельность настолько активна, насколько она развита как предметная, насколько она обогащена предметностью» [Батищев, 1969, с. 83]. Но эта объективная сторона обогащения деятельности предметностью, освоения деятельностью логики предметного мира не может развиваться без противоположного процесса — навязывания деятельностью миру своей логики, преобразования действительности сообразно целям действующего человека или уничтожения ее определенности. Подчинение мира субъективным целям человека ведет к развитию и субъективного начала деятельности, выделению и становлению человека как субъекта деятельности.

Субъективный характер. Деятельность нельзя понять только как объективный процесс. При этом логика предмета и логика человеческих целей противостоят друг другу и даже находятся в противоречии, которое постоянно снимается в актах реальной деятельности и ею же создается уже на новом уровне. За этим противопоставлением стоит противопоставление субъекта и объекта, за которым, в свою очередь, стоит противоречие социально обусловленной необходимости и необходимости природной.

Целенаправленность (целесообразность). Цель — это сознательный образ планируемого результата деятельности. Она всегда субъективна по форме и объективна по содержанию. Именно в целеполагающей деятельности обеспечивается единство субъективного и объективного начал, субъективной и объективной детерминации, в то время как предметность деятельности подчеркивает примат объективной детерминации. «Формой этого единства является, в частности, нераздельность позитивного (т. е. прямого) результата деятельности и негативного (включающего в себя элемент отрицания, критического отношения) отражения

действительности. Именно негативное "отражение" выражает отношение человека к действительности, оценку этой действительности и побуждает к ее преобразованию» [Юдин, 1978, с. 269].

Не только развитие, но и само зарождение человека как субъекта (человеческой субъективности) происходит благодаря зарождению и развитию предметной деятельности, ибо человек выделяется («выдифференцировывается») как один из полюсов предметной деятельности; в генетическом плане деятельность первична по отношению к человеку. В результате разделения структурных составляющих деятельности человек стал не просто одной стороной, одним ее полюсом, но он стал такой стороной, в которой воплотилось целое, он соединил в себе субъективные и объективные моменты деятельности.

Реально процесс любой деятельности осуществляется в форме двух противоположно направленных и взаимодополняющих акций — опредмечивания и распредмечивания. Опредмечивание — это переход процессов деятельности в покоящееся свойство предмета, умирание деятельности в предмете. Распредмечивание — обратный переход предметности в живой процесс деятельности, в действующую способность. Распредмечивание не есть утрата предметности, а лишь перевод ее из спокойствия в процесс, где она существует в качестве его момента. В результате опредмечивания обогащается объективный полюс деятельности, появляется все более богатый предметный мир — мир человеческой культуры (материальной и идеальной). Распредмечивание есть воспроизведение заложенных в предмете норм деятельности с ним[1]. В результате распредмечивания обогащается субъективный полюс деятельности, у человека появляются новые знания, умения, способности. Именно через распредмечивание мира культуры развиваются человеческий интеллект и личность. Особо следует отметить, что любое распредмечивание (основной его формой является обучение) невозможно без прямого или косвенного участия другого человека.

Сознательный характер деятельности прямо вытекает из ее целесообразности, целеподчиненности, поскольку цель по определению (см. выше) обладает свойством сознательности. Это не значит, что все компоненты деятельности должны или даже могут осознаваться, но цели осознаются обязательно, и понятие «бессознательная цель» при строгом употреблении этого термина лишено всякого смысла.

Опосредствованный характер любой деятельности вытекает из двойной опосредованности отношения человека к предмету труда, явля-

[1] Распредметить ложку — значит научиться пользоваться ею по назначению.

ющемуся исходной формой деятельности. Во-первых, это социальная опосредствованность (отношением к другим людям) и, во-вторых, опосредствованность орудийная. Отношение человека к другим людям, в свою очередь, начинает все более опосредствоваться материальными орудиями, знаками и другими средствами общения. Овладение человеком средствами деятельности и общения, выработанными человечеством в ходе исторического развития и зафиксированными в орудиях труда, предметах культуры, языке, традициях, обрядах, нормах и эталонах способов действования и познания, является материальной основой таких идеальных характеристик человеческой деятельности, как сознательность и целесообразность.

Социальный характер человеческой деятельности определяется ее социально-культурным генезом. Человек, находящийся вне общества (феномен Маугли или Гаспара Хаузера), не способен самостоятельно прийти к каким-либо формам деятельности или освоить их без участия других людей даже при наличии предметов материальной и духовной культуры.

Продуктивность как характеристика деятельности фиксирует тот факт, что после совершения акта деятельности мир изменяется, становится другим по сравнению с тем, каким он был до акта деятельности. Это не значит, что результат полностью соответствует запланированному, более того, обязательно имеют место и побочные результаты деятельности, непредвиденные субъектом последствия.

Специальный интерес для психологов представляют предлагаемые философами классификации видов и типов деятельности. М. С. Каган [Каган, 1974] выделяет четыре базисных вида деятельности: *преобразовательную* (основной результат — изменения в мире, создание или разрушение чего-то); *познавательную* (добывание или усвоение знаний, развитие способностей и др.); *коммуникативную* (передача информации, общение); *ценностно-ориентационную* (например, воспитание). В каждом виде деятельности есть элементы и преобразования, и познания, и коммуникации, и установления новых ценностей, но выделены они на основе большего удельного веса, доминирования одного из названных компонентов. Но есть один вид деятельности, который содержит все эти компоненты примерно в равных пропорциях и в нерасчленимом (синкретическом) единстве — это, по мнению автора, *художественная* деятельность.

В заключение можно указать на главную причину, по которой деятельность стала одним из центральных объектов анализа в психологии. Это связано с тем, что именно деятельность является способом объективации субъективного и дает возможность проникнуть во внутренний мир человека, открывает пути для применения объективного метода в психологии.

7.3. Теория деятельности как общепсихологическая парадигма

При всем разнообразии методических приемов исследований в рамках леонтьевской школы было выработано единое понимание деятельности как категории (в рамках теории «верхнего» уровня), а также единый подход к соотношению деятельности и сознания в рамках объяснительных принципов теорий среднего уровня. Это, собственно, и означало реализацию деятельностного подхода уже не только как методологической платформы (это имело место и в школе Рубинштейна, взгляды которого начали формироваться раньше), но и как целостной парадигмы исследований, выделивших в качестве предметов разные виды деятельности, но с единым общепсихологическим пониманием единиц и уровней их анализа. Уровневый подход — то, что стало существенным объединяющим звеном школ Выготского и Леонтьева. Иной подход был заявлен в работах С. Л. Рубинштейна, чему мы посвятим специальные параграфы.

При всех различиях деятельностных подходов в отечественной науке они традиционно связываются с реализацией в них общей марксистской методологии. Сегодня это подвергается сомнению. Так, в работе В. А. Лекторского различие видится именно в философских основах. Соглашаясь с учениками Рубинштейна относительно того, что первый абрис его деятельностного подхода намечен в работе 1922 г. «Принцип творческой самодеятельности», он видит в ней развитие идей марбургского неокантианства. Дело в том, что деятельностный подход не связан только с марксизмом. Фихте в своем представлении о «чистом "Я"» предполагал деятельность объективации, когда создание противостоящего субъекту внешнего предмета позволяет ему конструировать самого субъекта. Саморефлексия Абсолюта в концепции Гегеля осуществлялась только в созидании человеческой культуры, посредством труда и разных видов деятельности. Маркс был наследником великой немецкой классической философии, в которой сформировались разные варианты деятельностного подхода, в том числе и идеалистически направленные. «Важнейшая общая черта деятельностных концепций, созданных Фихте, Гегелем и Марксом, — это идея опосредствования. Данная идея противоположна тому пониманию сознания и "Я" как его

центра, которое было само собой разумеющимся для европейской философии и наук о человеке (включая психологию), начиная с Декарта» [Лекторский, 2004, с. 8].

Далее автор говорит о том, что по существу идея Маркса о деятельности как прежде всего духовной, связанной с созданием предметов культуры, была востребована только в XX столетии, когда была осознана необходимость снятия дихотомии субъективного и объективного миров. И под теориями, подразумевающими деятельностный подход, следует понимать только такие «концепции, для которых была важна проблематика культурного опосредствования, а не те, которые исследовали действия единичного субъекта как бы сами по себе» [Лекторский, 2004, с. 9]. Философию Сартра тоже можно понимать в качестве деятельностного подхода.

Идея Рубинштейна о самоопределении субъекта как порождении его же деяниями — закономерное развитие концепции в духе идей Маркса, т. е. естественное продолжение идей маржбурцев, а не приспособление к господствующей идеологии.

Таким образом, деятельностные подходы разнятся и в философии, и в психологии. Марксизм — это то общее, что учитывалось в развитии двух основных отечественных концепций. И это общее связано с материалистическим подходом к пониманию категории деятельности и возможностью объективного изучения деятельностно опосредствованной психики.

В работах Леонтьева положения марксизма оказались эвристичными для развития проблем психологической науки. Сам марксизм впитал в себя многие достижения человечества, и часто ссылками на Маркса, Энгельса, Ленина авторы просто прикрывали апелляцию к идеям Канта, Гегеля и других «идеалистов». Мысль, например, Гегеля, «освещенная» одобрительной пометкой Ленина, могла использоваться без риска обвинения в идеализме. Многие авторы лишь формально ссылались на идеи марксизма-ленинизма, отдавая дань моде или подчиняясь внешним требованиям. Такие ссылки вовсе не свидетельствовали о том, что исследователь действительно работал в рамках марксистской методологии и полученные им результаты несут на себе ее печать. Все эти замечания необходимо учитывать при оценке теоретико-методологического наследия Алексея Николаевича Леонтьева. Деятельность — это не просто совокупность процессов реального бытия человека, опосредованных психическим отражением, она несет в себе те внутренние противоречия и трансформации, которые порождают психику, выступающую, в свою очередь, в качестве условия осуществления деятельности. Иногда образно говорят, что психика является органом деятельности, моментом ее движения. Предметная деятельность есть форма связи субъекта с миром. Она включает в себя два взаимодополняющих процесса: активное преобразование мира субъектом и изменение самого субъекта за счет «впитывания» в себя все более широкой части предметного мира.

Деятельность является первичной как по отношению к субъекту, так и предмету деятельности (см. предыдущий параграф). Главный канал развития субъекта — интериоризация — перевод форм внешней материально-чувственной деятельности во внутренний план. Эффекторные, исполнительные механизмы деятельности, направляемые исходным образом ситуации, испытывают на себе сопротивление внешней реальности в силу неполноты или неадекватности афферентирующего образа. Обладая определенной пластичностью, деятельность подчиняется предмету, на который она направлена, модифицируется им, что приводит к исправлению исходного образа за счет обратных связей. Этот циклический процесс является источником не только новых образов, но и новых способностей, интересов, потребностей и других элементов человеческой субъективности. Воздействуя на внешний мир и изменяя его, человек тем самым изменяет себя.

Главной характеристикой деятельности, как она понимается в концепции А. Н. Леонтьева, является ее предметность. Под **предметом** имеется в виду не просто природный объект, а предмет культуры, в котором зафиксирован определенный общественно выработанный способ действия с ним. И этот способ воспроизводится всякий раз, когда осуществляется предметная деятельность.

Самостоятельно открыть формы деятельности с предметами человек не может (см. предыдущий параграф). Это делается с помощью других людей, которые демонстрируют образцы деятельности и включают человека в совместную деятельность. Поэтому вторая сторона деятельности — ее социальная, общественно-историческая природа. Переход от совместной (интерпсихической) деятельности к деятельности индивидуальной (интрапсихической) и составляет основную линию интериоризации, в ходе которой формируются психологические новообразования.

Деятельность всегда представляет собой акт, инициируемый субъектом, а не запускаемый внешним воздействием. Поэтому деятельность — не совокупность реакций, а система действий, сцементированных в единое целое побуждающим ее мотивом. **Мотив** — это то, ради чего осуществляется деятельность, он определяет смысл того, что делает человек.

Важнейшим положением психологической теории деятельности является утверждение об общности строения деятельности внешней, материальной, и деятельности внутренней, психической, осуществляемой в идеальном плане. Это вытекает из уже отмеченного представления о формировании внутренней деятельности из внешней. Теория такого перехода (интериоризации) наиболее полно разработана в учении П. Я. Гальперина об управляемом формировании «умственных действий, понятий и образов». При этом внешнее, материальное действие, прежде чем стать умственным, проходит ряд этапов, на каждом из которых претерпевает существенные изменения и приобретает новые свойства. Принципиально важно, что исходные формы внешнего, материального действия требуют участия других людей (родителей, учителей), которые дают образцы этого действия, побуждают к совместному его использованию и осуществляют контроль за правильным его протеканием. Позже и функция контроля интериоризуется, превращаясь в особую деятельность внимания.

Внутренняя психическая деятельность имеет такой же орудийный, инструментальный характер, как и деятельность внешняя. В качестве этих орудий выступают системы знаков (прежде всего языка), которые не изобретаются индивидом, а усваиваются им. Они имеют культурно-историческое происхождение и могут передаваться другому человеку только в ходе совместной (вначале обязательно внешней, материальной, практической) деятельности. В результате возникает особая форма психического отражения «сознание — совместное знание», которое не сводится просто к последовательности внутренних деятельностей или действий. Дело в том, что и во внешней, и во внутренней деятельности наряду с сукцессивным планом, в котором представлена последовательность актов, существует и особый симультанный план, который придает единство и целостность любой деятельности, — это план образа: одномоментного отражения исходных условий, хода деятельности (внутренней и внешней) и ее ожидаемого результата. Поэтому существуют два плана сознания — *сознание как внутренняя деятельность* и *сознание как отражение* (образ). Аналогично трехчленной структуре деятельности (операция — действие — собственно деятельность) сознание также состоит из трех образующих — чувственная ткань, значение и личностный смысл.

Сознание как внутренняя деятельность в определенном смысле противопоставляется сознанию как образу. Всякая деятельность имеет выраженный процессуальный характер и временную организацию

(т. е. сукцессивна). **Образ** представляет собой преимущественно симультанный конструкт, обеспечивающий преемственность, единство и целостность разворачивающейся во времени деятельности. Можно сказать, что сознание-образ и сознание-деятельность суть две формы бытия человеческой психики, два аспекта ее существования, которые, будучи взаимосвязаны, в то же время качественно не сводимы друг к другу. В деятельности осуществляются их взаимопереходы и развитие.

Субъективность образа следует понимать прежде всего как его субъектность (принадлежность субъекту), что предполагает указание на его активность и пристрастность. В то же время нельзя утверждать, что образ принадлежит только субъекту. Образ наделяется содержанием, принадлежащим также и предметному миру. Сама возможность возникновения образа той или иной части реальности, того или иного предмета определяется особым свойством этого предмета, его способностью полагать себя в человеческой субъективности. Образ — это явление объекта субъекту, проявление свойств и того и другого, и поэтому он принадлежит им обоим.

Тесная связь, взаимопереходы образа и деятельности выдвигают на первое место (в качестве наиболее существенных) амодальные характеристики образа, несущие его предметное содержание на языке тех деятельностей, которые с ним могут быть осуществлены. Образ не субстанционален, он не представляет собой некоторой вещи. Поскольку образ неотделим от деятельности, то нет и какого-либо «склада» образов в нашей долговременной памяти. Не будучи включенным в деятельность, образ не существует как психологическое явление.

Личность есть наиболее полное выражение субъективного полюса деятельности, она порождается деятельностью и системой отношений с другими людьми. Личность — это особое социальное качество индивида, не сводящееся к простой совокупности его прошлого опыта или индивидуальных особенностей. И прошлый опыт, и индивидуальные черты, и генотип человека представляют собой не основу личности, а ее предпосылки, условия становления и развития личности. «Одни и те же особенности человека могут стоять в разном отношении к его личности. В одном случае они выступают как безразличные, в другом — те же особенности существенно входят в ее характеристику» [Леонтьев А. Н., 1975, с. 165]. Может случиться так, что физически сильный ребенок привыкнет решать конфликтные ситуации с помощью силы и будет развивать это свое качество в ущерб другим, на-

пример интеллекту или умению понимать чувства других людей. Тогда указанная особенность человека (физическая сила) обязательно войдет в структуру его личности и станет существенной детерминантой того типа отношений, в которые входит данный человек с другими людьми. Но это же качество может остаться фоном, не повлиявшим существенно на ход развития личности. Это же можно сказать о таких качествах, как красота или уродство, особенности темперамента и даже природные качества ума, художественная одаренность и т. п. Не определяют прямо характера личности и внешние условия жизни — богатство или бедность, уровень образования и т. д. Все эти качества могут влиять только косвенно, ограничивая или расширяя поле выбора, в рамках которого человек сам строит свою личность, совершая активную деятельность и входя в определенные отношения с другими людьми.

Деятельностный подход решительно отвергает теорию двух факторов, согласно которой личность есть некоторый усредненный результат влияния биологических особенностей человека (генотип) и социальных, средовых. Оба этих фактора являются вторичными, внешними, и их влияние опосредуется активным выбором субъекта деятельности. В отличие от индивида личность не «предсуществует» по отношению к деятельности, она складывается в ходе самой деятельности, творит самое себя. Источник развития личности лежит в ее внутренних противоречиях, разрешение которых тем или иным способом преобразует саму личность. Развитие личности — это отнюдь не равномерное поступательное движение: в нем есть кризисные периоды и переломные моменты, возможны распад и дегенерация.

Но в чем же заключается единство и целостность личности, если ее описывать на языке деятельности? Что изменяется в ходе ее развития? Ядро личности в теории деятельности — это совокупность действенных отношений человека к миру, т. е. отношений, реализуемых в деятельности. Поскольку, как мы отмечали выше, главной характеристикой деятельности выступает ее мотив, то основой личности является иерархическая структура ее мотивов. Высшим же уровнем интеграции выступает самосознание личности. Идея уровневого подхода к деятельностному пониманию личности в концепции Леонтьева специально рассмотрена Ю. Б. Гиппенрейтер [Гиппенрейтер, 1988]. Мы же сейчас перейдем к другому аспекту концепции и из многообразия леонтьевского наследия подытожим следующий аспект преодоления постулата непосредственности.

7.4. Возвращение категории образа в подходе А. Н. Леонтьева (как аспект преодоления постулата непосредственности)

В психологии правдоподобие — это уже не только характеристика научной гипотезы, но и особенность житейского (наивного, непрофессионального) представления о том, где кончаются границы внешнего и очерчиваются границы внутреннего мира человека. Речь идет не о феноменальной представленности психического субъекту (для этого нужна специальная работа), а об оценках правдоподобия при принятии ориентиров для действия в мире (физическом и социальном). На уровне психологической теории эта идея правдоподобия отражена в концепции П. Я. Гальперина, выделившего ориентировочную основу в качестве предмета психологии. Нам сейчас важно другое: указать одну из возможных точек встречи наивной и профессиональной психологии. Наиболее правдоподобной категорией здесь окажется категория образа (широко понятого, т. е. и умственного).

Методологически она важна в двух аспектах — картины мира, которую строит психолог, и постулата непосредственности применительно к тем или иным методам (психологического наблюдения, понимания и др.).

«Сознание в своей непосредственности есть открывающаяся субъекту картина мира, в которую включен он сам, его действия и состояния. Перед неискушенным человеком наличие у него этой субъективной картины не ставит, разумеется, никаких теоретических проблем: перед ним мир, а не мир и картина мира. В этом стихийном реализме заключается настоящая, хотя и наивная правда» [Леонтьев А. Н., 1975, с. 125]. Согласно теории деятельности сами деятельностные структуры включены в предмет изучения. И непосредственность данности картины мира субъекту не означает здесь принятия постулата непосредственности в том его виде, о котором говорит принцип «замкнутой причинности» (замкнутой в сфере сознания или в сфере телесного, физического). Для автора книги «Деятельность. Сознание. Личность» сознание личности открыто деятельностной детерминации. Сама же деятельность как далее неразложимая молярная единица активности человека связует его с миром, а не с действующими в нем причинами.

Как мы уже говорили, причинность предстает теперь не в двухчленной схеме (причина — следствие), характеризующей классическое естествознание, а в трехчленной, где опосредствующим звеном выступает деятельность. Но развертывание деятельности в свою очередь опосред-

ствовано целевой регуляцией (включая личностную представленность в целеобразовании самосознания и мотивации) и широко понятой категорией образа. Образ был не нужен в картезианской схеме (с ее раздвоением психической — душевной и физической — телесной жизни). Тело действует как автомат, а автомат не нуждается в ориентировке. Душа же имеет иного порядка ориентиры, ей образ также не нужен. Но он необходим человеку и необходим профессионалу-психологу как базовая категория потому, что субъект на его основе ориентируется в реальном мире, а не в только мире своего сознания.

В рассматриваемом же контексте «деятельностной детерминации» отметим, что в общепсихологической концепции А. Н. Леонтьева сам чувственный образ (образ восприятия) уже не выступает «непосредственным». Динамика соотношения чувственной ткани и значения определяется в рамках активности субъекта как носителя амодального представления, направленного вперед — на этот мир. Идея «образа мира», которую А. Н. Леонтьев разрабатывал в последние годы жизни, позволила задать одно из направлений преодоления ограниченности стимульно-реактивной парадигмы и когнитивного подхода в психологии. Сознание перестало мыслиться тотально, появились его составляющие — чувственная ткань, значение, личностные смыслы. В психологию вернулся образ, но в новом понимании его актуалгенеза: утверждалось представление о встречной активности движения субъекта к объекту.

«Мир образов» был противопоставлен «образу мира» как феноменальное и глубинное образование, которое предваряет любое чувственное впечатление и позволяет человеку видеть реальность упорядоченной и осмысленной [Смирнов С. Д., 1983, 1985]. В образе мира были выделены ядерные структуры, задающие опоры в структурировании человеком психических образов благодаря тому, что они отражают его действительные связи с миром. Они амодальны и не рефлексируются человеком. В то же время поверхностные слои в образе мира связаны с целями построения человеком знаний о нем — будь то образы восприятия или идеальные схемы мышления. Познавательные гипотезы — то главное звено, посредством которого движение образа мира направляет становление перцептивного образа. Эти гипотезы иные по происхождению (деятельностному в своей основе), чем вероятностные гипотезы у Брунсвика (детерминированные частотой встречаемости события) или вероятностные переменные выборов в концепции Тверского—Канемана (репрезентирующие прогноз исхода события). Они заданы способом бытия человека в мире, а не являются чисто когнитивными механизмами.

Личностная опосредствованность деятельности (и деятельностная — развития личности) и построение культуры личностью (и мира личности — в культуре) — анализ этих проблем сегодня получил новое звучание в рамках методологического осмысления XXI в. как «психозойской эры». Идея «толерантности» как условия бытия человека в мире неопределенности, разрабатываемая А. Г. Асмоловым, выделила иной аспект проблемы — образа других людей, их принятия (как основания его личностного становления и ориентировки в мире людей и идей). И эти представления о личности в рамках обсуждения методологических проблем неклассической психологии сам автор изложил столь ярко, что эту общую точку встречи представителей разных парадигм мы специально обсуждать не станем, отправляя читателя к книгам А. Г. Асмолова [Асмолов, 2001, 2002].

7.5. Перспективы деятельностного подхода

В заключение главы отметим еще одну особенность общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева, которая обеспечивает ее успешное применение для решения исследовательских и прикладных задач определенного типа и накладывает ограничения на ее эвристический потенциал при решении других задач. Дело в том, что в этой теории реализован генетический подход к пониманию и изучению психики. Ее постулаты касаются прежде всего зарождения человеческой психики в деятельности, механизмов ее развития через развитие деятельности. Не случайно многие работы Леонтьева содержат в своем названии слово «развитие»[1]. Генетический подход предопределил эвристичность теории деятельности при решении проблем зарождения и развития психики в ходе биологической эволюции (А. Н. Леонтьев, К. Э. Фабри), развития психики в онтогенезе (А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин и др.), обучения (П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, Н. Ф. Талызина, З. А. Решетова и др.), развития отдельных психических функций (А. Н. Леонтьев, П. И. Зинченко, А. А. Смирнов и др.), нарушений психики (обратное развитие — А. Р. Лурия, Б. В. Зейгарник), восстановления нарушенных функций (А. Н. Леонтьев, А. В. Запорожец, А. Р. Лурия, Л. С. Цветкова). Существенные достижения были получены в раскрытии психологических механизмов актуалгенеза процессов восприятия и мышления (В. П. Зинченко, О. К. Тихомиров,

[1] Например, «Проблемы развития психики», «Развитие памяти», «К теории развития психики ребенка», «К вопросу о генезисе чувствительности», «Развитие мотивов деятельности ребенка», «О формировании способностей» и др.

Я. А. Пономарев и др.), а также во многих других областях психологии при решении проблем развития и формирования психических функций и способностей.

В то же время попытки распространить деятельностный подход на описание процессов, непосредственно реализующих деятельность, и выделить «единицы» более элементарные, чем операция, наталкиваются на определенные методологические трудности [Леонтьев А. А., 1978]. Вообще можно сказать, разработка проблем психического, взятого в функциональном, а не генетическом аспекте, шла менее успешно. В той степени, в какой каждый акт деятельности мы можем и должны рассматривать как момент ее самодвижения, т. е. сквозь призму предшествующих и последующих актов, генетический подход является плодотворным и незаменимым. Но неправомерна позиция тех, кто абсолютизирует генетический подход, возводя его в ранг единственного метода изучения психики. Отнюдь не все соотношения, адекватно увиденные сквозь призму генетического подхода, сохраняют свою эвристичность и в функциональном отношении. Некоторые сторонники генетического подхода абсолютизируют его и считают возможным изучать лишь процесс развития, а сформировавшуюся психику считают недоступной для изучения [Гальперин, 1976; Пузырей, 1986].

Одним из краеугольных камней теории деятельности является утверждение о первичности деятельности по отношению к психическому отражению, ее ведущей роли (деятельность прокладывает пути для развития психики, по выражению Леонтьева). Но такое соотношение деятельности и психики выступает на первый план лишь в генетическом анализе. Если же мы хотим взять тот или иной поведенческий акт в его относительной изоляции от предшествующих и последующих актов и в то же время в такой его целостности, которая делает его полноценным психическим актом и позволяет установить его роль в жизни индивида, то нам, по-видимому, придется «вырезать» из непрерывного потока сменяющих друг друга действий такой участок, в начале которого стоит исходный афферентирующий образ. «Образ — действие — уточненный образ» — вот схема, предлагаемая функциональным анализом в качестве альтернативы схеме генетического анализа «деятельность — отражение — обогащенная деятельность».

Иначе говоря, если генетический подход решает проблему формирования и развития активного отношения субъекта к миру, то функциональный подход пытается решить проблему реализации этого отношения, зафиксированного в образе потребного результата действия, или, говоря более широко, в образе потребного будущего.

Когда мы с помощью понятийного аппарата, выработанного в рамках генетического подхода, пытаемся описать реализующие деятельность механизмы, возникают существенные трудности. Как в функциональной, а не генетической обусловленности выделить детерминанты перехода от мотивов к целям, детерминанты выбора операций из большого числа возможных и, наконец, как описать такие операции, которые реализуют чисто техническую сторону деятельности и потому не оказывают никакого влияния на динамику психического образа или зафиксированного в нем отношения? Нельзя сказать, что такие операции психологически мертвы и могут быть отданы на откуп физиологии. Такие операции мертвы, если можно так выразиться, не психологически, а генетически, т. е. они не «прорастают», не вносят свой вклад в динамику системы «деятельность — отражение». В предельном случае мы имеем однонаправленный процесс, и поэтому сквозь призму генетико-психологического подхода эти операции видятся предельно простыми, далее неразложимыми единицами.

А. В. Запорожец, В. П. Зинченко и другие авторы справедливо обращают внимание на то, что функциональный подход в выраженной форме реализован в теории установки Д. Н. Узнадзе. Ярким примером реализации функционального подхода служит концепция уровней и механизмов построения движений Н. А. Бернштейна. Многие идеи функционального анализа реализованы в школах С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева и других отечественных ученых.

Генетический и функциональный анализ могут реализовываться относительно независимо лишь до определенного предела. К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский и другие критики общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева справедливо обращали внимание на наличие следующей проблемы: «Откуда в плане функциональном может возникнуть совершенно специфическая для психики регуляторная функция, если сама психика выведена из деятельности» [Абульханова, 1973, с. 240]. Пытаясь ответить на этот и ряд других вопросов, А. Н. Леонтьев в последний период своей жизни наметил контуры нового подхода, выдвинув на первый план проблему зависимости деятельности от образа (шире — образа мира). «Решение главной проблемы только открывалось в перспективе, но, чтобы получить это решение, оказалось необходимым переменить все направление анализа» [Леонтьев А. Н., 1986, с. 75]. Вместо триады «деятельность — сознание — личность» предлагается «психология образа — психология деятельности — психология личности» [Там же].

Является ли такое выдвижение А. Н. Леонтьевым на первый план образа в системе «образ — деятельность» не только радикальным пово-

ротом, но и отказом от постулатов деятельностного подхода? Иными словами, имеем ли мы дело с развитием концепции или ее отрицанием? Со всей определенностью можно сказать, что в данном случае речь идет о развитии концепции. Ведь сам процесс построения образа рассматривается как особая психическая деятельность, имеющая свою специфику и закономерности. Речь идет о дополнении, даже о завершении концепции, обеспечивающем ей новые возможности для ассимиляции широкого круга психологических проблем без отказа от основных постулатов, т. е. при сохранении ее целостности и оригинальности.

Но неизбежно встает вопрос, до каких пределов концепция может дополняться и развиваться, не теряя своего качественного своеобразия? Рано или поздно наступает момент, когда теория превращается или в эклектический набор несовместимых принципов, или в совершенно новую теорию, отрицающую постулаты прежней. В любом случае для сохранения теорией своей жизнеспособности и эвристичности необходимо указать на разумные границы ее применимости. Такой границей для общепсихологической теории деятельности весьма вероятно станет проблема межчеловеческих отношений и тесно связанная с ней проблема творчества (аргументацию см.: Смирнов С. Д., 1993).

В последней из известных нам работ, посвященных перспективам деятельностного подхода в современной психологии, В. А. Лекторским проанализированы основные возражения, выдвигавшиеся против такого пути построения единой материалистической методологии психологии, как деятельностная парадигма [Лекторский, 2004][1].

Всего он сформулировал три таких возражения против деятельностной парадигмы, которые используются ее противниками с целью доказать, что такая парадигма — это уже дело истории, а не современного этапа психологии. Во-первых, это обвинение, связавшее деятельностный подход с официальной идеологией, т. е. марксизмом. Философ Лекторский показывает, что деятельностная теория Маркса — лишь один из вариантов в деятельностных подходах. И, например, когда С. Л. Рубинштейн стал «в конце 1920-х — начале 1930-х гг. развивать свои деятельностные представления (с исходными позициями марбургского неокантианства) в духе Маркса, это было не приспособлением к господствовавшей идеологии (что уже отмечалось выше), а естественным развитием тех идей, которые во многом являлись общими для К. Маркса и других последователей немецкой философии и разрабатывались

[1] В силу мизерности тиража издания (300 экз.) мы сочли необходимым представить ее по возможности ближе к авторскому тексту.

в других вариантах рядом философов XX столетия» [Лекторский, 2004, с. 10]. Варианты этого подхода развивались в отечественной философии и методологии Э. В. Ильенковым, Г. С. Батищевым, М. К. Мамардашвили, Г. П. Щедровицким, Э. Г. Юдиным и др. Это был плодотворный этап отечественной философии и психологии.

Третье обвинение (о втором чуть позже) автор статьи считает вполне серьезным: это обвинение в антропоцентризме, в понимании человеческой деятельности как преобразующей в смысле переделки природы и проектирования социальных процессов. «Если понимать деятельность как создание таких предметов, которые как бы полностью подконтрольны человеку, в известном смысле являются его простым продолжением, тогда, действительно, этот подход становится синонимичным технократическому проекту» [Лекторский, 2004, с. 10]. Но у Маркса было и иное исходное представление о деятельностном подходе — как о самостановлении субъекта, что шло от всей немецкой классической философии. Маркс наиболее глубоко отразил суть европейской цивилизации: создавая человеческие предметы, человек в деятельности творит самого себя. Но в его концепции есть и другая мысль — это не создание предметов по запечатлению в них самих себя, а совместное взаимодействие партнеров по труду, когда оба они изменяются в процессе коммуникации в совместной деятельности. Это также идея активности субъекта, по-разному затем представленная в разных вариантах развития субъектно-деятельностного подхода и принципа активности в психологии познания и личности в отечественной психологии.

Важнейшей здесь представляется идея рассмотрения деятельности как *квазиестественной*. Деятельность можно рассматривать как естественный процесс, но, ставшая традицией и воспроизводимая в культуре, она сказывается квазиестественным образованием, поскольку в ней естественные (природные) и искусственные процессы (надындивидуальные, культурогенные) сложнейшим образом сочетаются. И современная социальная ситуация, и современная экологическая ситуация существенным образом ограничивают возможности искусственного вмешательства человека в биологические и социальные процессы.

Деятельностный подход в разных своих вариантах развивался в целевой направленности на снятие дихотомии субъективного и объективного. С точки зрения концепции постмодернизма (о чем мы будем говорить позже, в параграфе о постмодернистской стадии развития науки) основным должен стать другой вопрос: «Как возможно "Я" (если оно возможно)?» И поскольку постмодернисты отвечают отрицательно («Я» в современном мире невозможно), здесь уже отсутствует кате-

гория деятельности. Таким образом, постмодернистскую философию нельзя связывать с деятельностной методологией. В то же время ряд других современных философских концепцией, оборачивающихся лицом к «человеку в мире», по-новому (не с марксистских позиций) развивают деятельностное понимание активности человека[1].

Вернемся теперь к той группе возражений, которая была автором статьи названа второй. Это, во-первых, обвинения, выдвинутые деятельностной тематике в рамках критики конкретных теорий. Это, во-вторых, ориентировка преимущественно на индивидуальную деятельность у А. Н. Леонтьева, представления об интериоризации в схеме П. Я. Гальперина и ряд других. В первую очередь сюда можно добавить ставшее афористичным замечание В. П. Зинченко (высказанное по ходу дискуссии 1993 г.) о том, что в деятельностном подходе сознание не отпускалось с короткого поводка деятельности. Но эти возражения следует обсуждать только конкретно, применительно к определенным проблемам в той или иной их трактовке в теории деятельности и других психологических концепциях. Соотношение научных и ненаучных средств в этом аспекте не может быть предметом данного пособия. Научные же споры продолжаются в учебниках, на конференциях, в трудах последователей и оппонентов деятельностного подхода. Они не могут быть завершены, пока деятельностный подход продолжает развиваться как методология реальных психологических исследований.

В завершение же параграфа приведем мысль В. Лекторского о том, что претензии на создание некоторой «Единой теории деятельности» бессмысленны в силу вариативности деятельностного подхода не только в прошлом и настоящем, но и в будущем. Развитие же деятельностной парадигмы возможно именно при включении в сферу анализа тех феноменов, которые были установлены в не-деятельностных подходах (феноменологии, аналитической философии сознания и аналитической философской психологии, когнитивной психологии).

[1] К ним автор относит английского философа и психолога Р. Харре.

Глава 8. Психологическая причинность

8.1. Различия в понимании психологической причинности и сути психологического экспериментирования

8.1.1. Множественность представлений о психологической причинности

Посмотрим, как классическое понимание причинности реализовывалось и видоизменялось в психологии.

Проблема интерпретации *психологической причинности* тесно связана с теоретическими установками и методологическими позициями авторов в отношении к построению психологического объяснения. Отметим сразу, что в психологии используется множество трактовок причинности: причинность мыслится и как синхронная, и как целевая, и как воздействующая и т. д. Говоря о психологической причине, исследователь только в одном случае имеет в виду классическую естественно-научную парадигму — когда в исследовании реализуется проверка каузальной гипотезы, что тесно связано с формальным планированием эксперимента, в котором предполагается использование причинно-действующих условий или экспериментальных воздействий на изучаемые процессы.

Кроме удовлетворения условиям причинного вывода психологическое исследование, если оно претендует на статус экспериментального, сталкивается с еще двумя проблемами, которым реально авторы уделяют неодинаковое внимание, — проблемой понимания причинности в психологических теориях (и в объяснительном звене экспериментальных гипотез) и проблемой ограничения поля конкурирующих гипотез (как других объяснений по отношению к установленной эмпирически закономерности). Аспекты полноты представленной системы переменных и направленности связи между ними также важны при обсуждении специфики психологической причинности.

Предположения о законах, отражаемых в обобщенных или так называемых универсальных высказываниях, служат не менее важным осно-

ванием причинных интерпретаций. В литературе, обобщающей нормативы экспериментального рассуждения, специально обсуждается вопрос о том, с чем же в первую очередь связан причинный вывод: с апелляцией к этим законам или к управляемым экспериментатором условиям. Психологические *законы* как дедуктивно полагаемые обобщения и эмпирически представленные (выявляемые тем или иным методом) *закономерности*, рассматриваемые как проявление действия законов на уровне психологических реалий, относятся к разным мирам — миру теорий и миру эмпирических реалий (психологической реальности). Это различие служит для ряда авторов основанием утверждений о неприменимости экспериментального метода в психологии на том основании, что мир психического — как субъективная реальность — уникален и в нем нет никаких общих законов, что управляющие воздействия извне по отношению к нему неприменимы и т. д. Другой поворот этой темы — поиск отличий, т. е. специфики психологических законов как динамических, статистических (в противовес детерминистским утверждениям при физикалистском понимании причинности), как законов развития и т. д.

Обсуждение экспериментальной процедуры с точки зрения того, действительно ли управляемые экспериментатором различия выступают в качестве причинно-действующих условий, — лишь один из аспектов принятия решения об установленной зависимости. Не менее важными аспектами, связываемыми с этапами содержательного планирования (а не формального) и контроля за выводом, являются использование определенного психологического закона (гештальта, «параллелограмма развития» и т. д.), а также соотнесение теоретического конструкта (и связанного с ним объяснительного принципа) с экспериментальными фактами. Психологические реконструкции — существенная специфика вывода из психологического эксперимента в отличие от бихевиорального.

Но одновременно в психологии представлены и иные взгляды на причинность.

Целевая причина как объяснительный принцип работает в совершенно разных психологических школах, т. е. явно связана с категориальными приобретениями психологии XX в. В работах Э. Толмена (1886–1959) и К. Левина она дополняет причинно-следственный детерминизм. В исследованиях, реализующих положения теории деятельности, она соотносится с принципами активности и опосредствования. В культурно-исторической психологии, как это мы рассмотрим позже, и воздействующая, и целевая причинность — как условия — подчинены принципу автостимуляции, предполагающему переход от интерпсихической

функции к интрапсихической. Целевая причина для ребенка — взрослый в возрасте акме — также не может считаться воздействующей (пример В. П. Зинченко). Аналогом целевой причины можно считать двигательную задачу в физиологии активности Н. А. Бернштейна.

В психологических теориях присутствуют и варианты недетерминистского понимания психологической причинности.

В теории развития интеллекта Ж. Пиаже понятие причинности оказалось связанным с вопросом о стадиальности развития; в частности, было обосновано синхронное понимание причинности. Согласно теории Пиаже, нельзя ставить вопрос о переходе ребенка с одной стадии развития на другую, обсуждая проблему взаимоотношений мышления и речи так, как она поставлена Л. С. Выготским. Со становлением функции означивания на стадии символического (или наглядного) интеллекта одновременно развиваются обе функции; логическая координация, а не воздействующая или иная «причина» положена в основу становления структур интеллекта (как группировок) — эти и ряд других положений теории Пиаже демонстрируют несводимость тех процессов, которые необходимо обсуждать в контексте проблемы развития, к классическим представлениям о причинности.

Введение К. Г. Юнгом (1875–1961) принципа синхронистичности, в котором реализован радикальный отказ от представлений о воздействующей причине, рассматривается в современных методологических работах в качестве одного из критериев перехода от классической парадигмы к неклассической. Данный принцип, по замыслу Юнга, должен послужить пониманию таких комплексов событий, которые связаны между собой исключительно по смыслу, и между ними не существует никакой причинной связи [Юнг, 1996].

В экзистенциальной психологии В. Франкла (1905–1997) осуществлена такая «поправка» в психологической причинности, как разведение оснований, относящихся только к формам детерминации психики человека, и к тем биологическим или ноологическим причинам, с которыми связаны физические воздействия или биологические законы. «Когда вы режете лук, у вас нет оснований плакать, тем не менее ваши слезы имеют причину. Если бы вы были в отчаянии, у вас были бы основания для слез» [Франкл, 1990, с. 58]. Как и для концепции Выготского, для концепции австрийского психиатра и психолога важен принцип опосредствованного понимания психологической причинности. Но он во главу угла ставит смысловую, специфически человеческую причинность, для которой личностный смысл и общение придают основание детерминистскому развитию событий. Франкл при

этом противопоставляет не *индетерминизм* и *детерминизм*, а *пандетерминизм* и *детерминизм*; у него именно духовные основания рассматриваются как причинно-действующие.

Как это показано в работе «Исторический смысл психологического кризиса», основной проблемой для развития схем причинного вывода в психологии является картезианское наследие. Отсутствие общепсихологической теории и различия в оценках адекватности предмету изучения используемых в психологии методов исследования остаются современными характеристиками кризиса. В то же время достаточная разработанность ряда общепсихологических теорий, использующих категориальные представления о включении того или иного понимания каузальности в логику разработки собственно психологических понятий и — что не менее важно — в схемы методических подходов, соответствующих разным парадигмам соотнесения теории и эмпирии в психологии (психологических законов и психологических фактов), демонстрирует скорее парадигмальный этап развития психологии как науки, чем допарадигмальный. Другой вопрос, что представление о «нормальной науке», введенное Куном, для психологии дополняется еще одним звеном — расщепления ее на академическую и практическую психологию.

8.1.2. Расщепление психологии на академическую и практическую

В главе 4 уже затрагивалась проблема апелляции к практике как иному источнику психологических знаний, чем знание теоретико-экспериментальное, т. е. академическое. С академической психологией связывают опору на экспериментальную парадигму — как то общее, что объединяет научные школы в психологии. На самом деле речь сегодня может идти не о двух психологиях — академической и практической, а о двух направлениях в рамках собственно практической психологии. Во-первых, это те виды решения практических проблем (от психологии менеджмента до медицинской психологии), при которых исследователи и практики, осуществляющие психологическую помощь, опираются на психологические теории, используя ставшие для психологии классические методы и разрабатывая новые. Во-вторых, это те направления в практической психологии, представители которых сознательно реализуют отказ от категориальных и методических средств традиционной научной (академической) психологии, предполагая либо отказ от представлений о предмете психологического исследования, либо заведомый поиск его в других, но никак не в категориальных глубинах осмысления психологических представлений.

Понятие схизиса, предложенное для замены понятия кризиса Ф. Василюком, связано с фиксацией именно этой области расщепления психологических представлений — как связанных или не связанных с исходными психологическими теориями (а значит, и с гипотетико-дедуктивным рассуждением в психологическом исследовании), а не с самим по себе обращением к решению практических задач, которое может строиться на основе получения и использования психологических знаний (включая звено теоретических гипотез). Рассмотрим далее одно из оснований такого отказа от роли теоретических представлений в психологии (а следовательно, и от парадигмального подхода, поскольку без разработанной теории о парадигме в науке говорить не приходится): не столько критику, сколько подмену представлений об экспериментальном методе в психологии.

8.1.3. Искажения в понимании экспериментальной парадигмы

Несоответствие обычному (академическому) пониманию того, в чем заключается цель и средства экспериментирования, приводит к искажению методологического отношения к сути и возможностям психологического эксперимента относительно обобщений проверяемой и конкурирующих теорий.

Вопрос о том, в какой степени психологический эксперимент сходен по своей структуре с естественно-научным (периода классической или неклассической физики), получал разные ответы. Бихевиоризм, следующий прямо стимульно-реактивной схеме и, казалось бы, максимально повторяющий принципы естественно-научного экспериментирования, на самом деле существенно отклонился от них. Это отклонение связано с отказом от теоретических реконструкций ненаблюдаемых процессов, что всегда предполагалось в логике экспериментального вывода (с его соотнесением теоретической и экспериментальной гипотез как экспликации следствия из закона). Подробнее проблема экспериментального прояснения теоретических оснований объяснения представлена в специальных учебниках как проблема содержательного и формального планирования психологических экспериментов [Корнилова, 2002; Хекхаузен, 1986]. И то, в какой степени оправдано применение экспериментального метода с точки зрения специфики психологического понимания причинного воздействия, вновь и вновь подлежит обсуждению. Но в методологической литературе подчас именно обращения к бихевиористским схемам или психофизиологическому эксперименту рассматриваются как образцы неприемлемости экспериментального метода в психологии.

Обсуждая методологические основания физиологии активности Н. Бернштейна в противовес методологии И. Павлова, называемой (в перефразе Маркса) «мозговым фетишизмом», Ф. Василюк отождествил схему выработки условного рефлекса с экспериментированием как методом вообще. Автор высказался кратко об экспериментальном методе таким образом, что его суть — логика теоретико-эмпирической проверки каузальной гипотезы — была подменена. И эти две фразы следует привести, поскольку они показательны как пример: 1) произвольного (и по сути неверного для экспериментального метода) истолкования роли использования идеальных объектов в научном исследовании и 2) подмены одним из вариантов реализации естественно-научного эксперимента (а именно павловским) построения психологического эксперимента (в не бихевиористских исследованиях). «*Основная функция экспериментального метода в структуре научной концепции состоит в приведении реального объекта исследования в соответствие с основным идеальным объектом данной концепции* (выделено *Ф. В.*). Реальный объект специальными процедурами и всяческими методическими ухищрениями как бы вталкивается в форму идеального объекта, там же, где это не удается, выступающие детали отсекаются либо технически, либо теоретически: их считают артефактами» [Василюк, 2003, с. 86].

Роль идеальных объектов при экспериментальной проверке гипотез всегда (и в естественно-научном познании тоже) была иной: они в качестве гипотетических конструктов опосредствовали теоретическое объяснение и эмпирический факт, реализуя прорыв в обобщении, а именно задавая объяснительную часть в эмпирической гипотезе, где присутствуют измеряемые переменные и вид отношения между ними, но никак не объяснение этого отношения с содержательной точки зрения. Кроме того, здесь важно различение естественных, искусственных и лабораторных экспериментов в психологии. Только применительно к последним обсуждается возможность операционализации психологического понятия (конструкта) в методических процедурах, причем с принятием всех условий ограничения в обобщении — оно распространяется при таком типе экспериментирования на модель, а не на реальность, предположительно описываемую моделью. И путь от вывода о действенности (адекватности) модели на основе экспериментальных данных к ее объяснительным возможностям по отношению к психологическим реалиям в жизни здесь гораздо более долог (через сопоставительный анализ с другими теориями).

Если же иметь в виду павловские схемы экспериментирования, то соответствующие споры (приемлемости такого пути для психологии)

завершились полвека назад, когда после знаменитой павловской сессии на совещании 1952 г. психологи устами Б. Теплова обосновали неприменимость павловской парадигмы для психологии и экспериментального исследования психологической реальности. В известной работе Теплова «Об объективном методе в психологии» критерием объективности выступило соответствие средств и организации исследования сути проверяемых психологических гипотез. И не случайно, что сопоставлять павловский метод в психологии можно только с бихевиоральным, что и делает Василюк: «Скиннер справедливо обвинял Павлова в создании “концептуальной” нервной системы, а сам, как мы видим, создал “концептуальную” среду» [Василюк, 2003, с. 130].

Это справедливое замечание в сторону метода теории условных рефлексов никоим образом не может распространяться на те формы концептуализации, которые экспериментально проверяются как психологические модели. В психологическом эксперименте они соотносят деятельность испытуемого с теми другими видами деятельности, на которые будет распространяться обобщение, а не с идеальными объектами. Идеальные объекты — составляющие теоретического объяснения, а не переменные в экспериментальной модели.

8.2. Подходы к пониманию закона в психологии

8.2.1. Проблема статуса и сути психологического закона

Начнем рассмотрение этой проблемы с того момента, на котором мы остановились в предыдущей главе, — представлений о законе в психологии XX в., когда в период после кризиса ассоциативной психологии образовались новые психологические школы. Но сначала важно указать, что отношение к понятию закона как к строгой закономерности, предполагающей причинно-следственный характер психологических связей и действующей «всегда и везде», было разным в связи с разделением психологии на области «низших» и «высших» душевных процессов или явлений. Разделение психологии на описательную и объяснительную произошло не по дильтеевскому критерию отказа от звена «спекулятивных» гипотез (см. далее главу 9), а по типу научной практики, различающей решение вопросов о феноменальных свойствах явлений и вопросов об их детерминации.

В статье «Закон и эксперимент в психологии» К. Левин, реализуя идею перехода к галилеевскому мышлению (т. е. классическому представлению о разделении дедуктивно полагаемых идеальных объектов, воздействующих сил и описываемых с их помощью взаимодействий

между реальными явлениями), ввел в психологию представление о *кондиционально-генетических законах* [Левин, 2001а]. Тип «научной практики», которая, по его мнению, всегда важнее «философской идеологии» исследователя, привел к пониманию, что психологические закономерности, выходящие за область психологии ощущений (и далее идущие к процессам памяти и мышления, воли и чувств, т. е. высшим в традиционном[1] разделении видов психических явлений), описываются скорее «полузакономерностями» или регулярностями с достаточной долей отклонений от нормального их протекания. Включение статистических методов для оценивания разброса данных привело к тому, что в метод обоснования (доказательства законообразного их характера) был введен критерий количества данных.

Этому Левин противопоставил «другую веру в закономерность психического», основанную на содержательном развитии психологических знаний. Апеллируя к представлениям Фрейда, вюрцбургской школы, гештальттеории, он противопоставляет ушедшей эпохе «психологии элементов» эпоху «психологии целостностей».

Сущность закона должна соотноситься не с понятием множества (случаев), а с понятием *типа*. Для научного описания в принципе достаточно одного случая, если он является индивидуальным представителем типа. Тип же отражает каузальные связи в ситуации, или каузально-генетические свойства, которые не сводятся к феноменальным свойствам явлений, доступных непосредственному восприятию. Вывод закономерности на основе множества случаев — проблема индуктивного обобщения. На основе же содержательного развития теории возможно различение динамических факторов, одинаково причинно действующих в различных ситуациях. То есть закон может кондиционально-генетически объяснять последовательности внешне совершенно разнородных процессов как представляющие один и тот же тип. И напротив, внешне (фенотипически) схожие процессы могут существенно отличаться по структуре своей каузальной обусловленности. Распознавание «действительных» целостностей, по Левину, — это и есть предпосылка «для установления законов психических процессов». Закон отражает тем самым каузально-генетический тип процесса. Решающим для каузально-генетических взаимосвязей является «величина и длительность существования системы сил,

[1] На современном этапе традиционным такое разделение уже не является, поскольку в каждой области изучения психологической реальности представлены разные уровни ее регуляции — натуральные и высшие, непосредственные и опосредствованные процессы и т. д.

определяющих обсуждаемый процесс. Однако мы не имеем здесь возможности вдаваться в этот вопрос о зависимости целостных процессов от динамических в узком смысле слова факторов» [Левин, 2001б, с. 124].

Учитывая концептуальные положения школы Левина, можно говорить о формулировке им понятия *кондиционально-генетического закона* как динамического закона (в представлении сил психологического поля). И в этом понимании важны обе составляющие: 1) общая, связанная с пониманием закона как сущности явлений, относимой к их причинно-следственному генезу; 2) специальная для этой теории составляющая — представление о целостностях и динамических силах, стоящих за каузальностью. Таким образом, эта первая развернутая трактовка психологического закона в период дифференциации психологических школ показывает, что без содержательного, т. е. концептуального представления психологических понятий говорить о законах в психологии бессмысленно. В последующем развитии психологических методов вероятностной оценке стали уже подвергаться не законы, а статистические гипотезы, отделенные от уровня психологических гипотез и претендующие только на выполнение одного из условий причинного вывода: оценки достоверности, или значимости результатов, с точки зрения отвержения гипотез о том, что переменные не связаны.

Иной тип психологического закона был предложен в концепции Ж. Пиаже. Он рассмотрел закон как «логическую координацию», относимую к тем или иным психологическим (онтологическим) реалиям. За таким пониманием стояли три методологических основания. Во-первых, декартовское *causa sive ratio*, что означает утверждение причины мыслью, а не выведение закона из природы. Во-вторых, общая методология, которой придерживался Пиаже: принятие той позиции, что логика может выступать средством описания структур интеллекта, и в представлении процессов адаптации и аккомодации уравновесить биологическую и психологические составляющие причинного объяснения. В-третьих, этот психолог был одним из немногих, кто последовательно реализовывал идею *атеоретичности психологического подхода*, который черпает свои основания именно из области эмпирии, не будучи отягощенным использованием тех или иных теоретических понятий. О мнимости такого рода методологии как «атеоретической» писал уже Выготский [Выготский, 1982б].

Развитие психологии в школах XX столетия показало, что психологические законы действительно необходимо стали определяться по-

средством использования понятий, раскрывающих содержание теоретической гипотезы о происхождении процесса. То есть Левин оказался прав если не в смысле определения каузального статуса закона, то в том, что о его сути нельзя говорить безотносительно к содержанию психологической теории. А содержание теорий действительно не совпадало в разных школах. Не динамика сил поля, а механизм опосредствования был предложен Л. С. Выготским для понимания происхождения и структуры высших психических функций. И закон, названный впоследствии законом «параллелограмма развития», не может сводиться к его внешнему выражению, а фиксирует определенное объяснение этого внешнего выражения отнесенностью к становлению стимулов-средств, преобразующих структуру психической функции.

8.2.2. Дискуссия о психологическом законе в отечественной психологии

Представление о причинности, связываемое с теми или иными психологическими законами, обеспечивало общность закона для определенных областей психологической реальности, подпадающих под соответствующее объяснительное действие закона. Но сформулированное для одной области понимание причинной обусловленности обычно имело тенденцию распространяться вширь. Так произошло с категориями гештальта, комплекса, психологической защиты и др.

Наряду с этим в отечественной психологии постепенно утвердилось иное методологическое представление — об *уровневой представленности психологических законов* и парциальном характере их действия (применительно к отдельной области психических явлений). Это положение было сформулировано Б. Ф. Ломовым в статье, начавшей дискуссию 1982 г. Апеллируя к марксистско-ленинской теории отражения, он сформулировал следующую проблему: как соотнести положение о субъективном характере психического отражения с задачей объективного изучения психики — раскрывать объективные законы объективными методами. Сделать психологию «описательной наукой», т. е. замкнуть ее непосредственно во внутреннем опыте, — это значит противоречить идее о том, что психическое включено во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира и подчинено объективным законам. При этом автор основывается по существу на преодолении постулата непосредственности в подходе С. Л. Рубинштейна, что мы обсудим в следующем параграфе.

Утверждая далее, как и Левин, большую вариативность и изменчивость психических явлений, он, однако, иначе понимает соотношение явления и сущности: изменчивость называется им «существенной» характеристикой психического отражения, а раскрытие закона означает установление «общего» (с имманентным происхождением индивидуальных проявлений). Из дальнейшего текста следуют разные выводы: общее выступает и как повторяющееся, идентичное, и как необходимое. Вместо каузально-генетического определения общности, которое мы наблюдали у Левина, здесь мы видим иную классическую формулировку, с которой связывается следование методу материалистической диалектики в психологическом исследовании: «...раскрывать единство в многообразии, общее — в единичном, устойчивое — в изменчивом, существенное — в явлении, необходимое — в случайном» [Ломов, 1982, с. 21].

Выход за пределы одномерных линейных схем в понимании закономерности как детерминированности психических явлений Ломов связывает с разделением психологических законов в соответствии с уровнями психического. Законы раскрывают разные «измерения» психики, берут ее в разных срезах, или плоскостях. Таким образом, необходимо выделять законы, объясняющие психическое на уровнях:

- элементарных зависимостей, рассматриваемых изолированно от системы психического в целом (законы ассоциаций, памяти, психофизический закон);
- динамики психических процессов (ощущения, восприятия, мышления);
- «механизмов» формирования психических явлений (установки, творчество);
- процессов психического развития (стадии интеллекта, гетерохронное развитие психических функций);
- оснований психических свойств человека (нейрофизиологические основания свойств темперамента, деятельность как основание ряда черт психического склада личности);
- закономерные отношения между разными уровнями организации психических процессов и свойств.

Итак, законы раскрывают разные аспекты психического и выявляют «существенные, устойчивые, необходимые связи в какой-то одной, определенной и ограниченной плоскости». Они действуют при определенных условиях и допущениях, что делает их «узкими, неполными и приблизительными» (ленинская характеристика). То есть зависимость от причинно-действующих условий понимается здесь совсем в ином ключе — узости объясняемого круга явлений, установления границ сферы действия закона, а не отнесенности явления к типу.

Критикуя бихевиоризм за следование линейному и непосредственному пониманию причинности, Ломов видит следующий шаг научного объяснения в установлении вероятностного детерминизма. Однако и по отношению к такому объяснению выдвигается существенный критический аргумент: вероятностное описание дает лишь внешнюю характеристику возможностей поведенческого акта, но не содержательную. Содержательное же причинное объяснение предполагает опосредствование внешними и внутренними условиями. Однако действительно авторское добавление связано с другим: пониманием причинно-следственных связей в сложных системных объектах как опосредствованных реальными функциями конкретных звеньев системы. Далее, в главе, посвященной принципам психологии, мы вернемся к пониманию системного подхода Б. Ф. Ломовым. Сейчас только отметим следующее: этим реальным функциям (звеньям системы) противопоставляется «трясина неопределенности». То, что именно неопределенность может рассматриваться в качестве условия развития самоорганизующихся систем, — завоевание следующих этапов развития методологии науки и неклассической психологии в частности. Причем этапность здесь действительно гетерохронна.

То понимание, что в качестве причин поведенческого акта обычно выступает система событий, или ситуация, связывается Ломовым именно с системным подходом. В концепции К. Левина это также логично следовало из психологической теории поля. Признание же, что система может быть саморегулирующейся, оценивалось как «значительные трудности в познании объективных законов психики» [Ломов, 1982, с. 27].

Упорядочение законов — следующая цель методологического анализа, по Ломову. Раскрывая слой за слоем, диалектика познания ведет исследователя от сущности первого порядка к сущности второго и т. д. Однако непонятно, в чем продвижение, если не определена специфика психологического объяснения на каждом из этих уровней — апелляция к системообразующему фактору (см. главу 10) не ставит границ причин и следствий. Кроме того, положение о необходимости разведения уровней психологических законов в соответствии с уровнями психических реалий не решает проблемы объективности закона. Однако в дискуссии автору были высказаны другие замечания.

На понимание сути психологического закона влияла также идея двух психологий — понимающей и объяснительной, психологии простого и психологии сложного, «поэлементной» и «целостной». По мнению Ф. В. Бассина, продолжившего дискуссию в «Психологическом журнале», это двойное отношение к закону присутствовало у А. Бергсона, Л. Бинсвангера, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж. П. Сартра, М. Фуко и до создания «психологии судьбы» Л. Сцони, а пересматриваться стало только в 1930–1940-е гг., причем эта ревизия шла «не столько от психологии как таковой, сколько от ее клинических приложений, образовавших в дальнейшем так называемое психосоматическое направление в медицине» [Бассин, 1982, с. 147]. В отличие от линий, намеченных Дильтеем и Шпрангером, психология пошла в дальнейшем по другому пути: анализа элементарного сквозь призму сложного. Апелляции к диалектике и системности строения психического стали методологическим основанием такого видения закона, когда и в законы о «простых» феноменах стал включаться контекст личностного отношения человека, значимости на уровне любого психического процесса. Стоящий за этим смысловой аспект (или производные «семантики отношений субъекта к окружающему миру и к самому себе») стал общим основанием, позволившим преодолеть демаркацию между двумя уровнями законов и показать фиктивность такого их подразделения.

Особой заслугой Ломова Бассин назвал постановку проблемы межуровневых отношений, отдавая здесь дань первенству законов, описанных в школе Д. Н. Узнадзе. Относительно логики психологического закона важным стало (в отличие от позиции «логической координации») ограничение ее места в следующем смысле: закон не должен давать абстрактную модель действительности (представимую в формально-функциональных связях), а должен быть обращен к содержательно-смысловой ее стороне, что и выражается аспектом «значимости». Закон отражает пусть и неполно, но все же объективные аспекты психических явлений.

Цели, мотивы, решения выбора — вот то направление «системообразующих факторов», относительно которых должна совершаться специальная активность субъекта — в их осознании и формировании личностного к ним отношения, — чтобы признать за ними эту функцию. За этим замечанием Бассина как участника дискуссии можно видеть опасение формализации понятия закона в рамках системного подхода, если будет утеряно содержательное наполнение соответствующих психологических понятий. Другое замечание — то, что отношение к понятию бессознательного наименее освоено в представлении о психологическом законе.

В рассматриваемой дискуссии была также поднята проблема математического описания психологических законов. А. Н. Лебедев и И. В. Москаленко отметили, что психологии предстоит еще долгий

путь развития в сторону естественно-научного понимания закона [Лебедев, Москаленко,1982]. В законах естествознания достигнута такая степень обобщения знаний, когда немногие фундаментальные соотношения, простые в своей основе, ясные для понимания и предсказывающие результаты наблюдений и опытов, раскрывают суть явлений, что и позволяет назвать их законами. Другая область исследований опосредует путь к психологическим законам — психофизиология с ее исследованиями нейронных кодов разнообразных психических процессов, переживаний и других явлений. По существу, это обращение к старой психофизиологической проблеме на новом уровне знаний.

8.3. Изменения в понимании причинности в связи с освоением марксистского наследия

8.3.1. Закон как аспект психологической теории и как методологический аспект понимания детерминации

Итак, каузальность в житейском смысле включила предположение о детерминации одного явления или события другим (другими) в том варианте, как его предуготавливают понятия целевой или воздействующей причины, реализующейся к тому же в определенной пространственно-временной развертке. В житейском взгляде на проблему детерминации (применительно к психическим явлениям) она выглядит так, как это диктует «классическая» картина мира в соответствии с естественно-научными представлениями Нового времени: причина действует во времени и пространстве, а знание причин события дает нам «истину». Переход к неклассическим теориям в психологии будет обусловлен и изменением в понимании психологической причинности, и возникновением неклассических представлений о детерминации в рамках философско-методологического анализа.

Эти изменения обозначались в круге вопросов, контекст которых задавал необходимость обращения к понятию детерминации. Введение Л. С. Выготским понятия опосредствованности изменило представление о детерминации развития высших психических функций. Причем оно обосновывалось в ином круге обсуждаемых вопросов, чем аристотелевское представление причин или галилеевское, связываемое К. Левиным с пониманием кондиционально-генетического закона. Кризис психологии отразил в том числе и ориентированность разных школ на раскрытие психологических законов (детерминации, развития), в которых прослеживается изменение предмета психологического анализа при сохранении прежнего классического представления о причинной обусловленности событий. Культурно-историческая психология ввела в представления о детерминации идею знакового опосредствования, к чему мы обратимся позже (см. главу 10). Пока же остановимся на следующем.

Психологические законы невозможно рассматривать в отрыве от психологических теорий, в рамках которых формулируются объяснительные принципы. Но построение закона можно обсуждать и как методологическую проблему, связанную с онтологическим или иным его статусом, в связи с определенным психологическим пониманием каузальности и генеза явлений, в системах разных психологических понятий и разных проблем психологии. Однако изменения в обобщениях представлений о причинности и детерминации связаны не только с развитием научного знания и становлением тех или иных психологических теорий. Они становятся необходимыми линиями обсуждения в философско-методологическом переосмыслении возможностей понимания и познания бытия, если в него включается человек.

Рассмотрим с этой точки зрения два подхода, развивавшиеся С. Л. Рубинштейном и М. К. Мамардашвили и отразившие новые методологические линии включения человека в общую цепь причинных событий. Последовательность изложения определяется при этом не только историческим контекстом работ этих авторов, но и степенью их разрушительности для классической картины мира и человека в нем.

8.3.2. Проблема причинности в подходе С. Л. Рубинштейна

С. Л. Рубинштейн называл проблему причинной детерминированности явлений «центральной узловой проблемой научной методологии» [Рубинштейн, 1973, с. 358]. Он видел основания индетерминистских концепций в том, что им противостоял в основном механистический детерминизм. В крайней форме лапласовского детерминизма это означало распространение на все явления механистического способа детерминации. Свобода воли — основной пункт, который при таком понимании причинного детерминизма оказывается наиболее слабым звеном.

Этот пункт дополнялся в ряде концепций другими основаниями. Во-первых, наиболее освоенным с точки зрения марксистской методологии оказался принцип существования не только необходимого, но и случайного. Вероятностное понимание причинности ввело принцип случайности в схемы детерминистского понимания внешнего мира. Применительно к поведению человека этот принцип реализовывался двояко. С одной стороны, он выступил в признании существенных влияний со стороны факторов ситуации на проявление законов в реалиях

человеческой деятельности. С другой — он породил двойственность в понимании детерминации именно поведения человека: в единичном событии может проявляться свобода воли или случай, но в совокупности действий людей эти «случайности» складываются в целостную картину «законообразия». Необходимость действия закона как причинного обусловливания поведения осуществляется тем самым как бы в обход сознания.

Сам Рубинштейн видел большую проблему в способе решения вопроса о свободе человека, предложенном экзистенциализмом. В книге «Человек и мир» он неоднократно сопоставляет свое решение с тем, которые дают Хайдеггер и др. В частности, это касается понимания ситуации. Освобождение от наличного, данного, связывается в экзистенциализме с понятиями «проекта» и *Da-Sein* — «тут бытие». Замыслы человека, исходя из будущего, детерминируют его поступки, минуя сферы прошлого и «человеческой природы». Непосредственно своим действием человек становится тем, что он есть. Но его свобода — это свобода отрицания, означающая в отношении к причинности абсолютную дискретность без всякой преемственности.

Свое решение проблемы свободы человека Рубинштейн обосновывает в контексте совершенно нового принципа понимания причинности, заложенного в идею бытия человека в мире. «Центральное положение заключается в том, что по самой своей природе психические явления включаются в причинную взаимосвязь бытия одновременно и как обусловленные, и как обусловливающие. Они обусловлены объективным действием условий жизни, но осуществляют регуляторную функцию по отношению к движениям, действиям и поступкам. Сознание не отделяет, а связывает человека с миром. Практика и действия обеспечивают бесконечность процесса проникновения человека в мир, приобщения к нему и вместе с тем его изменения» [Рубинштейн, 1973, с. 360].

Проблема свободы воли при этом должна рассматриваться в трех разных аспектах. Первый связан с введением понятия самоопределения как роли внутреннего в детерминации поведения. Это один из аспектов реализации принципа, получившего название «внешнее действует через внутреннее». Второй аспект — обсуждение свободы личности в обществе. Третий — свобода контроля сознания над стихией влечений (восходящий к концепции Спинозы).

Таким образом, проблема причинной обусловленности включена в концепции Рубинштейна в более широкие методологические принципы соотношения сознания и деятельности, внешнего и внутреннего. Эти принципы хорошо известны психологам и представлены в конкретных исследованиях. Но их реализация включена и в другие методологические парадигмы преодоления постулата непосредственности в понимании причинности. В теории деятельности А. Н. Леонтьева принцип внутренней детерминации заострен на ином понимании роли внутреннего: «Внутреннее действует через внешнее» [Леонтьев, 1975, с. 181]. Позиция Рубинштейна рассматривается при этом как один из вариантов введения промежуточных переменных, в роли которых и выступает внутреннее. Хотя сам автор книги «Человек и мир» также пришел к мысли о понимании внутренних условий как причин: «Строго говоря, внутренние условия выступают как причины (проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития), источники развития находятся в самом процессе развития как его внутренние причины, а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства» [Рубинштейн, 1973, с. 290].

«Система сменяющих друг друга деятельностей» выступила для А. Н. Леонтьева тем опосредствующим звеном, благодаря которому преодолевался *постулат непосредственности* [Леонтьев, 1975, с. 81]. Это различие предмета психологического анализа в двух вариантах деятельностного подхода является существенным. Для Рубинштейна предметом психологического анализа выступали психические явления и процессы, категория же деятельности была объяснительным принципом. Для Леонтьева категория деятельности — не столько объяснительный принцип, сколько то пространство жизни, в рамках которого и реализуются причинно-следственные связи взаимообусловливания «деятельность — сознание — деятельность».

Изменения причинного ряда распространялись Рубинштейном вглубь и за пределы как налично данного, ситуативного, так и собственно личностного, осознаваемого. В концепции Леонтьева взаимопереходы между полюсами «субъект — объект» осуществляются в процессе деятельности, для которой нет необходимости конституировать особые формы бытия причинности. В то же время в концепции Рубинштейна причинность включалась в развертывание событий на целостном континууме «бытия-сознания», предполагая следующую онтологизацию психического.

Понимание человека как созидающего и действующего существа возвращает его в мир, в бытие, которое не может теперь охватываться только понятием материи. Сознание, согласно Рубинштейну, не «меньшая» реальность, чем материя. Сознание — не внешний придаток, а включенная в ряд бытия объективная реальность. Причинный ряд охватывает весь континуум «бытия-сознания». Бытие является человеку

в чувственной данности. Тем самым восприятие и действие (жизнь) человека выступают как взаимодействие, соприкасаясь с поверхностью сущего, существующего. Это становится и исходным пунктом для теории познания, и основанием включения человека (и сознания) в единую причинную цепь событий. То есть нельзя теперь отдельно рассматривать причинность для мира внешнего и мира внутреннего; причинность задана единой общей детерминацией.

Возвращаясь к проблеме критики понятия ситуации в гештальтпсихологии и подходе Хайдеггера, Рубинштейн подчеркивает, что ситуация всегда включает в себя что-то еще — пробелы, которые будут заполнены в ней человеком. Ситуация связывает прошлое и будущее, она «неизбежно есть выход за ее пределы». Иллюзия, приравнивающая свободу к индетерминизму, следует, согласно автору деятельностного подхода, из смешения понятия недерминированности наличным бытием с недетерминированностью вообще. На самом деле возможности человека определять свое будущее связаны с развитием предшествующих этапов его жизни, каждый из которых ранее был будущим.

Из понимания соотношения человека с миром как объективного отношения следует также расслоение единого понимания причинности на следующие основания. Во-первых, разведение причин-условий и причин-процессов. Во-вторых, изменение традиционного представления о единой временной оси в каузальности. В-третьих, это определенное понимание опосредствования как действия внешнего через внутреннее.

Причина, порождающая следствие как изменения в объекте, дает разные эффекты в зависимости от внутренних условий. Природа объекта, его состояние изменяет ее влияние. Более того, суммарный эффект действия разных причин не аддитивен, общее следствие не равно сумме отдельных следствий. Возникают также обратные причинно-следственные отношения: «1) действие следствия на причину заключается в том, что изменяется сама причина; 2) обратные связи изменяют чаще не саму причину, а лишь условия ее действия» [Рубинштейн, 1973, с. 290].

А. Н. Леонтьев также обращался к понятию *обратной связи* (в работах Ланге, Бернштейна и современной кибернетике), демонстрируя общенаучное значение принципа обратной связи и в то же время его недостаточность — при принятии двучленной схемы причинного анализа — для объяснения детерминации психического.

В концепции Рубинштейна важным также явилось понимание причины в контексте понятия возможного. Неразличение происходящего случая и обобщения как выражения в понятии этого единичного случая служит основанием сведения причинности к возможному. Так,

логический эмпиризм выводит причинность за рамки сущностного. Но причинные связи — это, согласно Рубинштейну, не обобщения. Они существуют в действительности, поскольку действительным выступает только то, что воздействует на другое, что участвует во взаимодействии и является единством внешнего и внутреннего. Принцип причинности выступает, таким образом, для Рубинштейна не аспектом познавательного отношения к действительности, а принципом бытийного раскрытия детерминизма, позволяющим представить саму категорию действительности. «Таким образом, причинность неразрывно связана с самим существованием и его сохранением, самое существование есть не только состояние, но и акт, процесс» [Рубинштейн, 1973, с. 288].

С утверждением процессуальности связано важное изменение в понимании принципа детерминации. Апеллируя к понятию «самодействия» в физике, Рубинштейн говорит о воздействии объектов на самих себя, в результате чего они и выступают как определенные тела. Такое самодействие возможно только внутри системы. Закон сохранения причинности в физике означает сохранение субстанциональности внутри причины. Эта «процессуальная» причина порождает некоторое отделяющееся, обособляющееся от нее следствие.

Закономерно протекающий во времени процесс в связи с вещным предметным характером окружающего внешне начинает члениться на причину и следствие. Детерминация на уровне мышления движется по поверхности, за которой, в ее глубинном слое, реализуется «причинение» (как передача действия по цепи причинности).

Процессуальность причинности — тот аспект изменения представления о действующей (воздействующей) причине, который позже был реализован в отечественных общепсихологических подходах к анализу мышления, в первую очередь в школах О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского, представляющих развитие разных деятельностных подходов — А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна. Это выразилось в переходе к микроанализу процессов регуляции в мыслительной деятельности человека. Замена же постановки вопроса о том, как мыслит мышление, вопросом о том, как мыслит человек, привели к следующим шагам — признанию выхода детерминации не только за рамки собственно мыслительного процесса (в частности, в мотивирующую сферу сознания, как то предполагал Выготский, в ситуацию общения и т. д.), но и за рамки схем «до — после». Наряду с переинтерпретацией активности субъекта в саморегуляции мышления эти изменения в исследовательских схемах позволили ученикам говорить о зарождении постнеклассической парадигмы в названных школах [Клочко, 2003; Знаков, 2003].

Рассматриваемый далее подход представляет скорее школу мышления, а не исследовательскую парадигму. Эта школа важна для представления изменений в методологическом понимании причинности не столько потому, что ее автор М. К. Мамардашвили читал курс методологии психологии (на факультете психологии МГУ), сколько потому, что она задала те новые горизонты в развитии представлений об источниках психологической причинности.

8.3.3. Методологический подход М. К. Мамардашвили

Системно-причинный подход, предложенный М. К. Мамардашвили, опирался на аналитический метод и концепцию превращенных форм К. Маркса. Первоначально схема метода восхождения от абстрактного к конкретному была применена им к анализу содержания и форм мышления (Мамардашвили, 1968). Несколько позже ориентировка на решение вопросов о роли предметной деятельности и конструктивной роли сознания привела философа к идее амплификаторов развития, вплотную связанной с изменением понимания причинности. Поскольку его методологические работы издавались малыми тиражами, мы представим интересующую нас проблему по одной из них, обращаясь к авторскому тексту.

«Классический и неклассический идеалы рациональности» — сравнительно небольшая по объему монография философа, вышедшая в 1984 г. (после гораздо лучше знакомой психологам совместной его статьи с В. П. Зинченко 1977 г.), к чтению которой психолог должен, казалось бы, быть готов лучше, чем кто-либо другой, именно благодаря выдвижению проблемы Наблюдателя и тем самым сознания человека в центр новой картины мира. Идея *многомерности и многоуровневости сознания*, проблема ограничения возможностей наблюдателя, феномен «третьих вещей» как предметно-действующих механизмов сознания (проблема артефактов) — эти и ряд других оснований пересмотра классической картины мира уже присутствуют в системе психологического знания. Но вместе с тем работа редко становится предметом освоения психологами. И дело здесь не только в трудности языка или стиля автора. Дело в том, что названные проблемы вводятся в круг совсем иных постановок вопросов. И проблема причинности здесь — лишь один из аспектов представления неклассической картины мира.

Как категория деятельности расширила для Рубинштейна рамки картины бытия (человека в мире), так категория сознания (включая, как говорит сам Мамардашвили, гениальную идею деятельности) видоизменила в неклассической картине мира представления о континууме внешнего-внутреннего и путях познания. Сама проблема взаимоотношения внешнего и внутреннего, включая идею причинности, была поставлена в ином ракурсе. Не принцип «внешнее действует через внутренние условия» и не имманентная процессуальная причинность усложняет схемы детерминации, а сознательный отказ от «физичности нашего мышления» [Мамардашвили, 1984, с. 47] — с иным возвратом человека в бытие — реализует принцип системной причинности по Мамардашвили. Построение иного пространства мысли, отличного от декартова пространства (с его противопоставлением «описания извне» и «описания изнутри»), рассматривается как назревший этап развития современной логики и методологии науки. Классическая картина мира при этом идет по пути простого переноса на человеческую реальность того континуума мыслительных операций и способов идентификации объектов, которые принципиально неприменимы к бытию человека в силу неустранимости такого «измерения» его, как сознание.

Признание необратимости процессов наблюдения и знания в силу неустранимости *зазора между миром как таковым* (без наблюдателя) и *миром уже воспринятым* (наблюдаемым) служит для Мамардашвили одним из оснований принципиального признания неопределенности как условия функционирования человека в мире. Этот зазор неустраним во временной перспективе, и в результате любого наблюдения или эксперимента будет оставаться неустранимая разница, которая «существует в силу той простой причины, что любые факты или проявления действия мира, нами воспринимаемые, даны нам всегда в результате каких-то далее неразложимых взаимодействий с миром, внутренней стороной которых является развитие нас самих в качестве вообще способных что бы то ни было выразить, участвующих, следовательно, в каком-то “языке”» [Мамардашвили, 1984, с. 70]. И дело не только в том, что действия мира при этом необходимо интерпретированы, но и мы сами уже не можем вернуться в прежнее положение; т. е. факт наблюдения создает неразделимость «внутреннего экранирования или индивидуации сознательными формами самих себя и внешнего пространства их наблюдения».

В силу этого зазора, в частности, причинность должна быть выведена за рамки временной оси. Указанная неопределенность порождает, таким образом, неразделимый континуум «бытия-сознания». И причинные пространственно-временные термины, как и термины построения сознательных смыслов о событиях и процессах в мире, функционируют только в этом общем континууме как совместной основе. «Тогда совершенно явно, что сам феномен осознавания или сознание как феномен,

принадлежащий этому континууму (т. е. сознание, которое находится в актуальном состоянии), окажется многомерным и многослойным» [Мамардашвили, 1984, с. 73]. В понимании единства континуума «бытия-сознания» Мамардашвили обращается не к позиции Рубинштейна, а к позициям Декарта и Маркса как зафиксировавшим два основных направления в понимании закона как обобщенного представления о детерминации — роли понятий о времени и истине.

Декарт поставил очень важную проблему временной дискретности бытия человека: «...то, что я есть сейчас, не вытекает из того, что я был несколько мгновений назад, и то, что я буду через несколько мгновений впереди, имея в голове или в руках мысль, — не вытекает из того, что я есть сейчас и двинулся в направлении этой мысли» [Мамардашвили, 1984, с. 64]. *Причину нельзя поставить во времени не только вперед, но и назад* — перед совершающимся событием (бытия или мысли). Континуум активности предполагает, чтобы Бог непрерывно, снова и снова порождал свои творения. Но если Бог порождает что-то в соответствии с какой-то истиной, значит, есть что-то превыше его, а этого допустить нельзя. Поэтому, считает Декарт, истиной следует считать именно то, что Бог сделал, что установилось и как состояние мира, и как мысль, фиксирующая это состояние в нашем мышлении. Бог же в этом картезианском понимании не творит, а воспроизводит и сохраняет.

Напомним также, что для реализации активности тела (по Декарту) нет необходимости не только в предпосылке Бога, но и в предпосылке образа. Тело действует как автомат, а автомат не нуждается в образе окружения. Прерывистость причинности — как и все в картезианстве — двоякая. Материальные причины бытийствуют в мире тел. Божественные причины — в мире сохранения континуума бытия и мысли. И в этом содержится догадка об основной проблеме, которую обошла стороной наука Нового времени с рассмотренным ранее пониманием каузальности. Это догадка о том, что введение временной оси в цепь причинных событий делает неразрешимой загадку бытия мира и свободы действия человека в нем. Для Мамардашвили важен «онтологический смысл», или итог этого признания: ничто не предустановлено в виде закона, законы лишь потом устанавливаются. Но само движение мира и человека — это путь создания нового, новообразований.

Ни порядок в мире вещей, ни порядок (последовательность) мыслей не могут быть поняты в рамках идеи предустановленной гармонии. Ни добру и ни истине «не на чем держаться в естественном ходе природных явлений» (мы сказали бы, в естественно понятой причинности событий). Но человек кроме естественного совершает и второе рождение — искусственное, культурное. Он становится человеком в мире «третьих вещей», или артефактов. И здесь причинность уже иного характера — причинность, связываемая с неклассическим пониманием рациональности. Это причинность на уровне детерминации жизни и психики (человека как существа искусственного) «превращенными формами». «Превращенность» (а не истинность или ложность) форм, на которые ориентируется человек в своей деятельности, в которых феноменально представлено действие неизвестных ему законов, является «началом» и «источником» воспроизводства любого живого действия и мысли. Такое начало — как источник воспроизводства — не может быть положено на временную ось, оно уходит в континуум «бытия-сознания» как континуум живых форм, возникающих, развивающихся и умирающих.

Для Маркса, как показывает Мамардашвили, «радикально неклассический ход мышления, исключивший классическую прозрачность сознания или некоторую внешнюю систему отсчета, с которой любая система могла быть воспроизведена уже в рационально контролируемом виде, предполагает существование разных очагов самодеятельности в системах, разных локусов *noci* самодеятельности» [Мамардашвили, 1984, с. 63]. Человек экономический, о котором писал Маркс, живет естественно-историческим образом, не отражая в индивидуально взятой голове всех звеньев системы. Система же немыслима вне его деятельности, она включает его активность. Акты понимания и принятия решения таким сознательным агентом означают взаимодействия в рамках самой системы, не предстающей поэтому внешнему взору (как существующему в качестве прозрачной точки, не изменяющей систему), даже если он принадлежит сверхмощному уму. Итак, возникает участок неопределенности, не просматриваемый для сознательного понимания. Но это не мешает человеку действовать в таком мире. Нужно только изменить понимание того, как он действует в этом непрозрачном мире, в котором действуют также общие (социальные, экономические) законы. В рамках классически понятого рационального действия это невозможно (тогда надо было бы сделать константами мотивы, желания, интересы и т. д.).

Естественно-научное понимание каузальности функционирует в классической картине мира — там, где предполагаются разделенные субъект и объект познания, где субъект может перемещаться в любую точку наблюдения, являясь в то же время «прозрачным», т. е. не изменяющим систему связей. Из признания включенности субъекта как живого агента события следует невозможность классической процедуры рационального анализа; из гипотезы о многомерности сознания — разрушение про-

извольного детального подразделения причинной структуры как фундаментального допущения классического мышления.

Предположение о существовании адекватных действий, регулируемых не на уровне рефлексии, а на уровне их включенности в реальность бытия человека, изменяет понимание рациональности. *Классическое понимание рациональности* соотносит цели и средства. Законы социальные действуют на уровне полной рациональности. При этом полагается какая-то предустановленная гармония между законом и его проявлением в эмпирической точке пространства и времени. Свободно действующие индивиды реализуют вместе с тем рациональный закон. «Но это становится проблемой, если мы на полном серьезе возьмем факт существования, во-первых, свободы и, во-вторых, неопределенности» [Мамардашвили, 1984, с. 57].

Допущением, согласно Мамардашвили, должно быть не предположение о рациональном законе и предустановленной гармонии, а предположение о том, что ряд человеческих действий могут выглядеть избыточными. Наскальные рисунки, символические предметы — не утилитарны, но фактически детерминируют становление человека. Их роль — конструирование, т. е. конструктивная. Они определяют второе рождение человека — как существа культурного, «искусственного». Но означает ли, что такое введение категорий сознания и неопределенности делает невозможным научное познание вообще? Нет, по Мамардашвили это означает критичность в понимании, а также существенное изменение самого принципа причинности. Это совершенно необходимо для анализа проявлений человеческого сознания и деятельности и для анализа мира, для чего недостаточно просто единой причинной цепи событий.

Вернуть человека с активностью его деятельности и сознания в мир предлагал также С. Л. Рубинштейн. Но он оставил в своей картине мира классическую трактовку причинности (с такими нововведениями, как влияние следствия на причину, ее процессуальность, возможность анализа-синтеза в членении единой цепи событий на причины и следствия, а также принцип единства сознания и деятельности). Мамардашвили предложил возвратиться к Марксу, и для этого взять в качестве основной его идею *системной причинности* (существующей вне связи с временны́м, т. е. физикалистским ее пониманием). Он также считал необходимым домыслить способы бытия человека в естественно-историческом пространстве законов физических и социальных и ввел для этого понятие нового источника детерминации — «третьими вещами», которые являются и не идеальными (рассудочными сущностями), и не физическими телами, а чем-то третьим, что фокусирует вещественность или предметность действия, но не контролируется сознанием.

Классический принцип, от которого отталкивался М. К. Мамардашвили, был таков: рационально понимаемо то, что охвачено человеческим действием от начала до конца. Это принцип понимания вещей через понимание сделанного. *Неклассический принцип*, приходящий ему на смену: «понимание сделанным». У Л. С. Выготского этот принцип претворен в опосредствующей роли стимулов-средств. Мамардашвили особое место в этой сфере «понимания сделанным» отводит знаку.

А. В. Брушлинский указывал на интеллектуализм концепции Выготского, влекущий за собой идеализм в понимании развития сознания человека на основе конструктивной роли знака [Брушлинский, 1968]. На наш взгляд, понимание роли знаков как движения превращенных форм явно снимает обвинение в идеализме. И не только потому, что оно восходит к Марксу, а потому, что эти «третьи вещи» не являются идеальными, а указывают причинную детерминацию становления индивидуального сознания посредством освоения заложенных в них «превращенных форм».

Можно отметить, что, в отличие от Выготского, для Мамардашвили более важным является не принцип орудийного опосредствования (знак как психологическое орудие), а представление *артефактов как «органов» действия*. Понимание осуществляет не орган, а человек посредством органа. И имея этот орган, человек не обязан знать его устройство. Органы как артефакты «претворяют» в себе «движение понимания, которое теперь из них самих исходит и распространяется». Он приводит пример того, как Сезанн «мыслит яблоками», демонстрируя, как мы можем что-то узнавать о мире, не зная при этом тех состояний собственного ума, которые нам это знание дают. Понимание сделанным приводит к жизни «понимательные вещи», посредством которых человек и входит в качестве события в мир. Таким образом, как и в подходе Рубинштейна, человек продолжает законы мира. Но этим своим бытием он и определяет появление того зазора, который нарушает классическую картину отражаемого мира с его «прозрачным» внешним наблюдателем.

Сознание — в едином континууме бытия-сознания — оказывается существенно иным, чем в рассмотренной выше концепции Рубинштейна.

Обращение к проблеме *интенциональности сознания*, различение интенционального объекта («имеемого в виду» интенцией, которая сама себя не сознает) и рефлексивного сознания (знания состояния ума) по-

зволяет осваивать «мир возможностей человеческого сознания» по принципу проективной модели. То, что в познаваемом объекте недоступно когнитивным структурам, заполняется феноменально, привнесением тех или иных модусов или интерпретаций. Условиями понимания выступают при этом не только физические. «Предметно-вещественная работа нашей собственной деятельности» выступает носителем тех зависимостей, которые мы реализуем по отношению к нашим поступкам, мотивациям и т. д. Таким образом, деятельно изменяется не только мир внешний, но и мир субъекта. Назвать это изменениями только внутренних условий в концепции Мамардашвили нельзя, поскольку действенным (и воздействующим в системе) оказывается сам этап отображения субъектом условий.

Здесь очень важно обращение к различию социальных систем и того, как они отображаются субъектами, наделенными сознанием. Многообразие отображений, в свою очередь, выступает элементами системы, которые преобразуются, вызывая к жизни то, что Маркс называл «превращенными формами». «Рядом преобразований или превращений они закодированы в индивидах так, что они, эти преобразования, превращения, опущены, и индивиды в своих действиях исходят из чего-то, как совершенно непосредственно данного, очевидного и достоверного» [Мамардашвили, 1984, с. 49]. В восприятиях и действиях индивида реализуются составляющие системы.

Мысля абстракциями, люди реализуют действия или свойства целостной системы, в которую они включены. Демонстрируется это, в частности, следующим примером. Так, мы мыслим абстракцией классов, но в феодальном обществе воевали не классы, а люди. Они к тому же не относили себя к тем классам, которыми мы их маркируем. Поставить себя на место агента (действующего субъекта) в феодальном обществе человек XX в. не может. Кроме того, наше мышление объективирует в нем классы, т. е. онтологизирует познавательные структуры. Таким образом, в познании сущности феодального общества необходимо произойдет редукция. Следовательно, необходимо приостановить наше «объективирующее мышление», порождающее призраки («классов» и др.), и обратиться к феноменологическому уровню. Но что позволяет говорить о феноменальной данности тех или иных явлений?

Другими словами, как можно обойтись в научном познании без идеальных абстрактных объектов? Как вернуться к анализу эмпирического опыта и не подменить рефлексией познающего «Я» то, что оно фиксирует? Ведь мы (по Мамардашвили) уже пустили «Я» в мир, а значит, не можем одновременно фиксировать и его движение (рефлексивный акт), и содержание нашего утверждения. Выход намечен в том пространстве (в обращении к бытийности) человека в мире, о котором свидетельствуют адекватные действия, осуществляемые без наличия сознательной цели (и сознательного контроля) от начала до конца действия. В этой связи рассматривается концепция Узнадзе. Так, в установке проявляется понимание без осознания, психологически никак не категоризируемое.

Наблюдение феноменов и процессов сознания, которые не объяснимы без допущения их бытийного уровня, — это путь познания, которым, кроме Узнадзе, шли немецкая философия того времени и частично в русской философии Вл. Соловьев[1].

8.3.4. Критерий неклассической картины мира по Мамардашвили

Переход к *неклассической картине мира* — это отказ от идеи вечных и неподвижных истин, положенной в основу понятия закона (что в качестве проблемы увидел уже Декарт). Маркс изменил функцию деятельности, в которой и устанавливаются связи, называемые потом законами. Активность в картезианской схеме — это воспроизводство и сохранение. Активность, согласно марксистской теории человека, — это воспроизводство конструктивных новообразований — «третьих вещей» (по отношению к миру физическому и миру идеального), являющихся культурными горизонтами. Простым примером здесь является использование колеса. Не законы физики определяют его использование человеком, а его конструктивное мышление, включенное в реальные бытийные связи. Эти «третьи вещи» Мамардашвили называет «континуально действующими предметно-вещественными механизмами сознания», связывая именно с ними возможность полного понимания. Сконструировав эти предметы, мы видим и понимаем мир с их помощью.

Активность в методологических подходах, реализованных в теориях деятельности, — это деятельное связующее звено, возвращающее человека в систему связей с миром, включающим в том числе и роль его сознания. Целостный континуум бытия-сознания присутствует в обеих рассмотренных схемах философского анализа. У Мамардашвили путь возврата человека в мир бытия иной — это путь возврата в целостную систему, где действует принцип системного детерминиз-

[1] «В современной психологии такие же вещи наблюдаются и в так называемых экстремальных ситуациях, когда точное действие совершается без какой-либо рефлексии, как бы в подвешенном состоянии субъекта, вынутого вообще из пространства и времени, где время остановилось» [Мамардашвили, 1984, с. 55].

ма. Но обобщение этого принципа предполагает не только системно-причинные связи, но и неклассическое (расширенное) понимание рациональности. Многомерность сознания порождает в этой системе такие эффекты взаимодействия «многоразличных слоев», что они не могут быть положены в единую цепочку причинной связи в реальном времени и пространстве. Эти *эффекты системности* означают следующее: многоразличные слои срабатывают вместе и мгновенно, а состояние системы сворачивает и упаковывает себя (или разворачивает) в одновременно срабатывающую иерархию слоев. Это не может быть понято наглядно и предполагает отказ от классического понимания рациональности. «Их онтологический статус непредставим в предметном языке» [Мамардашвили, 1984, с. 76].

Отметим также, что невозможно и их структурно-функциональное рассмотрение, как то предлагается принципом системного анализа в другом его варианте, восходящем к работам Л. фон Берталанфи и наиболее полно освоенном в отечественном методологическом подходе Б. Ф. Ломова [Ломов, 1984]. Именно этот вариант наиболее известен психологам в рамках разработки принципа системности. Он занимает достаточное место в учебниках, представляющих систему принципов в психологии [Петровский, Ярошевский, 2003]. В нем нет основного отличия системной причинности — представления о необходимости той избыточности, которая характеризует мир деяний человека, и того естественно-исторического бытия «третьих вещей», посредством которых человек и ориентируется в мире, где действует причинность, включающая его собственные преобразующие действия.

Ориентировка на так понятую причинность, как она предстала в рамках неклассической картины мира, не прямо связана с развитием так называемой неклассической психологии, как она предстает в подходах к пониманию личности и сознания. Но концепцией Мамардашвили уже заданы те связующие нити между метапсихологическими категориями и экстрапсихологическими (в терминологии цитированного учебника по теоретической психологии), которые необходимо меняют представления и об объяснительных принципах применительно к уровню базовых категорий.

Глава 9. Парадигмы и дихотомии в психологии

9.1. Психология описательная и объяснительная

Термин «описательная психология» в литературе утвердился после выхода в 1884 г. в свет под этим названием работы выдающегося немецкого философа-идеалиста Вильгельма Дильтея (1833–1911). Это было время господства ассоцианизма, взаимопроникновения идей физиологической психологии и психологии сознания, но также и время после выхода основополагающих трудов Г. Фехнера (1801–1887) и Г. Эббингауза (1850–1909), когда появилась надежда на разработку объективного метода исследования в области психологии. Спор между описательной и объяснительной психологией часто связывают с противопоставлением имен Дильтея и Эббингауза (с его ориентацией на то, что психология может строиться по принципу использования экспериментального метода и быть наукой объяснительной; «экспериментом» тогда был психофизический и ассоциативный). Надо сказать, что сам Дильтей в своей книге апеллирует не к имени Эббингауза, а к продолжателю идей Вольфа. Представим его позицию.

Начинается книга с доказательства того, что сторонники материалистического понимания принципа ассоциации (Гербарт, Спенсер и Тэн) необоснованно привлекают физическое понимание причинности для конституирования психологических законов по принципу причинной связи «при посредстве ограниченного числа однозначно определяемых элементов» [Дильтей, 2001, с. 5]. Автор критикует основное звено в построении классической картины мира (Кеплером, Галилеем, Ньютоном) — звено *гипотез* — и выражает резкое неприятие роли гипотез в естественно-научном познании. Напомним, что тогда еще не было теории критического реализма К. Поппера, в которой тот обосновал способ гипотетико-дедуктивного вывода как метод объективного познания именно на основе выдвижения теоретических гипотез, проверка которых изменяет пространство научной проблемы. Для Дильтея по-

падание в поле гипотез исключает возможность причинного познания. То есть для него в первую очередь неприемлема именно эта характеристика естественно-научного познания — путь выдвижения гипотез, а не собственно экспериментальный метод, как это иногда сегодня представляют сторонники описательной психологии (функционирующей в другом ее понимании, чем задал Дильтей).

Следующий недостаток *объяснительной психологии* с точки зрения автора подхода *понимающей психологии* — перенесение внешней последовательности как причинной цепи событий на душевную жизнь. И здесь важны обе составляющие — во-первых, выдвижение нового понимания предмета: психология теперь наука не об ассоциациях, а наука о духе, душевной жизни. Во-вторых, переход к последовательному обоснованию причинности как замкнутой только в сфере душевной жизни. Это явно ход в иную сторону понимания детерминации, чем намечался у Джеймса и других авторов, относимых к направлению функциональной психологии. Это также и сознательный отказ от возможности рассмотрения единого причинного круга событий и причинного обусловливания — хотя бы на уровне признания причинно-действующих условий — на уровне действия законов душевной жизни.

С точки зрения Дильтея, звено гипотез не может помогать психологическому познанию, поскольку «в познании природы связные комплексы устанавливаются благодаря образованию гипотез, в психологии же именно связанные комплексы первоначальны и постепенно даны в переживании» [Дильтей, 2001, с. 11]. Кроме того, факты в области душевной жизни не достигают такой степени определенности, которая необходима для соотнесения их с теорией. Вред позитивизма, связываемого с объяснительной психологией, заключается в «бесплодной эмпирике». Кант, как и другие гносеологи (философы, развивающие теорию познания), разрывает единую связь духовного факта и того «представления духовной связи», на фоне которой дан этот факт. В распоряжение гносеологии, по Дильтею, нужно дать «значимые положения о связи душевной жизни». И здесь он строит картину, действительно новую по сравнению с ассоцианистской.

В поисках предпосылок своих взглядов Дильтей обращается к другому немецкому философу Х. Вольфу, рассматривая его рациональную психологию как объяснительную. *Метафизический элемент* объяснительной психологии — первенство рациональных конструкций, лишь проверяемых в эмпирической психологии, — вот с чем спорит Дильтей. И он специально обращает внимание на представителя гербартовской школы Т. Вайнца как впервые поставившего иные приоритеты:

описательная психология, соответственно наукам об органической жизни, поставляет эмпирический материал, а объяснительная оперирует этим материалом. При этом она стремится выделить закономерный план явлений, не отягощаясь звеном гипотез как метафизическим элементом. Дильтей не против такого понимания объяснения[1]. Выход за пределы, намеченные Вайнцем, Дильтей видит в следующем.

Расчленение восприятия и воспоминания — вот с чего началась объяснительная психология. «Могучая действительность жизни» далеко выходит за пределы этих занятий объяснительной психологии. Кроме того, реальная психология, как ее понимает Дильтей, должна быть прочно обоснована и достоверна (в отличие от гипотетических объяснений). Она должна порвать с объяснительной психологией также потому, что та не раз связывала себя с материализмом. Неприемлемость взглядов Вундта и Джеймса (как представителей современной ему психологии) Дильтей связывает с тем, что они, увеличивая элементы и приемы объяснений, оставляли *гипотетическим* сам характер объяснительных элементов.

«Под описательной психологией я разумею изображение единообразно проявляющихся во всякой развитой человеческой душевной жизни составных частей и связей, объединяющихся в единую связь, которая не примышляется и не выводится, а переживается» [Дильтей, 2001, с. 20]. Апелляция к *переживанию* выглядит связующим звеном между дильтеевским и современным пониманием психологии переживания как движения в сторону гуманитарной парадигмы. Однако более подробно представление позиций по вопросам, как понимаются переживание и отвечающий психологии метод, не позволяет увидеть прямую связь между психологией души по Дильтею и психологическими подходами в рамках современной гуманитарной парадигмы. В частности, он подчеркивал *аналитичность* психологического знания, данного непосредственно, но не без осмысления его человеком.

Важнейшей характеристикой описательной психологии является то, что «ход ее должен быть аналитический, а не построительный». То есть понимающая психология мыслилась Дильтеем не в противовес аналитическому методу, а в противовес психологическим реконструкциям, которые надстраиваются *над непосредственно данным*. Таким образом, это обоснование все того же постулата непосредственности в психологии. Внутреннее восприятие может непосредственно давать

[1] Согласно его оценке, только безвременная кончина Вайнца помешала ему стать в ряд с такими величинами в науке, как Лотце и Фехнер.

сведения о душевной жизни. И каковы бы ни были причинные отношения, в которых возник психический акт (восприятия, мыслительный акт), во внутреннем мире он образует нечто новое, не имеющее аналога в мире внешнем. При этом Дильтей подчеркивает интеллектуальность внутреннего восприятия, опосредствование его логическими процессами. Это рождает психологическое наблюдение. В результате расчленяющая описательная психология «кончает гипотезами, тогда как объяснительная с них начинает» [Дильтей, 2001, с. 51]. К объяснительным моментам в рамках описательной психологии он относит представления о структурном законе и законе развития.

Интеллект, чувство (побуждение) и воля связываются в расчлененные целые душевной жизни. И чтобы им вновь вернуть целостность, дильтеевская психология возвращает к идее *телеологической* причинности. Структурная связь носит телеологический характер: она дает основной закон душевной жизни – закон развития («действующий как бы в направлении длины»). В каждом отдельном акте сознания всегда находится бодрствующий пучок побуждений и чувств. Кроме того, связь душевной жизни «содержит *как бы правила, от которых зависит течение отдельных душевных процессов*» (выделено *В. Д.*) [Дильтей, 2001, с. 57]. А это уже указание на закон как детерминацию. Но позитивного рассмотрения этой проблемы в книге нет.

Мы привели более подробно схему дильтеевской психологии потому, что ориентировка на цель *понимания* не означала для его описательной психологии отказа от аналитического метода или логики выводов. Она расставляла иные приоритеты между психологическими фактами и объяснениями[1] по сравнению с гипотетико-дедуктивным методом, который им связывался отнюдь не с экспериментальной психологией (как она сложится лишь позже – в XX в.), а с заложенным Вольфом принципом первенства рационального конструирования законов психики (принципом метафизического понимания психического). Ряд положений, изложенных Дильтеем, представлен сегодня в новых парадигмах, с иным переосмыслением вложенного в них содержания.

Понимание — это не воссоздание стоящей вовне (за логикой отношений) рациональной связи, а ее усмотрение в самой душевной жизни: «...как наше сознание мира, так и наше самосознание возникли из

[1]В первую очередь это понимание непосредственной данности факта как связи в душевной жизни: «Связь чувственного восприятия не вытекает из чувственных раздражений, в ней соединенных... она возникает лишь из живой, единой деятельности в нас, которая, в свою очередь, сама является связью» [2001, с. 74].

жизненности нашего "Я", а эта жизненность — больше, чем *Ratio*» [Дильтей, 2001, с. 78]. Обратим также внимание на то, что понимание здесь — это отнюдь не понимание другого человека или клиента, как это представляют в современной психопрактике, оперируя понятиями эмпатии и др. Понимание здесь заменяет логику установления внешних причин на внутреннюю телеологию душевных структур.

Проницательность Дильтея заключается тем самым, на наш взгляд, не в создании предпосылок гуманитарной парадигмы в психологии, а в остром неприятии как попытки перенести на психологию законы механики (что характеризовало современную ему естественно-научную ориентацию ассоциативной психологии), так и метафизического принципа при старом понимании «рационального» построения психологического знания. Отождествление же им этого принципа с принципом движения гипотез может теперь рассматриваться как существенный просчет. Перед Дильтеем в его период творчества была иная картина обоснования объяснительного метода: ассоцианизм как психология сознания в ее структуралистском и функциональном вариантах, метафизика и позитивизм. Вернуться к целостным связям живой души — это был один из вариантов отказа от опосредствующего звена психологических реконструкций. Другие варианты — в послекризисный период психологии в XX в. – дали обоснования разным направлениям этих реконструкций.

Дальнейшее развитие дильтеевской психологии понимания осуществлялось его учеником Э. Шпрангером, который акцентировал уже несколько иной аспект противопоставления двух психологий — психологии элементов и духовно-научной психологии. И здесь шла речь не об отказе в рамках понимающей парадигмы от принципов построения научной психологии, а о сути этих принципов. В первой главе своей книги «Формы жизни. Духовно-научная психология», написанной в 1914 г., Шпрангер отметил, что «так просто», как это предлагал Дильтей, проблема структуры души не решается, а причинность не может ограничиваться рамками внутренней телеологии (в описании этой структуры как эмоционального регулятора того, что имеет и не имеет ценности для индивида). Если на низших ступенях своего функционирования переживания регулируются биологическим — целями самосохранения организма, то на более высокой ступени жизни, особенно исторической, индивидуальная жизнь души обусловливается духовными связями, ценностными связями с объективной культурой.

Он развернул обоснование объективности в трех ипостасях: «...кроме... объективности, лежащей в материальной плоскости, и объектив-

ности, лежащей в системе данностей духовного развития и взаимодействия, в которых она возникает исторически и закономерно, нужно различать еще третий и важнейший вид объективности, а именно надындивидуальный смысл, который в них содержится» [Шпрангер, 1980, с. 288]. Это третье — смысловое — направление Шпрангер предложил далее называть критически-объективным, а духовные закономерности созидательной деятельности[1] «Я» — нормативными.

«Описательность» психологии Шпрангером связывается с исторической описательностью (а не с отказом от звена гипотез в научном познании), а научность — с принципом критически-нормативной установки на то, что она должна стать наукой о духе. От образов психических атомов или простейших процессов (здесь приводится в пример Вундт) он считал необходимым отказаться в пользу «принципа расчленяющего анализа» (вместо принципа творческого синтеза элементов). Таким образом, то, что психология понимания предполагает расчленяющий анализ, выступило общим моментом двух концепций. Отличие концепции Шпрангера — включение психологического «Я» в гораздо более широкие ценностные связи, чем «самоудовлетворение»; рассмотрение надындивидуальных норм как формы объективации духа; направленность на «нормативный закон ценности» и понимание душевной жизни тем самым как смысловой связи, в которой объективный и субъективный смыслы «достаточно противоречат друг другу».

Шпрангер предлагал иной подход к культурно-историческому пониманию — и тем самым объективному рассмотрению — структур душевной жизни, чем тот, который возник позже в отечественной культурно-исторической школе. Но это не был путь отказа от построения научной психологии; напротив, была подчеркнута особенность познания высших форм психического как предполагающего выстраивание опосредствующих связей — с миром культуры, надындивидуальных ценностей, благодаря чему раскрывается «целостность духовной структуры». Объективные законы построения этих структур отражают надындивидуальные смысловые образования, а не индивидуальные переживания. Непосредственность переживания характеризует личный опыт отдельного «Я», но их сообщение создает уже нечто объективное,

[1] Широко известно обоснование им шести идеальных культурных типов человека — человек теоретический, экономический, эстетический, социальный, политический, религиозный. Он выделял разные типы законов – в области экономических отношений, созидания и творчества и т. д. Только сведение типа к закону сделает «понятной внутреннюю конструкцию этого типа».

фиксируемое в языке, произведении искусства или техническом сооружении.

Популярность призыва «назад, к Дильтею», заставила нас посвятить исходным принципам его методологии основное внимание, поскольку толкования давно ушли от исходного авторского текста. В том числе это и толкование того, что понимать под описательной психологией. В то же время понимание объяснительной парадигмы как связанной с экспериментальным методом можно считать достаточно устоявшимся, чтобы не повторять его оснований в этом параграфе. Однако следует отметить, что сегодня метод понимания представлен иначе, чем во времена Дильтея. Одно из методологических замечаний по его поводу — как новой парадигмы, учитывающей специфику «мира человеческих отношений» по сравнению с миром природы, — сделал Дж. Брунер [Брунер, 2001] (в тексте докладов на конференции, посвященной столетию со дня рождения Ж. Пиаже и на II конгрессе социокультурных исследований). Он опирался при этом на новый подход к пониманию описательного как *нарративного* пути познания.

Он выделил два пути приобретения человеком знаний о мире. В рамках первого методологического пути, освоенного объяснительной психологией (куда им относятся все номотетические подходы), предполагается причинно-следственная детерминация событий и определенные схемы соотнесения «логических и эмпирических проверочных процедур». Заслугой Пиаже Брунер считает раскрытие инвариантности, или направления развития индивидуального познания по этому пути при необходимой апелляции к логическому представлению психологических реалий в стадиях развития интеллекта. Принципиально иной путь развития указал Выготский, для которого умственные процессы необходимо опосредствуются взаимодействием с другими людьми. «Зона ближайшего развития» концептуально фиксирует и основной закон развития в культурно-исторической психологии, и принципиально иное направление источников развития. Этим источником выступает культура. И высшие психические функции суть продукты этой культуры, а не эндогенного роста. «Они не только усваиваются из инструментария культуры и ее языка, но и зависят от продолжающегося социального взаимодействия» [Брунер, 2001, с. 7].

Таким образом, вторым путем приобретения знаний выступает апелляция к культуре, а значит, к контексту ситуации, динамике значений и смыслов, а главное — к наличию взаимодействия с кем-то, кто учит или кого учат (контекстуальность — существенное приобретение в трактовке надындивидуальных смыслов в современных подходах).

Для Брунера важно, что оба великих мыслителя не игнорировали возможность второй альтернативы, хотя и сосредоточились в своих исследованиях на одной из них. Возможно, здесь уместно было бы ввести и представления такого неоднородного течения, как *социальный конструкционизм*[1], который предлагает отказаться от критериев «истины» и «факта» для оценивания ценности различных представлений о мире. В контексте же данного параграфа важным было другое: подчеркнуть идею Брунера о том, что раскрытие культурно-опосредствованных психических реалий предполагает переход к новой методологии, которую он называет «повествовательной» (нарративной). Но логика нарратива также предполагает *опосредствованность* психологического знания, а не логику *непосредственного переживания* (в старой парадигме описательной психологии).

«Вместо того чтобы проверять наши догадки о причинных и логических основаниях переживаемого опыта, как это имеет место при номотетическом подходе, при втором подходе мы стремимся объяснить опыт посредством его преобразования в повествовательную структуру» [Брунер, 2001, с. 10]. Повествовательная необходимость тем самым приходит на смену установлению причинной детерминации. Однако эту повествовательную необходимость не следует путать с уникальным описанием. Возможны разные повествования об одном и том же. Кроме того, критерий истинности или ложности к повествовательному объяснению трудноприменим, поскольку и вымышленные истории подчиняются «повествовательной структуре», как и подлинные. Таким образом, речь идет не о противопоставлении описания и объяснения, а об использовании повествования в целях понимания. Понимание, следующее за фактом, «зиждется на интерпретации». Не отказ от гипотетических психологических реконструкций отличает новый подход, а другой тип психологического объяснения (столь же гипотетичный и в этом смысле неприемлемый для описательной психологии в представлении ее Дильтеем). Каузальное объяснение и повествовательное, т. е. интерпретационное, по Брунеру, строятся на разных методах познания, и неясно, могут ли для них быть найдены общие принципы.

Повествования придают форму событиям, подразумевают правила, нормы (и возможность нарушениях их). То есть это *не феноменологические* описания. Сюжеты и персонажи событий выступают примерами более общих типов. Здесь представление Брунера более походит на понимание проявления типа в явлении (или закона), как об этом писал Левин. Отличие — то, что повествованием из культуры в культуру могут транслироваться универсальные типы и сюжеты. Но это иная универсальность, чем универсальность законов логических суждений. Причинные объяснения можно перевести в повествовательные, но с потерей изначальных структур. Таким образом, две рассмотренные *познавательные парадигмы* являются не сводимыми друг к другу, но связанными между собой. Завершает свой анализ Брунер словами, что это трудно, но предпочтительно — опираться на знание обоих подходов.

[1] Это знакомство обеспечивает публикация статьи В. Барр [Барр, 2004] в журнале, в название которого вынесена эта проблематика: «Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода».

9.2. Морфологическая и динамическая парадигмы

Дихотомия морфологической и динамической парадигмы относится как к раскрытию возможностей деятельностного подхода в психологии, что было сформулировано А. Г. Асмоловым и В. А. Петровским в их статье [Асмолов, Петровский, 1978], так и к более широкой проблеме ориентировки психологических теорий на анализ структурно оформленных или динамических компонентов в активности человека. Эта дихотомия является не только более поздней в методологии психологической науки, но и более адресно относимой к компонентам теории, а не используемого метода.

Уже в психологии сознания сложилось противопоставление теорий, отстаивающих позиции структуралистского понимания психики (В. Вундт) и функционального (В. Джеймс). Здесь при общности метода — интроспективного — отличием было выделение того аспекта субъективной реальности, который становился предметом изучения. Вундт следовал морфологической трактовке — но не деятельности, а сознания. Джеймс в своем труде «Принципы психологии» (1890) ввел новые описательные характеристики сознания, позволяющие его представить как «поток», непрерывное движение, представленное в субъективном опыте каждого человека. Одновременно с идеей «потока сознания» осуществлялась попытка использовать представления эволюционной теории для того, чтобы «понять связь психики с живым организмом, взаимодействующим с окружающей средой» [Ярошевский, Анцыферова, 1974]. Ему удалось опровергнуть точку зрения интеллектуалистов о том, что познание отношений предполагает какие-то особые чистые акты. Сознание как целое включает репрезентации одних предметов как данных в отношении к другим,

и в нем можно выделить переживания статических и динамических отношений[1]. Тем самым в теории Джеймса появляются зачатки динамического объяснения, связываемого с возникновением системы напряжения. Но у Джеймса этот объяснительный принцип ограничен системой внутри сознания. Позже Левин конституирует его для психологического поля[2].

Итак, ориентация авторов на познание структурных составляющих в выделенном предмете изучения, подчиняющих себе его динамику, отличает так называемые морфологические подходы. Ориентация на поиск динамических законов организации психической жизни соответственно отличает теории другого подхода. Сложность, однако, заключается в том, что методы психологического исследования не могут быть однозначно разведены на классы, соответствующие той или иной ориентации психологических объяснений. Есть как специально разработанные в рамках той или иной парадигмы методы (например, ряд психоаналитических), так и общие (например, те же методы наблюдения и эксперимента), позволяющие проверять гипотезы «разной объяснительной ориентации».

С морфологической парадигмой авторы введенной дихотомии – «морфологические-динамические» — связывали развитие деятельностного подхода. Рассмотрение деятельности как относительно инвариантной системы, описать которую можно на разных уровнях (мотива, цели, условий осуществления), объединило разных исследователей, рассматривающих свой предмет изучения в заданной системе категорий процессуального ее осуществления (деятельность, действие, операция, функциональный блок).

Иные единицы анализа выделяются, согласно А. Асмолову и В. Петровскому, при выдвижении динамической парадигмы в исследованиях деятельности. «Единицами, характеризующими движение самой деятельности, являются установка, понимаемая как стабилизатор

[1] Ограничения самонаблюдения не дают возможности зафиксировать переходные состояния сознания. Но в целом они задают те «психические обертоны» (ореолы), которые как схемы детерминируют движение мысли в определенных направлениях (даже если человек забыл название предметов).

[2] Аргументация превалирующей роли кондиционально-генетических законов как связанных с действием динамикой сил или со структурными подразделениями психики, но не сводимых к ним, отличала *психоаналитические теории* и *теорию поля* К. Левина. Однако единой парадигмой они не могут быть охвачены в силу существенной разницы в содержательном понимании источников и сути этих сил, а также методов исследования.

движения в поле исходной ситуации развертывания деятельности, и надситуативная активность» [Асмолов, 2002, с. 255]. Таким образом, переход от морфологической парадигмы к динамической — в рамках общего деятельностного подхода — означает и изменение системы используемых базовых понятий, и изменение в понимании раскрываемых закономерностей, и изменение в принимаемых постулатах. Так, «постулат сообразности», стоящий за признанием целевой причинности в регуляции действия, может вести за собой в теории такие последствия, как признание стремление к гомеостазу, прагматизм или гедонизм в регуляции деятельности. В то же время деятельность может быть понята как преобразующая активность, деятельность «самоизменяемая» (и самопричинная). Цель может пониматься в качестве причины, а может представать и лишь результирующим моментом в процессе целеобразования, на который действуют различным образом внешние, внутренние условия, а главное — движение самой деятельности. Активность, в свою очередь, может быть понята как один из моментов развертывания деятельностных структур, но может и выступить в качестве избыточного момента — преодоления ситуативных ограничений и адаптивных побуждений.

Таким образом, изменения в предмете и методах изучения деятельности позволяют говорить о различиях в парадигмах как исследовательских подходах. И прописка под знаменами деятельностной или иной теории еще не означает способ реализации деятельностного подхода в психологии.

9.3. Естественно-научная и гуманитарная парадигмы

9.3.1. Ориентация на классическую картину мира

Выведенные в заголовок параграфа названия парадигм используются в совершенно разных значениях. Путаница возникает в основном потому, что во главу угла ставится либо метод изучения, либо специфика предмета.

Отличительные особенности *гуманитарной парадигмы* были подытожены в 1988 г. израильскими психологами Д. Бар-Тал и У. Бар-Тал следующим образом [Юревич, 2005]. В первую очередь это отказ от культа эмпирических методов и связывания признака научности только с верифицируемостью знания, т. е. это отказ от сужения критериев научного метода. Построение научного знания только на основе индуктивной логики — неприемлемый для психологического наблюдения критерий

построения теории, против которого выступают сторонники гуманитарной парадигмы (добавим, что именно против этого выступал и К. Поппер). Далее обсуждаются следующие признаки:

- легализация интуиции и здравого смысла в научном исследовании;
- возможности широких обобщений на основе анализа индивидуальных случаев;
- единство воздействия на изучаемую реальность и ее исследования;
- возврат к изучению целостности личности в ее «жизненном контексте» (при доминировании телеологичности психологического объяснения).

В таком представлении гуманитарной парадигмы не прослеживается ориентации на определенную картину мира и человека в нем. Но видна нацеленность на сближение с психологической практикой и преодоление методологии позитивизма в научном исследовании. Ни с одним из этих принципов сегодня не станет спорить современный психолог, в рамках какой бы школы он ни формулировал свои гипотезы. Расширение поля возможных гипотез как научных в рамках гуманитарной парадигмы — вот тот существенный момент, мимо которого проходят авторы, призывающие вернуть дильтеевские критерии (напомним, именно звено гипотез было для него неприемлемым).

В рамках *естественно-научной* парадигмы также нет первенства тех или иных школ, но несомненно следование критериям, связанным с реализацией экспериментального метода и определенной — классической — картины мира.

Важно также учитывать, что естественно-научная парадигма как направление, задающее основы отношения к психологическому факту и психологическому объяснению в развитии самых разных психологических теорий, сегодня существует, но отнюдь не в тех подходах, с которыми связывалось название «естественно-научная психология» до начала XX в., когда в основу психологических закономерностей полагались сначала механистические, затем биологические и, наконец, физиологические механизмы. В современных исследованиях поиск таких механизмов сосредоточен в направлениях психофизиологии, разрабатывающих методологическую схему «человек — модель — нейрон» [Соколов, 2004], в нейропсихологии и в ряде других направлений, базирующихся на раскрытии принципов естественно-научного объяснения. В исходном варианте такая психология тесно связана с реализацией экспериментального метода. Но за прошедший век — и особенно после стадии открытого кризиса — в психологии сложились

и многие другие принципы психологического объяснения в деятельностном, культурно-историческом, когнитивном подходах и т. д., относительно которых было бы ошибкой отождествление их с естественно-научной парадигмой. Теоретические основы психологических объяснений в содержательной части планирования исследований и интерпретации могут быть не связанными с принятием естественно-научного (классического) принципа детерминации. При экспериментировании с ним связан принцип формального планирования исследования. Однако экспериментальный метод обязательно предполагает прорывы в обобщениях (на пути от теории к эмпирической проверке гипотез и затем обратно). И хотя содержательное и формальное планирование психологического исследования не могут мыслиться как абсолютно автономные этапы, использование экспериментальных схем в способах сбора данных означает лишь принятие гипотетико-дедуктивной логики метода, но не принятых в естественных науках (и изменяющихся) принципов понимания детерминизма.

За исключением бихевиоризма, принявшего сознательно позитивистскую установку на такую организацию исследования, где психика погружалась в метафору «черного ящика», остальные психологические школы ушедшего века ставили задачу именно *теоретических психологических реконструкций* изучаемой реальности. Психология, не являвшаяся наукой о поведении (или о душе — в рассмотренных выше вариантах описательной парадигмы), была наукой о психологических явлениях и процессах, в каких бы теоретических базовых категориях она ни задавала свой предмет. Термин же «естественно-научная» мог быть применен к любому направлению, использующему экспериментальный метод. Как мы показали ранее, этот метод действительно, с одной стороны, предполагал построение психологического знания по классическому образцу науки Нового времени с его представлениями о каузальности. С другой стороны, в рамках самой психологии развивались совершенно иные представления о детерминации применительно к психологической регуляции, чем те, которые могли апеллировать к тем или иным естественным наукам. Человек стал пониматься как существо культурное и в этом смысле искусственное. А соотнесение культурной и социальной детерминации явно не может происходить в рамках только естественно-научных основ психологии.

Выстрадав (а не просто применив как заданный извне) метод экспериментального исследования, психология реализовывала схемы так называемого новоевропейского мышления, предполагающие реализацию в этой своей практической деятельности классических идеалов

рациональности. Но на ряду с этим психология сразу же столкнулась с проблемами специфики установления психологического закона и психологической интерпретации причинности. Логика гипотетико-дедуктивного вывода выглядит при этом общей — как основа экспериментального мышления в рамках разных наук[1]. Но это общность логически компетентного рассуждения, а не привнесения в свой предмет естественно-научной картины мира или его законов.

Укажем в качестве примера на такого автора, как К. Левин, который сознательно строил понятие психологического закона по принципу классического понимания причинности и опирался на классические законы логики (причем это были формы мышления, раскрытые Аристотелем, если учитывать, кто эксплицировал логические силлогизмы, в частности и тот *modus tollens*, который оказался основой доказательства от противного как специфики экспериментальной проверки теоретических гипотез). Система напряжений как силы поля стали для него удобной метафорой, но это отнюдь не означало, что в качестве предмета изучения он мыслит физикалистски понятую реальность. Психологическое поле в экспериментах школы К. Левина — это воссоздание жизненного пространства, предполагающее, как потом это было удачно названо, «психологический театр». И в понятии квазипотребности — как базового понятия этой школы — менее всего представлено физикалистское понимание предмета изучения.

Таким образом, Левин в своей концепции не реализовывал только одного уровня мыслительные операции, ему нельзя приписать особый тип мышления с точки зрения превалирования той или иной картины мира. Как любой европеец, он использует в своем мышлении силлогизмы, известные уже жителям Ойкумены. Как автор понятия кондиционально-генетического закона, он реализовал классический идеал рациональности в картине мира, несомненно следующей образцам естественно-научной парадигмы в способах построения научного знания. Как психолог, выделивший в качестве предмета изучения механизмы потребностно-мотивационной регуляции поведения личности, он даже с объектами в психологическом поле работал как с самодвижущимися (навстречу субъекту), т. е. включившими «константу» состоявшегося взаимодействия (соответственно возникли силы поля). А это уже элемент неклассической картины мира.

[1] Так, в истории как сугубо гуманитарной дисциплине также был предложен принцип рассуждения от противного, поставленный в названии статьи «За экспериментальную, или веселую историю» (Риск. Неопределенность. Случайность: Альманах. 1994. № 5).

9.3.2. Психологические объяснения и экспериментальный метод

В психологии исследовательские парадигмы часто соединяли представления о предмете и методе исследования. Интерпретация эмпирически устанавливаемых зависимостей происходила при этом соответственно конструктам психологической теории, с одной стороны, и в контексте преимущественно используемых методов — с другой. Экспериментальный метод стал выполнять тем самым функцию достаточно формального инструмента, сравнительно независимого от теоретической платформы того или иного направления в психологии. Это прямо выразилось в разработках основ планирования психологического эксперимента как обоснования преимуществ тех или иных формальных схем — экспериментальных планов.

При этом экспериментальный метод в рамках классического бихевиоризма последовательно реализовывал позитивистскую установку (а не установку критического реализма, соответствующую экспериментальной парадигме при проверке теоретических гипотез). Все же другие психологические школы использовали экспериментальный метод с целями наиболее строгих психологических реконструкций ненаблюдаемой психологической реальности.

Однако разработка проблем формального планирования эксперимента не нивелировала специфики психологических школ в способах операционализации переменных и целостного построения экспериментальных моделей, существенно отличающихся в гештальтпсихологии, когнитивной психологии, культурно-исторической психологии и т. д. Поэтому утверждение, что любая школа, использующая в своем арсенале экспериментальный метод, принимает естественно-научную парадигму, является в корне неверным. Метод как способ сбора данных диктует принятие объяснительных принципов только применительно к логике каузального вывода об эмпирически устанавливаемой зависимости, но никак не по отношению к содержательным основаниям психологического объяснения.

Перенос акцента с используемого метода на объяснительные принципы, которые якобы с ним неразрывно связаны, породил спор о противоречии между естественно-научной парадигмой в психологии и другими психологическими подходами, в первую очередь в рамках гуманистической психологии. Выше мы уже отмечали первую дискуссию о соотношении описательной и объяснительной психологии. Изменение отношения к научной теории прослеживается в современном противопоставлении психологии академической и практической.

И проблема адекватности метода вновь становится одной из основных для решения вопроса о возможностях научной психологии.

Особым образом был поставлен вопрос о возможности *объективного* метода в российской психологической науке в 1950-е гг. На печально знаменитой павловской сессии от психологов потребовали строгого следования объективному методу, что означало, во-первых, перейти к объективированным психофизиологическим показателям и, во-вторых, ограничиться структурой психофизиологического эксперимента и соответствующим типом объяснения (напомним, что И. Павлов штрафовал сотрудников за использование психологических терминов в объяснениях связи между стимулом и реакцией организма). В противовес этому Б. М. Тепловым было обосновано право психологии не терять свой предмет и использовать при этом способы критической проверки психологических гипотез, а не апеллировать к объективируемым показателям как критерию научности и объективности [Теплов, 1985]. Соответствие (репрезентативность) показателей самоотчета («подумал», «вспомнил», «почувствовал» и т. д.) содержанию проверяемой гипотезы, соответствие структуры исследования его целям — вот те основания, по которым можно, согласно Теплову, судить об объективности изучения субъективной реальности в психологическом исследовании.

В 1990-е гг. в отечественной науке и философии старый спор о возможностях метода возродился в рамках дискуссии о соотношении естественно-научной и гуманитарной парадигмы [Психология и новые..., 1993]. С одной стороны, он отразил изменение критериев научности в понимании психологических методов и объяснительных принципов. В этом следует видеть его позитивный вклад в рефлексию основ психологического исследования. С другой стороны, он характеризовался негативным противопоставлением экспериментальному методу другого пути к психологическому знанию — пути психопрактик и использования языков описания. От эксперимента как признака естественно-научной парадигмы предлагалось отказаться, психологические теории стали рассматриваться как рудимент, само же теоретическое знание в психологии почему-то оказалось связанным с маркером «естественно-научного».

9.3.3. Мифы о естественно-научном и гуманитарном мышлении и реальность гуманитарной парадигмы

Следующий аспект понимания естественно-научной парадигмы прямо связан с принятием идеи, что работающие в ее рамках исследователи, использующие экспериментальный метод для проверки психологических гипотез, реализуют особое естественно-научное мышление.

Эта позиция четко была представлена в дискуссии, состоявшейся в рамках философского круглого стола в 1993 г. и ставшей заметным событием в изменениях понимания критериев научности в психологии [Психология и новые..., 1993]. Но в рамках той же дискуссии прозвучали и положения о превалирующей роли теоретического подхода к предмету изучения (способа психологических реконструкций, учитывающих те или иные методологические идеи в отношении форм бытия психического), выбору проблем и психологических кодов (позиция В. П. Зинченко). Там же была сформулирована позиция, что нет оснований для постулирования какого-то иного мышления для психологов, нацеленных на работу в рамках гуманитарной парадигмы (позиция Н. И. Кузнецовой).

Последующий краткий обзор ряда выступлений важен, на наш взгляд, в связи с тем, что опубликованные в «Вопросах философии» точки зрения не получали достаточного четкого изложения в едином пространстве затронутых проблем, хотя и не раз излагались авторами отдельно.

В. П. Зинченко положительно ответил на вопрос о зарождении гуманитарной парадигмы в отечественной психологии, отнеся ее к этапу первой школы (как первой любви) — школы Выготского, а также к идее символьного опосредствования переходов у П. А. Флоренского. В работах Б. М. Теплова, Д. Н. Узнадзе, Н. А. Бернштейна и особенно А. А. Ухтомского (воспринявшего идею Флоренского об органопроекции) он также усмотрел зарождение гуманитарной парадигмы, причем именно в связи не столько с предметом, сколько с методом, учитывающим (в рамках экспериментального построения конкретного исследования) идеи медиации, функциональных органов, хронотопа, ноосферы и т. д. Естественно-научный подход он при этом прямо связал с «односторонней ориентировкой на физиологию мозга».

Идея деятельностного опосредствования как сознательно принятая марксистская платформа — и в определенной степени учет упреков Выготскому в идеализме — привела А. Н. Леонтьева к перемещению акцентов с проблемы опосредствования на проблему предметности как внешней, так и внутренней деятельности. После этого сознание уже «не отпускалось с короткого поводка деятельности» — эта метафора Зинченко уже стала самостоятельно блуждать по психологическим работам вне контекста ее появления[1].

[1] А контекст был следующим. Развитие гуманитарной парадигмы обосновывалось ценностно — большевики уничтожали интеллигибельную материю и тем самым уменьшали мыслительное пространство до точки, так что теперь надо и воссоздавать его, и наверстывать упущенное время. Таким образом, в самой фор-

А. В. Брушлинский отстаивал в дискуссии точку зрения, что поворот от естественно-научной парадигмы в психологии уже совершился, но не на основе перехода к гуманитарной парадигме или отказа от эксперимента как ведущего метода, а на основе раскрытия принципов активности и субъектного опосредствования. Он подчеркивал идеи собственной активности ребенка в условиях воспитания и обучения, переоценку идеи интериоризации. Возражая другому участнику дискуссии, он настаивал на том, что идеи позднего Выготского построены не на естественно-научной парадигме, а на культурно-социологической, как и концепция С. Л. Рубинштейна и его учеников — не на естественно-научной парадигме.

В. М. Розин отмечал, что замысел построить психологию по образцу естественной науки (имеются в виду программные установки Выготского на способ преодоления кризиса) не удался, как не удается в психологии и эксперимент, понимаемый так, как он представлен в естественной науке.

Неудачным здесь выглядит именно слово «не удается». Оставим за скобками целевую направленность построения тех или иных теорий — уже на примере Левина мы видели, что, строя одну картину мира, психолог использует средства (методические и мыслительные) из другой, а приходит в результате к третьей картине — к новому типу представления этого мира. Выготский построил культурно-историческую психологию, а не естественно-научную, хотя предполагал в качестве цели построение научной психологии и использование современной научной методологии. Тем самым он показал, что *научная* психология — это не обязательно *естественно-научная*; в его подходе она стала *культурно-исторической*, причем с соответствующим изменением метода исследования.

Отметим именно проблему экспериментального метода. Идею понимания экспериментального факта как *устанавливаемого*, а не непосредственно эмпирически данного, К. Поппер обосновывал на примере суда присяжных, т. е. из гуманитарной области — юриспруденции, являющейся конвенциональной системой знаний, а не примером естественной науки. И то, что в психологии эксперимент иначе реализует идею причинного вывода, полагая иные (психологические, а не физические) законы в своих концепциях причинности, — это совершенно верно. Как верно и то, что установление экспериментальных фактов и следование логике гипотетико-дедуктивного вывоза не является прерогативой исследования в естественных науках.

мулировке этой задачи прослеживается переход методологии на этап постнеклассической картины мира (применительно к психологическому наследию и будущему).

Нельзя смешивать формальные и содержательные аспекты организации экспериментальной ситуации: детерминация процессов в психологическом эксперименте, во всяком случае в школе Выготского, никак не характеризуется понятием воздействующей причины, как это действительно представлено в эксперименте естественно-научном. То же касается и школы К. Левина и ряда других.

Для В. П. Зинченко и А. В. Брушлинского, занятых в то время обоснованием возможности расширения рамок психологического знания, в состоявшейся дискуссии были важны иные аспекты — раскрытия специфики *теоретического мира* психологии, преодолевающей установку на овладение и управление психикой человека. Действительно, установка на овладение силами природы характеризует классическое естествознание. Из этого не следует, что она имманентна экспериментальному методу как пути познания.

Последовательную критику естественно-научного подхода в психологии в связи с критикой естественно-научного метода А. А. Пузырей предложил дополнить критикой практического разума современной психологии. Психоанализ и психопрактики не входят в область занятий академической научной психологии (и это послужило основанием введения Ф. Василюком понятия схизиса). А именно они дали примеры неклассических ситуаций в психологии как связанных с включенностью исследователя в формирование характеристик изучаемых явлений.

Следует отметить, что неустранимое присутствие психолога как условие существования изучаемого объекта не выступает признаком гуманитарной парадигмы или «гуманистического мышления». В рамках гуманитарной парадигмы рассматривается действенность не научных теорий, а мифологем, которые прекрасно помогают в психотехнической работе (хороший пример тому — практика психоанализа). Перечень неклассических ситуаций для психологии явно мог быть продолжен (к этому вернулась в последующем Е. Завершнева [Завершнева, 2001]). Предложенный Пузыреем выход — *принцип дополнительности*, понятый как дополнение психологического описания психотехническим. Самоопределение психологии в своих ценностных ориентациях — другой поворот проблемы выхода из тупика «естественно-научного разума». Иметь дело с полным человеком, духовным существом, «человеком пути» — это и путь собственного личностного роста психолога.

Не знаем, кто бы сейчас стал спорить с этими поворотами в изменении научно-практических задач в психологии. Но важно отметить: были названы не отличия *гуманитарной парадигмы* как таковой, а от-

личительные особенности любой науки на этапе ее *неклассического развития*, связанные с отказом от классического идеала рациональности. Явно в направлении последних прозвучал призыв Б. С. Братуся к повороту от гуманитарной парадигмы к эсхатологической: «А именно: переход к такой методологии, которая бы соотносилась, исходила из представлений о предельных, конечных смыслах бытия человека, его роли и назначении в этом мире и рассматривала бы психическую жизнь не как многовариантный пасьянс возможных исходов мифотворения, а как реальный процесс боговоплощения, возвращения, подражания Христу» [Психология и новые..., 1993, с. 35]. Именно *аксиологическая* направленность последнего утверждения напоминает о постнеклассической парадигме. Построение души, изменение бытия как условие понимания некоторых вещей — другой поворот к постнеклассической парадигме (а не гуманитарной).

М. А. Розов продолжил обсуждение тупика, в который якобы зашла естественно-научная парадигма, в связи с тем, что наблюдателя нельзя вынести за скобки психологического эксперимента — он является его активным участником и строит получаемую картину. При этом он апеллировал к принципам дополнительности и неопределенности в физике как основаниям построения единой картины мира, где нет естественно-научной парадигмы, а есть научное знание. Н. Бор распространил принцип дополнительности и на гуманитарные науки. Явление порождается в процессе его изучения и там, и там — это уже общее место методологического осмысления современных исследований (в любых науках — и естественных, и исторических).

В другом параграфе мы привели точку зрения Е. Завершневой о проблематичности апелляции к физике именно в указанных аспектах, поскольку аналогии оказываются слишком поверхностными. Участнику дискуссии важно другое: во-первых, указать, что границы между естественными и гуманитарными науками именно как парадигмальные стираются. И второе: нет отдельно мышления для гуманитарных наук и для естественных: «Надо просто логично мыслить»[1].

Н. И. Кузнецова, возвращаясь к обсуждению кризиса в психологии, обосновала его проявление как коллекторского подхода к построению научных программ, многообразие которых не решает основную задачу преодоления безнадежно устаревших онтологических моделей психического. По ее мнению, нельзя выбросить из дискуссий представления о предмете психологии как бесплодные, стратегически неверные и нерациональные (что прозвучало в выступлении сторонников гуманитарной парадигмы). Парадигма гуманитарного мышления не может быть выходом из кризиса, поскольку нет отдельного гуманитарного мышления. Вместо нее есть аксиологически окрашенные (эмоциональные) основания принятия либо непринятия разных способов занятия наукой. Могут быть плохо поставленные вопросы и глубокое равнодушие психологиине только к «общей методологии и философии науки, но и остальной науки вообще»[1].

Завершая представление дискуссии, заметим, что концепция наличия особого гуманитарного мышления сегодня очень популярна, хотя и не в силу его особых свойств (таковые не выделены), а скорее в силу выявленных ограничений естественно-научных схем объяснений применительно к другим областям знаний, в том числе и психологическим. Допустим вслед за одним из выступивших, что для Выготского здесь «оправданием» служили его первоначальные занятия — гуманитарные исследования. Однако в целом поворот лицом к человеку (к миру людей, а не миру вещей) стал существенным прорывом в социально-культурных установках начавшегося XXI в. Отличия в картине мира и стилях мышления людей, работающих в разных направлениях — естественно-научного и гуманитарного знания, — обоснованно стали предметом психологических исследований. Но картины мира людей в разных эпохах конструирует и культурология. Методология же психологии решает другие задачи: рассмотрения парадигмы не только по отношению к теоретическому миру психологии, но и в контексте адекватности методов предмету и целям психологического изучения. И здесь намечен прорыв в методологии, связанный с осмыслением способов освоения такой области, как практическая психология. Прямое отношение к рассматриваемой проблеме имеет и вопрос о специфичности исследовательского мышления психологов.

Рассмотрим тот момент в проблеме *экспериментальной парадигмы* (прозвучавшей как аналог естественно-научной психологии),

[1] Частично это был ответ В. М. Розину, в выступлении которого прозвучала мысль об особом гуманитарном типе мышления Выготского и ориентации на марксистский метод «восхождения от абстрактного к конкретному», что и позволило ему противостоять программе построения психологии по естественно-научному образцу.

[1] Ею приводится запоминающаяся метафора о психологии как лешелогии — науки, которая занимается изучением лешего, которого никто не видел, но ведь есть факты: «таинственное гуканье совы в ночном лесу, и загадочный треск сучьев, и бульканье на болоте, и то, что человек, заблудившись в лесу, иногда выходит на одно и то же место (его леший водит)» [Психология и новые..., 1993, с. 23].

который не был затронут в дискуссии. А именно: использование экспериментального метода неправомерно отождествляется с принятием и следованием позитивистским установкам как единственным критериям научности при построении объективного знания (это отражено, в частности, в уже цитировавшихся работах Юревича). То, что последнее является сложившимся недоразумением — недопустимым, если учитывать вклад в рефлексию экспериментального метода К. Поппера (с его принципами критического реализма и фальсификационизма), — заслуживает специального обсуждения. Краткое резюме такого обсуждения было бы таким: принцип реконструкции ненаблюдаемых процессов и закономерностей, положенный в основу концепции *объективного знания*, никак не может быть отнесен к позитивистским установкам в науке.

Неприятие научной психологии как базирующейся на звене выдвижения гипотез у Дильтея было более последовательным возражением, чем доводы сторонников гуманитарной парадигмы, вообще предлагающих избегать пути оценки психологических теорий на основе выдвижения звена гипотез как связующего мостика между миром теорий и миром психологической реальности. Вопрос о том, является ли психология гуманитарной или естественной наукой, не может быть сведен к проблеме специфики гуманитарного мышления именно в звене гипотез — никто не указал пока отличия их выдвижения в порождении знания гуманитарного и естественно-научного. Разграничение видов наук на естественные и гуманитарные выступает самостоятельной проблемой; и настойчивость в противопоставлении в психологии строгого естественно-научного мышления и мышления гуманитарного не может подменять содержательных аргументов в ведущихся спорах о путях развития научной психологии. Видимо, и к гуманитарному мышлению следует отнести признаки гипотетичности и критичности.

Критичность мышления, ориентированность на то, каковы вопросы, а не только ответы, получаемые в исследовании, — это свойства, в равной степени присущие как экспериментальным наукам (с которыми ассоциируется экспериментальный метод, а не собственно естественно-научная парадигма), так и гуманитарным. Но в гуманитарных науках наработаны иные средства эмпирического опробования при проверке научных гипотез. Так, метод критического анализа документов — аналог экспериментального в исторических науках, также предполагающий воссоздание факта путем соотнесения гипотез и собираемых эмпирически данных.

9.4. Типы рациональности в классической, неклассической и постнеклассической психологии

9.4.1. Классическая и неклассическая психология

Пять грехов классической психологии указываются авторами, выступившими в психологии против задаваемых ею ограничений: сциентизм как узко понятая научность (так, психоанализ не столько наука, сколько искусство толкования), универсализм (поиск общих законов), индивидуализм, механистическое понимание каузальности в разделении внешнего-внутреннего и субъективного-объективного.

А. Г. Асмолов отнес к неклассическим подходам и теориям в психологии столь разные направления, как психоанализ (с его разработкой концепции бессознательного), теорию установки Д. Н. Узнадзе, культурно-историческую концепцию Л. С. Выготского, деятельностный подход (теории А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна). «Принципиальная новизна этих различных направлений методологии психологии состоит в прорыве за границы “постулата непосредственности” и поиске того “опосредствующего звена”, которое, порождая психические явления, само бы к сфере психического не принадлежало» [Асмолов, 2002, с. 446]. В работах его ученицы Гусельцевой более четко были прописаны те принципы, которые связывались уже не только с неклассической, но и с постнеклассической картиной мира, на которую могли ориентироваться психологические теории.

Это, в частности, такие предпосылки, как уход от противопоставления естественно-научного и гуманитарного познания; возникновение сетевых концепций, противопоставляемых основным положениям теории систем (анализ соответствующих «бутстрэпных» концепций в разных областях знания представил В. Капра [Капра, 1996]); революционная роль новой информационной культуры; движение навстречу идеям, отличающим познание мира и человека на Западе и Востоке. Сюда же относятся идеи «гуманизации мира языком» (В. Гумбольдт), переходящим с уровня функции (обслуживания) на уровень сущности (возвышения человека) [Гусельцева, 2003, с. 113], рассмотрения взаимоотношений человека и природы в диалоге и контексте ноосферогенеза; обращение к понятиям неопределенности (в том числе «духовной неопределенности») и незавершенности как *ценности*. Эти и ряд других представленных критериев могут служить основанием изменения парадигмальной сути психологических подходов или теоретической психологии в целом, если таковая когда-либо возможна.

Д. Б. Эльконин первым в 1981 г. назвал теорию Выготского неклассической психологией сознания в связи с рассмотрением ею социального не как воздействующего фактора или условия, а как источника развития личности. А. Г. Асмолов развил далее метафору перехода от культуры полезности к культуре достоинства как направление в построении психологической теории, предполагающему существование избыточности, непредсказуемости, изменчивости в обществе и аксиологически включающей нравственный императив личностного развития (как преобразования культуры в мир личности и порождения культуры).

Гораздо более широкий спектр неклассического понимания психологии дают некоторые авторы, которые вообще полагают в качестве признака неклассичности наличие взаимодействия между субъектом познающим и представляющим (поставляющим) некоторую психологическую реальность. Тогда чуть ли не вся психология, начиная с Джеймса, подводится под понятие неклассической парадигмы (Помогайбин, 2001). Такое комплексное объединение принципиально разных психологических подходов только скрывает существенные различия между ними, связанные с ориентацией на разные — классическую и неклассическую — парадигмы построения научного знания. Другое дело — поиск в рамках конкретной психологической концепции того содержательного или методического аспекта, который свидетельствует о преодолении классических для старой психологии постулатов (например, постулатов реактивности или «непосредственности»). Тогда можно говорить и о концепции Джеймса как содержащей неклассические элементы в понимании сознания человека.

Другой вариант неоправданного объединения психологических подходов — не по их содержательным и объяснительным принципам — представляет фиксация только на методе и цели, исключающая (как старый хлам) представленность в парадигме также и представлений психолога о его предмете. Например, это растворение предмета в порождающей его процедуре взаимодействия психотерапевта и клиента.

Возникновение так называемых неклассических ситуаций — более строгий (и адекватный представлению о смене научных парадигм) критерий или важный аспект выявления тех особенностей ситуаций в психологии, которые свидетельствуют о невозможности построения переходов от теории к эмпирии в рамках классического причинного и «объектного» отношения к человеку.

Наиболее продуктивный путь, на наш взгляд, заключается в выявлении оснований, которые могут быть рассмотрены как преодоление

той или иной психологической концепцией классического (новоевропейского) пути познания. Но для этого необходимо и четкое выделение критериев новейших (неклассических или постнеклассических) схем мышления в построении исследований, необходимо связанных с критериями того, как понимается в разных парадигмах научность познания. *Галилеевский* способ мышления, пришедший на смену *аристотелевскому*, по Левину [Левин, 1990], соответствовал классическому пониманию причинности и законообразности. Современная психология в рамках своих неклассических теорий преодолевает этот способ и разрабатывает новые. Методологические поиски психологии связаны не только с изменением классической картины мира, но и необходимостью соответствовать таким «вызовам современности», как философия постпозитивизма, культура постмодернизма, информационная культура, сетевой принцип организации знаний и др.

При этом следует учитывать *гетерохронность* развития психологических теорий, одновременное сосуществование различных принципов конструирования предмета изучения. Для неклассической парадигмы важнейшим завоеванием стало признание учета субъективности наблюдателя и невозможности изучения свойств объекта *вне взаимодействия* свойств субъекта и объекта. Действительность порождается субъект-объектным взаимодействием. В естествознании это пример квантовой механики — с порождением корпускулярных или волновых свойств микрочастицы в процедуре ее исследования. В гуманитарном знании — пример психоаналитической традиции, предполагающей конструирование у пациента того мира, который задан психоаналитической теорией. «Пациент до анализа» невозможен — этот тезис означает необратимость интерпретационной картины мира, образуемой у него, независимо от ее истинности или ложности.

9.4.2. Неклассическая психология и методологические заимствования

Какие ловушки подстерегают психологов, без должного понимания использующих новые (неклассические) каноны естествознания в обосновании множественности психологических парадигм, специально обсудила Е. Завершнева [Завершнева, 2001, 2002]. Так, психологи часто ложно понимают и представляют принципы неопределенности и дополнительности, сформулированные в квантовой физике. Дополнительность ими связывается с дополнением положений одной теории завоеваниями другой. Неопределенность же как понятие используется совсем в других значениях, чем это задавалось формулой физика В. Гейзенберга.

Принцип неопределенности как закон микромира был выведен этим выдающимся ученым исходя из корпускулярной теории, а Э. Шредингером — из разработки волнового аспекта бытия частиц в микромире, которое само вспыхивает только в момент его изучения. Речь идет о неопределенности как *невозможности полного познания* объекта, искажаемого мерностью измерительного устройства и, значит, влиянием познающего субъекта на выявляемые свойства объекта. В физике принцип неопределенности означает количественное соотношение, связующее воздействие измерительного средства на объект измерения, причем в рамках допустимой его величины (так называемая «постоянная Планка»), и применим этот принцип только по отношению к микромиру, но не к классической картине макромира. Принцип же дополнительности означает «двойственную природу вещества», допускающую два разных способа его описания, но не одновременную представленность их в одном и том же эксперименте [Завершнева, 2001, с. 73]. Здесь речь идет о том, что в разных экспериментах устанавливаются как корпускулярные, так и волновые свойства микрочастиц. Принцип дополнительности, разработанный в физике, нельзя понимать как принцип взаимодополнительности разных научных подходов или включения субъекта познания в процедуру измерения и воспроизводства изучаемой реальности.

Таким образом, принцип дополнительности — это никак не принцип *дополнительности теорий*, как и неопределенность — не мера хаоса. Если учитывать это, то следует признать, что психологи неправомерно подкрепляют свои воззрения мифологией названных принципов, а отнюдь не декларируемой опорой на новейшие достижения в построении картины мира. Открытость человека — то радикальное отличие, которое не позволяет проводить прямые аналогии в возникновении неклассических ситуаций в рамках физики и психологии. Для психологии такой неклассической ситуацией становится изучение регу-
лирующей функции эмоций или структурирующей функции мотива
...ыслительной деятельности, что в классической психологии рас-
...валось бы как невозможная проблема, поскольку аффект и
...описывались как исключающие друг друга психологиче-
...риентация на критерии *открытости* и *сетевого* прин-
...чии психологической регуляции, так и в организа-
... знаний (в рамках отдельной или метатеории)
...ованием оценочного отношения к реализуе-
...рируемым принципам неклассической и пост-
...дигм.

9.4.3. Постнеклассическая парадигма как определенная картина мира

По Степину [Степин, 2000], на постнеклассическом этапе развития науки теряется подразделение наук о природе и наук о духе, и разные типы рациональности делят между собой сферы влияния. Междисциплинарные исследования становятся ведущими. Рефлексируется не только связь знания с особенностями методических процедур, но и с ценностно-целевыми контекстами (рефлексируется всеми средствами ума, и не только с точки зрения целевой направленности гуманитарной парадигмы).

В работах М. С. Гусельцевой постпозитивистская картина мира и наука на стадии постмодернизма характеризуется как соответствующая следующим противопоставлениям по отношению к позициям, заявленным в предыдущих (классическом и неклассическом) типах рациональности:

- многомерность мира и разных логик его исследования;
- повышенная рефлексия и чувствительность к контекстам;
- принцип сетевой организации знаний, отмена иерархий;
- междисциплинарный дискурс;
- принятие идеи неопределенности как связующей этапы развития любых систем;
- недоконцептуализированность понятий, творчество в терминологии;
- принцип «благоговения перед развитием».

Автор ввела анализ отличий культурно-исторической психологии в более широкий контекст различия культурных эпох. Начавшаяся в XX в. эпоха постмодернизма отличается особым мироощущением, которое задано опровержением классических канонов в построении физической картины мира и развитием новой ментальности: «Наступает эпоха мезальянса, и постмодернизм — как стиль неопределенности, размытости, избыточности смыслов — наиболее репрезентативен для неклассического мироощущения» [Гусельцева, 2003, с. 100].

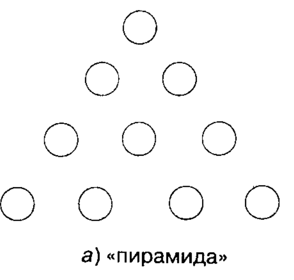
Новейшая эпоха связана, таким образом, с духовными течениями века. Мир в эту эпоху начинает осознаваться как рукотворный; в способах его описания начинают превалировать не каузальные связи, а смысловые, энергетические, синхронные, структурные. «Мы живем в реальности, где Порядок вечно сражается с Хаосом» [Гусельцева, 2003, с. 101]. И поэтому не случайны популярность теории *самоорганизации* нобелевского лауреата И. Р. Пригожина, развитие идей *толерантности* (на всех уровнях ее представленности), внелогического предпочтения теорий, сетевой парадигмы (вместо детерминистской картины мира).

Рациональность западной философии проявилась, как уже было отмечено, в классическом критерии рациональности применительно к научному познанию. Вместе с тем психологические знания древности и в восточных культурах используют другие описания, для которых европейские категориальные и схематические представления оказываются неадекватными. Возникает проблема «культурных органов», отсутствие которых мешает взаимопониманию и «диалогу опытов». Ряд категорий современной европейской (в том числе и отечественной) психологии имеют в восточной психологии свои обратные аналоги. Так, категории деятельности можно противопоставить категорию «не-деяния» (китайское «у-вэй») как совсем иного понимания принципа активности. Это не бездействие или молчание, а предоставление всему совершаться согласно его природе. Анализ этих непривычных форм психологического знания является актуальным направлением развития культурно-исторической психологии, а не только якобы закрытой для теоретического осмысления области психопрактик.

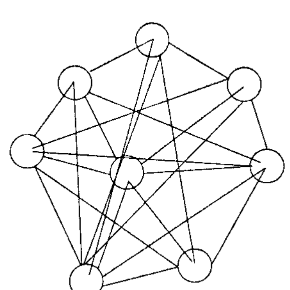
Изучение *ноосферогенеза* в контексте развития духовности, выдвижение на первый план не субъекта или объекта познания, а взаимоотношения, взаимосвязи — другие аспекты утверждения постнеклассической парадигмы в исследовательском сознании.

Для психологии важнейшем последствием принятия постнеклассической картины мира является признание ее *многопредметности*, а значит, сосуществования множества теорий. Кроме того, обоснование постнеклассической парадигмы как общей ситуации в науке предполагает, что любая психология, любая психологическая школа может стать ведущей для определенной задачи и определенного исследовательского контекста. Это соответствует второй из двух моделей развития психологии как науки, которые приводятся Гусельцевой [Гусельцева, 2002, с. 125]. Эти две модели развития психологической науки по их наглядному изображению представляют «пирамиду» (*а*) и «сеть», паутину (*б*) (рис. 4).

Первая модель предполагает принцип монизма, а значит наличие вершины в качестве ведущей методологии. Собственно, Л. С. Выготский отстаивал такую точку зрения, рассматривая создание общей психологии как путь выхода из кризиса. Однако именно его концепция стала рассматриваться в качестве переходной ко второму типу организации психологического знания. Преимущество культурно-исторической (культурно-аналитической, культурно-деятельностной) концепции стали видеть, в частности, с точки зрения ее коммуникативной функции между разными способами организации пути (метода) психологического исследования. Речь идет не о коммуникациях разных методологий между собой, а

а) «пирамида»

б) «сеть»

Рис. 4. Идеальные модели развития науки

о выделении из ряда психологических школ такой, посредством которой представители разных направлений могут услышать друг друга. Эта коммуникативная функция явно обозначилась в дискуссии, приводимой нами в последней главе учебного пособия (т. е. сама дискуссия и есть ее подтверждение). Все это говорит о том, что культурно-деятельностная психология имеет основания претендовать на статус постнеклассической.

Открытым остается вопрос о том, в какой степени критерии постнеклассической рациональности касаются отдельных теорий или перестройки всей системы психологической науки и практики в целом.

9.4.4. Ценностный аспект как характеристика психологического знания на постнеклассическом этапе психологии

Выше были изложены разные представления об исследовательских парадигмах в психологии. Парадигма связывалась с уровнем научной теории, с превалированием используемого метода, а также имела более широкий контекст звучания как образца классической или неклассической науки. Один из аспектов такого широкого понимания парадигмы связан с отношением к ценностным аспектам познания. В первой части книги мы уже рассмотрели позицию В. Степина, согласно которой включение ценностного контекста в познание рассматривается как

завоевание постнеклассической науки. Этот контекст выделялся в понимании гуманитарной парадигмы, в проблеме соотнесения методов исследования и методов психологической практики; за скобками анализа остались содержательные контексты включения ценностного отношения в содержание психологических теорий.

Другими философами постмодернистская стадия в развитии науки не рассматривается таким уж безусловным завоеванием. Кроме указания на социокультурный фактор моды постпозитивистских идей В. Лекторский отметил такое ее следствие, как определенная угроза общеевропейским ценностям. «Одна из таких ценностей, идущая от христианства, лежащего в основании этой культуры (европейской), — это признание субъективного мира, “внутреннего человека”, независимого в своих решениях от конкретной ситуации и от давления социальных обстоятельств (декартовское понимание внутреннего мира как чего-то принципиально отличного от мира внешнего — лишь одна из версий этой идеи). Вместе с тем нельзя не признать, что постмодернисты совершенно справедливо отмечают: “Я”, Субъект с его внутренним миром является не чем-то непосредственно данным, как это полагали в течение долгого времени многие представители европейской философии, а в известном смысле чем-то созданным, сконструированным. Они правы и в другом: ситуация в современной культуре такова, что“ Я” как единство сознания и как центр принятия решений оказывается под угрозой» [Лекторский, 2004, с. 17]. Однако вернемся к иному предмету ценностных отношений — к психологическим исследованиям и теориям.

Возрастание роли субъекта и конструктивная роль ценностного отношения к человеку и изучению его бытия в мире характеризует разные теории верхнего уровня. Примером являются методологические разработки С. Л. Рубинштейна в его работе «Человек и мир», где он обсуждал недостаточность идеи познающего субъекта, узость картины мира, выстроенной по принципу «субъект-объектного противопоставления». Обращение к характеристикам человеческого бытия предполагает введение новых онтологических категорий в психологию. А. В. Брушлинский продолжил развитие этой идеи в его психологии субъекта как методологии понимания человеческого бытия. «По сравнению с “классическим” рубинштейновским вариантом субъектно-деятельностного подхода в психологии субъекта существенно расширены представления о содержании активности как фактора детерминации психики» [Знаков, 2003, с. 97]. Одним из критериев субъекта для него выступала сформированность у человека способности осознавать совершаемые поступки как «свободные нравственные деяния» и готовность нести за них ответственность перед собой и обществом. Этот пример не является единственным. Но он показывает, что сам факт обращения к ценностному аспекту в психологии неоправданно относится только к прерогативе гуманитарной парадигмы.

В психологии это также проблема смысла — не только изучаемого, но и направляющего работу психолога. Понятно, что рассмотрение системы надындивидуальных смыслов не означает возрождения концепции Шпрангера, поскольку современные теории обсуждают иные источники их становления в культуре, науке и индивидуальном творчестве. Вопрос заключается сейчас в другом. Если это ценностное предосмысление воссоздаваемой ситуации позитивно трактуется применительно к психотехническим практикам, то остается непонятным, почему это должно трактоваться негативно (как антигуманизм) применительно к исследовательской процедуре в научной психологии.

К. Роджерс (1902–1987) писал о практических успехах психологии, выражая опасения по поводу ее возможного могущества, поскольку при чрезвычайных возможностях манипулирования сознанием достигаются цели не только созидания, но и разрушения. Совсем не случайно в последнее десятилетие возникли представления о том, что психологическая практика может по-разному оцениваться: так, возникли оценки разных практик как конструктивной и деструктивной психотерапии. В то же время В. П. Зинченко позитивно оценил такую особенность эксперимента, как создание условий для развития «человека возможного» [Зинченко, 2003]. Итак, не по критерию ценностного опосредствования проходит линия разграничения психологического эксперимента и психотехнического действа как психологических методов. Цели экспериментирования могут быть самыми гуманными, а, главное, практическая помощь наиболее очевидна там, где речь идет о хорошо (а значит, экспериментально) апробированной теории. «Хорошо» означает здесь максимальную критичность исследователя в способах достижения поставленных целей.

Обсуждение такого методологического аспекта психологических теорий, как включенность в них ценностных отношений, предполагает последующий анализ того, как это связано со структурой теории и установками в отношении получения и использования научного знания. Можно сопоставить две сложившиеся в методологической литературе ориентировки на соотношение целей познания и других, хотя и основных ценностей: добра, красоты, святости, пользы и др. Согласно Василюку, без определения в этой группе ценностей психологическое взаимодействие невозможно [Василюк, 2003]. Согласно Роджерсу,

«субъективный выбор ценности, рождающей научное исследование, всегда находится вне этого исследования и не может стать составляющим элементом этой науки» [Роджерс, 1994, с. 455]. Но у Роджерса речь идет о смыслах использования получаемого знания — обогащать, манипулировать, разрушать и т. д.

О другом аспекте — недопустимости включения любых других ориентиров в принятие решения, кроме мыслительных (разумных) оснований, писал К. Поппер [Поппер, 1992]. Согласно Попперу, любые апелляции к любым ценностям — дело аморальное, если речь идет об интеллектуальных решениях; а именно такие являются результатом интеллектуальной научной деятельности. «Аморальное» означает здесь как раз приоритет какой-то «другой» ценности — веры, классового интереса, пользы момента и т. д.

Связь метода психологического исследования с той или иной трактовкой ценностных отношений также включена в дискуссии о нарождающихся новых психологических парадигмах. И в связи с этим также встает проблема использования психологического знания в тех или иных целях — внешних по отношению к цели познания (но не по отношению к человеку). Отметим пока только следующее. Активность экспериментатора как осуществляющего вмешательство в изучаемые процессы является куда менее значительной, чем активность психотехника, созидающего ситуацию межличностного взаимодействия с клиентом с заведомой ценностной направленностью целей «помощи». Однако психологические тренинги или развивающее обучение не рассматриваются как негуманные методические средства. Значит, дело в ином: в системе ценностей, с которыми психолог приходит к экспериментальной или иной ситуации взаимодействия.

Таким образом, обсуждение такого методологического аспекта психологических теорий, как включенность в них ценностных отношений, предполагает последующий анализ того, как это связано со структурой теории и установками в отношении получения и использования научного знания.

9.5. Гуманитарный идеал и горизонты новой психологии

Как показала приведенная выше дискуссия, можно утверждать, что произошла следующая существенная подмена в обосновании того, что следует считать гуманитарной парадигмой в психологии. Наличие гуманистических целей, ориентация на человека, на раскрытие роли символов и смыслов стали критерием наличия особого мышления — значит и его способов, приемов (имплицитно под этим подразумевается изменение схем индивидуального мышления). Однако остался без обсуждения вопрос о том, почему принятие этих установочных принципов подразумевает отказ от той логической компетентности, которая связана с логикой обычного дискурсивного мышления и мышления научного, опирающегося среди прочих надындивидуальных нормативов и на экспериментальный метод. Целевая направленность на развитие гуманистической психологии стала почему-то отождествляться с другими типами размышления — главное, чтобы не экспериментального.

Однако то, что на теоретико-экспериментальном пути познания ценности выступают «внешними», фиксирует только определенный этап этого познания — принятие классической картины мира. В психологическом познании их вынесенность вне процесса взаимодействия человека с человеком чрезвычайно условна, а для ряда теорий (с базовыми категориями опосредствования, бессознательного и ряда других) и невозможна, что позволяет говорить о такой психологии, как неклассической (независимо от места работы психолога — в академическом учреждении или в психологической консультации).

В методологической работе [Карицкий, 2002], дающей наиболее полную систематизацию известных психотерапевтических практик (включая и восточные), лишь часть из них относится автором к гуманистическим. Огромное число практик представляет собой манипулятивные техники, куда автор относит поведенческое и когнитивное направления. Развитие личности как высшая ценность видится при этом только в практиках психологов гуманистического направления. В таком представлении не разводятся цели и техники; остается непонятным, почему же когнитивная ориентация не связывается с гуманистическим идеалом или почему, например, категория переживания, а не мышления должна стать ведущей для психотехнического метода. Возвращение уважения человеку мыслящему (отвечающему за «додумывание» мыслей) — вот высшая ценность, следующая, например, из работ М. Мамардашвили [1992]. Ценность интеллектуального анализа — позиция Дильтея в его реальной (описательной) психологии.

Обращает внимание также следующий исследовательский аспект психопрактического процесса: это «уточнение техники и технологии, особенности терапии, развития, саморегулирования и другое» [Карицкий, 2002, с. 108]. Первые три цели отвечают гуманистическому идеалу только в том случае, если достигаются следующие — развитие, саморегулирование и другое; но это как раз техниками и технологиями самими

по себе не задается. Личностный рост в качестве цели психотерапевтического взаимодействия не может рассматриваться бесценностно: критично оцениваться может и сам факт направления личности в ту или иную сторону (пусть и вместе выстраданную), и сама подмена идеи вспомоществования изначальной ценностью гуманистического идеала, связываемого в данном случае не с личностью психолога, а с флагом, маркирующим его как представителя того или иного направления.

Прямое связывание гуманистического идеала только с реализацией психотехнических практик и тем более с одним из теоретических направлений — *гуманистической психологии* — никак не означает переход к постнеклассическим идеалам, предполагающим наряду с оценочностью еще и принцип толерантности. Но, главное, в нашей литературе в связи с этим прослеживается подчас грубая историческая ошибка смешения гуманистической психологии и гуманитарной парадигмы.

Отметим те основные положения, которые объединяют авторов гуманистической психологии (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, Ш. Бюлер, Р. Мэй и др.).

- Личность представляет собой уникальную и неповторимую целостность, изучать которую необходимо во всей ее конкретной данности, а не в отдельных ее проявлениях. Отсюда делается вывод, что анализ отдельных случаев часто не менее важен, чем выявление каких-либо статистических закономерностей.
- В природе человека заложены потенции к непрерывному саморазвитию. Главное в личности — ее устремленность в будущее. Поэтому познание личности должно быть сосредоточено не столько на изучении ее прошлого, сколько на анализе того, к чему она устремлена, как она представляет себе свое будущее.
- Гуманистическая психология противостоит теориям, опирающимся на принцип гомеостаза (стремление к равновесию), ибо сам способ существования личности есть процесс постановки и достижения все новых и более сложных целей. Ведущими движущими силами развития личности выступают присущие человеку мотивы развития, побуждающие ее к постоянному поиску творческого напряжения.
- «Внутренний мир человека сильнее влияет на поведение, чем внешние стимулы окружающей среды» [Роджерс, 1984, с. 222]. Отсюда делается вывод, что внутренний, феноменальный мир человека должен (и может) изучаться с такой же тщательностью и точностью, как и внешние условия его жизни.

- Любое воздействие на личность (в том числе терапевтическое и воспитательное) должно быть непрямым (косвенным), исключающим прямое внушение. Терапевт должен с глубоким уважением относиться к индивидуальной позиции личности, сопереживать человеку и выступать в качестве его второго «Я». Но ответственность за принимаемые решения и их реализацию клиент берет на себя.

Итак, какие-то теории заведомо относятся к гуманистическим по предмету изучения и принципам отношения к нему в психологическом исследовании (это гуманистическая психология, громко заявившая о себе за рубежом в 1960-е гг.). Какие-то — по принципу, отражающему ориентацию на неэкспериментальный подход. На этом (втором основании), как отмечал О. К. Тихомиров [1992], к «гуманистическим теориям» относят и концепцию Дж. Брунера (ярчайшего представителя когнитивного подхода), и ряд других.

Экспериментальный метод составляет сердцевину исследовательской науки. Эта позиция разделяется представителями разных психологий, в частности и большинством представителей гуманистической психологии [Крипнер, де Карвало, 1993], и М. Хайдеггером [1992], и исследователями, работающими осознанно в рамках экспериментальной парадигмы, неправомерно отождествляемой с естественно-научной в психологии, но стоящими на разных теоретических позициях.

Можно сказать, что обе рассматриваемые парадигмы отличаются скорее провозглашением идеалов, действительно относящихся к разным эпохам в представлении целей психологии. «Гуманитарный идеал научного познания предполагает особый тип объекта изучения (уникальные, духовные феномены), изучение как взаимоотношение с изучаемым объектом (отсюда этический подход и проблема ответственности психолога), сочетание изучения и понимания (интерпретаций), такое изучение, которое способствует духовному процессу в человеке...» [Психология и новые..., 1993, с. 14]. Психолог, помогающий человеку развиться, также и «замышляет» его, что означает вовлечение в общение как среду существования личности, взаимное самовыражение испытуемого (клиента) и психолога.

Не знаем, кто бы стал спорить с необходимостью реализации гуманистического идеала в психологическом исследовании. Но в психологии личности в целом это более связывается с идеями саморегуляции, самодвижения, саморазвития человека, который делает себя своими решениями и поступками. В условиях психопрактического действа он лишь напарник, и еще вопрос, с какими функциями. Не случайно в послед-

ние годы стали обсуждать проблему деструктивной психотерапии. Другой вопрос — это действительно подчиненная роль исследовательских целей. Но это следует из утверждения области, которую справедливо называют практической психологией. Практическая направленность заведомо уводит от цели построения теории на пути ее соотнесения с получаемыми опытными данными и потому, что характер данных в таком практическом действе уже иной, и потому, что достигать практических целей действительно можно, минуя область теории[1].

В качестве науки, а не собственно практикующей области, психология без построения теоретического мира невозможна. Как показывает пример отечественных монографий [Василюк, 2003; Карицкий, 2002], даже практическая психология видит смысл в своей методологической рефлексии. Но этот мир (миры психологий) может оказаться очень разным при ориентировке на те или иные парадигмы у авторов, которые хотели нечто в психологической реальности исследовать и объяснять. Современная психология ищет новые горизонты в своих целях и средствах. Из этого не следует, что она должна отказываться от какой-то парадигмы в пользу какой-то другой. Да это и невозможно без теоретического переосмысления целей и способов построения психологического знания. Но вот привязывание теоретического мира психологии к дихотомии «естественно-научная — гуманитарная парадигмы» может действительно быть вредным занятием: как мы показали, на самом деле могут спорить не эти парадигмы между собой, а парадигмы, связываемые с этапами развития картины мира (и человека в нем).

Из явного устаревания принципа каузальности, имеющего в основе физическое понимание причинности, не следует, что психология должна отказаться от объяснительных принципов научных методов или от развития исследовательских целей и средств их достижения. Тем более из этого не следует, что гуманистические ценности в психологии должны противопоставить ее методологию классическому идеалу науки. Преодоление классического идеала рациональности столь же связано с завоеваниями философской мысли и практической деятельности человека. Как показала дискуссия 1993 г., да и развитие психологии в последовавшее за ней десятилетие, в постнеклассической картине мира предложенного в ней противопоставления нет. С одной стороны, гума-

[1] Наличие тележек для пассажиров в аэропорту — несомненно гуманистическое вспомоществование. И оно решает явно иную цель, чем подъем в воздух авиалайнера. Но если тележку можно «сработать» и не погружаясь в ньтоновскую науку, то решение практических задач самолетостроения без теоретизирования невозможно.

нитарный идеал существует скорее как провозглашаемая ценность и «образ желаемого результата», чем указание новых путей психологического познания [Юревич, 1999]. С другой стороны, современные исследования все более уводят от противопоставления человека миру природы, а общий поиск альтернативных классическому механицизму теорий — в частности, ориентированных на познание самоорганизующихся систем, — сближает разные типы мышления — физического и иного («гуманитарного»).

Итак, естественно-научная и гуманитарная парадигмы пока не различаются методами, поскольку ориентацию на «гуманитарный идеал» можно реализовывать и в академической психологии, и психотехнической практике, а психологи в рамках гуманистического направления используют и экспериментальный метод, и все возможности своего мышления, сформированные человечеством как надындивидуальные схемы познания в периоды и античности, и классической картины мира (построенной естествознанием Нового времени), и неклассической — в первую очередь в связи с принятием данности психологического факта только как результата субъект-субъективного взаимодействия.

В рамках представления этой уже уходящей в прошлое дискуссии[1] важно упомянуть также новую методологию П. Фейерабенда. В своей работе «Против методологического принуждения» он говорил о необходимости оставлять за человеком право выбора в связи с тем, что традиции научного образования, сглаживающие выдающиеся черты, препятствуют становлению индивидуальности.

Напомним также, что одним из аспектов изменения психологических теорий, не позволяющим переносить на современное состояние психологической науки то понимание кризиса, о котором писал Выготский, стало изменение самих объяснительных принципов, уже не подводимых под классическое понимание замкнутости причинного круга явлений.

9.6. Психология в поиске новых парадигм

9.6.1. Изменение отношения к методу исследования

Разработка косвенных методов изучения — в силу невозможности принятия идеи непосредственной данности психологического знания — тот аспект преодоления кризиса, который формулировался уже

[1] Был в приведенной дискуссии 1993 г. некоторый порыв нововведения гуманитарной парадигмы с претензией на то, чтобы она заранее ограничивала психологов в дальнейших поисках предмета-метода.

Л. С. Выготским. Однако на современном этапе психологического знания эта проблема звучит по-другому: какова роль исследовательской деятельности в *конструировании* психологической реальности? Это стало также аспектом сравнения неклассического и классического идеалов рациональности, в частности когда речь идет о включенности субъекта познания как участника ситуации и необходимого условия конструирования получаемых фактов (а не только теоретических реконструкций изучаемой реальности). Для психологов здесь масса академических примеров: и исследования методом интроспекции, и взаимодействие в ходе решения дункеровских задач, и ряд других. Сейчас отметим следующее.

Конструктивная функция целей научного познания, приводящая к воссозданию изучаемой реальности как моделируемой, а не только интерпретируемой, все более занимает умы методологов, осмысляющих взаимоотношения теоретических и эмпирических миров психологии. Эмпирическая реальность конструируется в исследовании — это отмечается как существенная черта и современных исследовательских методов, и современных психологических практик. Кроме того, психология рефлексирует воссоздаваемую в исследованиях картину мира и с точки зрения собственно методологического знания — как присутствие в психологических реконструкциях признаков классической и неклассической (а также постнеклассической) науки. Принятие идеи взаимодействия субъекта познания и изучаемой реальности (хотя это еще не всегда реальность активной личности) влияет на изменение отношения к схемам экспериментального исследования и обращение к теориям, предполагающим открытость человека миру.

Принятие ценностного параметра в оценке теорий на стадии постнеклассической науки означает не только принцип ценностного отношения к человеку, но и ценностное отношение к знанию и способам его получения. «Кто более матери-истории ценен?» — этот вывод будет сделан лишь потом, с других вершин методологического знания и в исторической оценке отрицания сослагательного наклонения. Для развития теорий их ценность не может быть очевидной, если критерием служит ценность прагматическая. Любая наука нарабатывает впрок знания, ценность которых совсем не очевидна для современников. Другой критерий — гуманистическая направленность теории. Эта вневременная ценность также не дает критерия для проставления рангов разным теориям с точки зрения их места в развитии науки.

Однако можно высказать ряд предварительных замечаний.

Отметим рассуждение В. П. Зинченко, высказанное им по поводу конструирования предмета психологии в работе «Теоретический мир психологии». Он указывает, что психика изучается непсихологическими методами, если источниками реконструкций онтологической реальности выступает такой психологический эксперимент, в котором эта реальность оказывается очищенной от любых жизненных обстоятельств, чтобы не нарушать строгости эксперимента. Психологи в таких экспериментах стали создавать «абстрактные и беспредметные миры задолго до художников, поэтов, композиторов, не говоря уже о кино. От таких миров не так прост возврат к мирам реальным, если они еще сохранялись и если мы знаем, что они собой представляют» [Зинченко, 2003, с. 10]. И это особый предмет размышлений — налаживание взаимоотношений между теоретическим миром психологии и миром экспериментальных моделей. Далее он обосновывает такое преодоление постулата непосредственности, как «восприятие, опосредствованное душой», или «шестым» органом чувств. И совершенно неожиданным оказывается его обратный ход к оценке роли экспериментальной психологии в построении опосредствованного знания.

В. П. Зинченко говорит о том, что она прощупывает *пределы* строительства человеком своего телесного и духовного, когда создает ситуации, которых в жизни практически не бывает. Она приоткрывает человеку его возможности, делая полезное дело, конструируя их, причем все как в первый раз (здесь он ссылается на Мамардашвили, считавшего, что человек все делает как в первый раз). Тем самым экспериментирование способствует самопроизводству человека, отвечая идее «природа не делает людей, люди делают себя сами». При этом он необходимо использует идеи «третьих» вещей, «второго рождения» человека по Мамардашвили.

Конструктивная роль исследовательского метода подытоживается им следующим образом. «В идее опосредствования-посредничества-медиации смыкаются культура, теоретический и экспериментальный миры психологии и подавляющее большинство психологических практик независимо от того, осознают ли это сами практикующие психологи» [Зинченко, 2003, с. 13].

Если предполагать, что психология, которая придет на смену нынешним исследовательским школам, выработает новые пути косвенного анализа психического, то следует заранее задуматься о тех преобразованиях, которым экспериментальный метод подвергнется в этой новой психологии. Изменение метода в соответствии с изменением предмета психологии и целей деятельности психолога — следующая основная перспектива, обсуждение которой еще только начато.

Включение взаимодействия с человеком в ходе его изучения — та реальность, которая уже завоевала себе право на методологическое осмысление (создание «жизненного пространства» как взаимодействия экспериментатора и испытуемого, обсуждение специфики методик двойной стимуляции в культурно-исторической психологии, взаимодействие с клиентом в рамках психопрактик). Граница, однако, проходит по другому разделу — включения этого взаимодействия в рамки анализа происходящего в рамках экспериментального и других методов.

Соответствующие перспективы преобразования экспериментального метода (как основного для научной психологии) в психологии Л. С. Выготский рассматривал как проблему совмещения исследовательской или диагностической процедуры с развивающими. Развитие квазиэкспериментирования — в частности, при обращении психолога к изучению так называемых «молярных» зависимостей, при построении экологически валидных реалий жизнедеятельности человека — выступает одним из путей изменения логики метода в современной психологии [Эксперимент и квазиэксперименты в психологии, 2004].

В то же время в современном познании стоит и проблема преодоления антропоцентризма как мировоззрения, согласно которому «человек есть мера всего». Уже в античности формулировались мысли о нечеловеческой природе человека. Проявление посредством человека объективного духа — наследие немецкой классической философии. Вынесенность вне личности того, что делает человека личностью, — современный поворот в решении вопроса о невозможности объяснения сути человека на уровне только психического. Человек — существо культурное и в этом смысле искусственное (обосновано Л. С. Выготским и М. К. Мамардашвили): его второе рождение связано с овладением общественно-историческим опытом как надындивидуальным. Мир людей в целом (и ситуация «пра-мы» для интерпсихических функций) является источником того, чем должен овладевать человек, чтобы стать человеком.

Если теперь вернуться к проблеме сосуществования разных парадигм в психологии, отвечающих ориентациям в ее построении на идеалы естественно-научного или гуманитарного знания, то в настоящее время они становятся все менее различимыми. Так, для гуманитарного знания не выделено каких-то особых схем мышления, и все называемые различия имеют отношение к сменам классического идеала рациональности на неклассический и постнеклассический, в равной степени характеризующие поиски философии, естественных и гуманитарных наук. И. Пригожин и И. Стенгерс пишут в связи с этим, что растет «согласие, а не разрыв и противопоставление» в методологиях естественно-научного и гуманитарного знания [2000]. Роль психологии в этом направлении сближения парадигм еще недооценена.

9.6.2. Признаки постнеклассической науки в современных психологических исследованиях

Если неклассические основы теории Л. С. Выготского вызревали и формулировались как новые идеалы научности *внутри самой психологии*, то в конце XX в. развитие нового — постнеклассического — этапа связано уже не только с развитием собственно психологических теорий, но и с общей логикой становления *междисциплинарных* исследований, новых форм познания и новых типов теорий, влияния новых философских и культурологических направлений (как вызовов постмодернизма), включения в научные исследования того, что было недопустимым в прежнем, классическом идеале рациональности — субъективности и субъектности, ценностей и неопределенности и т. д.

Тип научной рациональности, связываемый с постнеклассическим этапом развития науки, в психологии стал выражаться не только развитием междисциплинарных исследований, но и изменением понимания их статуса. Этот новый статус предполагает множественность предмета исследования, проблемно определяемого, а не замкнутого в рамках конструктов одной науки. Так, в статье Р. Стернберга и Е. Григоренко это выражено тезисом: «одна проблема» — комплексное исследование силами профессионалов разных наук [*Sternberg*, *Grigorenko*, 2001].

Выделение в качестве отдельных областей психологии таких, как психология человеческого бытия, *Da-Sein*-анализ, т. е. переход к изучению подлинно человеческих способов существования, означает перестановку акцентов в ходе развития психологического знания уже с собственно познавательной парадигмы в сторону парадигм *экзистенциальной* и *герменевтической*. Именно позиция Хайдеггера рассматривается как один из методологических вариантов выхода из кризиса (наряду с позицией С. Л. Рубинштейна) в психологии [Завершнева, 2002]. Но постановка человека в центр картины мира не означает отказа от философской идеи взаимосвязанности бытия и сознания. Так, согласно Хайдегеру, бытийные возможности человека «появляются всегда только “снаружи” из конкретной исторической ситуации с ее возможностями поведения и выбора, с ее отношением к встречному. ...Вместо речи о возможностях как конститутивных моментах вот этого бытия лучше говорить об умении-быть, всегда в смысле умения-быть-в-мире» [Хайдеггер, 1992, с. 112].

Переосмысление предмета психологии (и соответствующей логики его изучения) — вторая сторона проблемы возврата психологии в реальный мир, что во многом объясняет новую волну интереса к обсуждению ее методологии. Отказ от постулирования одного предмета и метода, разделяемый всеми, — важный шаг в развитии постнеклассического этапа в психологии. Утверждение толерантности по отношению к разным методологиям — один из аспектов принятия идеи *множественности* предмета психологии и методов ее развития. Уважение других точек зрения и диалогичность (или «презумпция ума» по Мамардашвили) также представляются неотъемлемыми для культурно-аналитической парадигмы в психологии.

Другая тенденция современного этапа как постнеклассического — дифференциация научных проблем, которая приводит к синтезу фундаментальных и прикладных исследований, интеграции психологических подходов и методического арсенала психологии, развитию комплексных исследовательских программ. О новом этапе развития психологической науки свидетельствует и внимание к новым темам, отражающим ее включенность в происходящие в мире изменения. Это, например, исследования толерантности, принятия решений, интуиции, смысловых образований, личностного развития, нового (сетевого) мышления — это все проблемы, которые предполагают выход за пределы «лабораторной психологии», освоение психологией новых реалий изменяющегося мира, а точнее человека в нем.

В методологии психологии необходимость перехода к новым типам представления психологических знаний была осознана даже раньше и параллельно происходившему во многих направлениях развитию психологических теорий. Это было связано с изменением понимания объективности метода психологического исследования. В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили в своей статье 1977 г. стали говорить о субъектности как проявляющейся объективно и о реальности — психологической реальности — как объективно опосредствованной деятельностью и индивидуальной психикой, а не данной некоторому идеальному «Наблюдателю», «прозрачному», т. е. не изменяющему свойств объекта.

В. Ф. Петренко выделил следующее основание уже случившегося перехода науки к *диалогичным* формам познания: «...человек и человечество меняются и эвлюционируют в реальном времени со скоростью, сопоставимой с процессом познания познающего субъекта, что создает ситуацию, скорее, диалога познающего и познаваемого, в ходе которого... происходит взаимное влияние и изменение познаваемого и познающего» [Петренко, 2002, с. 117]. Следующий критерий, который следует из обоснования «конструктивистской парадигмы в психологической науке», — влияние самой науки на мир. Теоретические конструкты стали не столько отражать наблюдаемые реалии, сколько воссоздавать реалии новые (будь то научная идея, миф или идея социального переустройства общества). Таким образом, не только культура влияет на развитие новых идей, но сами эти идеи, или «теоретические конструкции, предложенные мыслителями и учеными, будучи присвоенными культурой, общественным сознанием, становятся теми рельсами, по которым движется история» [Петренко, 2002, с. 118].

Следующее направление изменения картины мира — это идея «круговой каузальности», включаемая не в контекст причинной детерминации психического (т. е. это не одно из пониманий психологической причинности), а в контекст определения самого бытия понятийным аппаратом и аксеологическим аспектом психологических теорий. Это также новый аспект обоснования той методологической терпимости, представление о которой ввел Фейерабенд.

Идея включения человека в исследовательские схемы и реализация в них *потенциальных* возможностей человека (как его «опредмечивания») стала основополагающей как для ряда психотехнических практик, так и для обращения психологов к таким методологическим концепциям, суть которых выходит за пределы собственно психологического познания. Изучая человека, психолог помогает ему осуществиться. Само же осуществление человека, реализация возможного в человеке, может пониматься по-разному.

Признак нового типа научности — это также трансформация исследовательских парадигм в связи с поисками компромисса между пониманием специфики психологической причинности и методом, который должен удовлетворять двум взаимоисключающим требованиям: условиям причинного вывода, сформулированным применительно к естественно-научному эксперименту, и новому типу гипотез, предполагающему опосредствованность психологической реальности (активность как признак саморегуляции и т. д.). В этом направлении большую роль сыграло освоение психологами информационных технологий не только в качестве предмета изучения, но и в качестве средства изучения преобразований самой психики [Корнилова, Тихомиров, 1990; Тихомиров, 1993].

Сознательное, а значит, критичное отношение к аксиологическому аспекту любого исследования — тот диапазон развития, который еще только намечается в современной психологии. Шаг от созерцания к конструированию миров психология уже сделала. Является ли целью по-

знания как взаимодействия с миром его изменение — это уже социальный аспект оценки его преобразования.

Наконец, не менее важной, чем проблема метода, при анализе перспектив будущей психологии — в предполагаемом посткризисном пространстве идей и теорий — выступит проблема соотнесения разноуровневых ценностей в самой науке, неоправданно отождествляемая иногда с идеей ценностного отношения к человеку. Должен ли во главе системы ценностей стоять человек с его возможностями и сущностными проявлениями или же основания человеческого бытия и сути человеческой психики необходимо искать вне человека, в расширении круга психологической реальности — эти вопросы еще только ставятся в современной методологии.

Глава 10. Методологические принципы психологии

10.1. Открытость системы принципов

В предыдущих главах мы уже рассмотрели основной принцип построения научной теории — принцип причинности. Объяснительных принципов, как и базовых категорий, реализуемых в психологических теориях, достаточно много. Но только часть их претендует на статус общих принципов психологии. В качестве принципов психологии выступают наиболее общие направления построения психологических объяснений. Разделяемые принципы и категории ориентируют автора на определенные ценности и парадигмальные пути построения психологического знания. Тем самым появляется новый аспект сравнения психологических теорий — с точки зрения представленной в них методологии, соответствующей той или иной картине мира, которая «прочитывается» в ориентации ее на определенное понимание организации научного познания и общую методологию. В таком метаанализе можно все же выделять линии развития общей и частной методологии. Например, принцип детерминизма может рассматриваться и как общенаучный, и принимать конкретные формы на стадиях развития собственно психологического знания. Поэтому, представляя далее ряд принципов психологии, мы будем различать их как философско-методологическую составляющую и как составляющую конкретных психологических теорий, в свою очередь, не представимых без использования тех или иных базовых категорий в их конкретно-психологическом понимании.

Так, в главе 5 были представлены этапы общего направления становления принципа детерминизма, а в восьмой — проблема психологического понимания причинности в связи с переходом психологии от одних представлений о мире и человеке к другим. Признание парадигмальности психологической науки предполагает не только очерчивание уже разработанных принципов, на которые опирается частная методология, но

и развитие положений об открытости системы принципов психологического исследования — и в связи с изменениями в понимании критериев научности, и в связи с открытостью мира теорий, в которых может осмысливаться психологическая реальность. В данной главе указываются лишь некоторые из разработанных принципов, причем очень кратко, поскольку эта тема достаточно освещена в имеющейся литературе.

Метапсихологический уровень обсуждения тех или иных психологических категорий может рассматриваться отдельно от объяснительных принципов психологии — такой точки зрения придерживаются авторы «Теоретической психологии», выделившие категориальную систему и объяснительные принципы в отдельные разделы. В качестве основных принципов ими были выделены три: принцип детерминизма, системности и развития [Петровский, Ярошевский, 2003]. Но относительно ряда наиболее общих категорий можно переставить акценты с их понятийного содержания на те методологические подходы, в рамках которых строится на их основе психологическое объяснение.

Так, например, категория деятельности может рассматриваться и в ряду других категорий (личность, общение), и в качестве основания постулирования принципа, который может называться принципом деятельностной детерминации, деятельностным принципом, принципом единства сознания и деятельности или деятельностным подходом в психологии. В любом втором варианте категория деятельности будет рассматриваться как опосредствующая (позволяющая преодолевать постулат непосредственности). В первом учебнике С. Л. Рубинштейна это прозвучало так: «Психологическое познание — это опосредованное познание психического через раскрытие его существенных, объективных связей и опосредований», — и далее: «правильность определения психологического факта в процессе осознания, всегда основывающегося на раскрытии его отношений к объективной деятельности, может быть объективно установлена в деятельности» [Рубинштейн, 1935, с. 45–46]. Здесь еще категории опосредствования и деятельности слиты в едином понимании активного бытия человека в мире и обоснования возможности объективного познания психического.

Но позже категория опосредствования была так детально разработана в культурно-исторической концепции (опосредствование психологическими орудиями, знаками), что ее частнонаучное звучание — в конкретной теории — в определенной степени перевесило изначально более широкий методологический посыл, стоявший за этим словом как категорией. Как будет показано в следующей главе, в конце

90-х гг. XX в. вновь встала проблема соотнесения категорий деятельности и опосредствования. Понимание опосредствования как широко понятой медиации [Зинченко, 2003] возвращает этому понятию статус категории, но в уже ином содержательном наполнении, чем применительно только к концепции деятельностного опосредствования.

Деятельность в обоих подходах, поставивших во главу угла эту категорию (подходы Рубинштейна и Леонтьева), рассматривалась как активное отношение человека к действительности, как молярная единица этой активности. Поэтому другой переформулировкой могло бы быть утверждение деятельностного понимания психики как принципа активности в психологии. Разработка категории активности в философии и психологии исторически была связана с другими направлениями, апеллировавшими к имманентной активности сознания. И потребовались специальные усилия отечественных психологов (сюда необходимо отнести концепцию Н. Бернштейна наряду с культурно-деятельностным подходом) по утверждению материалистического понимания принципа активности.

Относительно других принципов, например системности, будет сказано в основном в общенаучном плане, поскольку многообразие использования понятия «система» в психологии таково, что в частнонаучном значении всегда необходимо упоминать конкретные психологические школы, совершенно по-разному представляющие реализацию этого принципа в научном исследовании. В книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» Б. Ф. Ломов рассмотрел некоторые принципы системного подхода в психологии [Ломов, 1984]. О. К. Тихомиров показал, что не следует противопоставлять принципы деятельностного и системного подходов [Тихомиров, 1983]. Апелляция к этому принципу в частных теориях рассматривается также в других частях учебного пособия.

Отметим также, что ряд категорий выступали на разных этапах отечественной психологии как принципообразующие. В первую очередь это категория личности. Так, разными авторами формулировался «личностный подход как принцип психологии». В настоящее время принцип личностного опосредствования неразрывно связан как с деятельностным подходом, что закреплено в названии книги А. Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность», так и с принципом активности, развиваемым в психологии познания и психологии личности с разных теоретических позиций (А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев, В. А. Петровский, С. Д. Смирнов и др.).

О. К. Тихомиров ввел в уже упоминавшейся работе принцип расширения методологических основ психологии. Плюрализм мышления — одно из оснований представления принципов как открытой системы, поскольку с преодолением постулата единственности методологического подхода (марксистской теории познания) отечественная психология необходимо будет вводить новые принципы при развитии мира теорий.

10.2. Деятельностный подход в психологии и принцип активности

Категория активности может рассматриваться в качестве более широкой, чем категория деятельности. **Принцип активности** реализовывался в ряде концепций: в теории онтогенетического развития А. Валлона он направлял выделение особого предмета изучения — эмоционально-тонической активности, действующей в единой системе с предметно-направленными действиями [Анцыферова, 2004]; в вюрцбургской школе выделяли активность мышления как основание несводимости его регуляции к ассоциативным механизмам; в культурно-исторической концепции активность субъекта выступила как активность в преобразовании собственной психики на основе орудийного использования стимулов-средств. Список психологических теорий, в которых апелляция к активности выступает в качестве специфического свойства тех или иных психических явлений (включая динамику развития личности), может быть продолжен. Активность в субъектно-деятельностном подходе и в подходе, вводящем понятие надситуативной активности [Петровский, 1992], в свою очередь, отличается от названных направлений реализации общего принципа. Роль принципа активности в общепсихологическом знании была обоснована именно в отечественной культурно-деятельностной школе (этот термин А. Г. Асмолов ввел для указания на преемственность общепсихологической теории как развивающей взгляды Выготского — Леонтьева — Лурии). Таким образом, принцип активности можно рассматривать как связанный именно с реализацией принципа деятельностного подхода (и субъектно-деятельностного) в психологии. В то же время, как мы покажем далее, в психологии принцип активности развивался и в иных контекстах.

Л. И. Анцыферова, рассматривая принцип связи психики и деятельности, соглашается с тем, что уже анализ деятельности показывает неразрывную связь деятельности и сознания с окружающим человека миром. Она подчеркивает заслугу С. Л. Рубинштейна в том, что первая проблема была включена во вторую и тем самым закрепилось диалектико-материалистическое понимание принципа детерминизма: «Принцип деятельности становится в этом случае существенной частью принципа детерминизма, раскрывающей конкретно процесс движения от внешнего к внутреннему и от внутреннего к внешнему» [Анцыферова, 1968, с. 77]. Позиции С. Л. Рубинштейна в проблеме понимания причинности нами был отведен специальный параграф (в главе 8). В новых учебниках закрепляется такая историческая последовательность: С. Л. Рубинштейн выдвинул принцип единства сознания и деятельности, а А. Н. Леонтьев расширил его, выдвинув принцип единства психики (в ее различных формах) и деятельности [Нуркова, Березанская, 2004]. Ниже мы остановимся преимущественно на том понимании деятельностого подхода, как он представлен в школе А. Н. Леонтьева. Но прежде продолжим трактовки принципа активности.

В более широком контексте **принцип активности противопоставляется принципу реактивности** (приводимая иногда дихотомия активности — пассивности не выдерживает критики в силу неприменимости категории пассивности уже к самым простым вариантам психической деятельности). Отличительными чертами психологических концепций, реализующих принцип реактивности, являются представления о реактивной и в этом смысле пассивной природе человека, основывающиеся на аналогии между человеком и машиной (т. е. на идее механистического материализма). Принцип реактивности реализуется в содержательно разных подходах — рефлекторном, бихевиористском, когнитивном (если строятся схемы познавательных процессов, исходя из «компьютерной метафоры»), при любых формах гомеостатических подходов. Принцип активности также имел в философии и психологии теоретически разные основания и воплощения.

А. Г. Асмолов назвал **формулой активности** слова А. Н. Леонтьева «внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет» [Асмолов, 1983, с. 123], включив в принцип активности положения о самодвижении, саморазвитии деятельности.

Говоря об активности психического отражения, выделяют такие его свойства, как селективность и пристрастность. В этом одно из противопоставлений деятельностного подхода бихевиористскому (с его реактивной схемой S–R). Избирательность и направленность психических процессов могут рассматриваться как собственно признаки активности отражения. Это не вполне оправдано — сводить активность только к селективности или избирательному характеру деятельности. Последнее скорее характеристика реактивных процессов, когда имеется в на-

личии множество воздействий и организм вынужден выбирать, на какое из них реагировать, как бы отфильтровывая одни воздействия от других. Ссылка же на пристрастность скорее указывает на источники феномена активности.

При анализе перехода от стимульной парадигмы к деятельностной при построении образа было выделено три параметра проявления активности [Смирнов С. Д., 1985]:

1) инициирование действия субъектом;
2) направленность на изменение внешней действительности (уничтожение определенности внешней действительности);
3) отставленность во времени и пространстве акта деятельности от окончательного результата, с одной стороны, и от инициировавших его событий — с другой, а также наличие между ними многих опосредствующих действий (если так можно выразиться, их удаленность друг от друга в пространстве структурных элементов деятельности, которая может прямо не коррелировать с их пространственной и временной отставленностью).

Реализация принципа активности применительно к познавательным психическим процессам шла в советской психологии именно по пути их деятельностной трактовки. В физиологии активности Н. А. Бернштейном были открыты законы регуляции действия как законы порождения и построения, а в работах А. Н. Леонтьева — особенности двойной детерминации построения образа (свойствами объекта и задачами субъекта). Целевая регуляция при исследованиях восприятия, памяти и мышления также понималась как регулирующая роль активности субъекта в их актуалгенезе. Наконец, исследования активности субъекта как внутренних моментов его саморазвития и самодетерминации стали реализацией принципа активности в области исследований личности.

Само по себе признание целевой причины еще не говорит о реализации принципа активности. Так, в исследованиях К. Левина она могла означать достижение принципа равновесия, т. е. гомеостазиса (в отношениях личности и среды). Подчиненность поведения заранее установленной цели — это скорее характеристика адаптивности. Но человек характеризуется и неадаптивными действиями, стремлением к нарушению гомеостазиса. В теории В. А. Петровского неадаптивная активность личности, выход за рамки ситуативно заданных требований (бескорыстный риск) стали таким же предметом изучения, как самоактуализация у А. Маслоу. Сами процессы постановки цели выступили у О. К. Тихомирова и В. А. Петровского теми этапами самодетерминации, за которыми уже не предполагалось вскрытие их деятельностных структур (хотя сами они становились регуляторами действий). Принцип активности при этом не обязательно прямо формулировался его сторонниками. Его представленности в теориях личности следовало бы посвятить специальную работу. Однако ограничимся категориальными связями в рамках деятельностного подхода.

В работе «Понятия и принципы общей психологии» О. К. Тихомиров обсудил вопрос о том, что в отечественной психологии сложились разные варианты деятельностного подхода. Он реализуется в многочисленных работах сторонников разных научных направлений, даже если авторы не относят себя к последовательным сторонникам теории деятельности. В другом параграфе той же главы Тихомиров соотнес понятия деятельности и активности, считая последнее более широким. «Проблема и активности и деятельности очень тесно связана с такой классической проблемой психологии, как проблема внешней детерминации деятельности, психики человека и животного» [Тихомиров, 1992, с. 34] — это свидетельствует о понимании им категорий активности и деятельности именно как связанных с объяснительными принципами психологии[1]. При этом для анализа экспериментальных данных, демонстрирующих новообразования в процессуальной регуляции мышления, он допускал введение понятий, фокусирующих аспекты «додеятельностных» уровней регуляции, т. е. не оформленных в рамках деятельностных структур, например доцелевых предвосхищений [Корнилова, Тихомиров, 1990]. Целевую регуляцию он рассматривал очень широко — как активность, выходящую за пределы наличной ситуации [Тихомиров, 1992].

В то же время следует признать, что соотнесение психологических представлений об активности и деятельности (как молярной единицы активности человека — в понимании А. Н. Леонтьева) приводит к непростым схемам соотнесения понятий, которые представляют деятельностные структуры и фиксируют аспекты активности, лишь в своем генезе имеющие деятельностные основания. Это уже названные понятия образа мира, целеобразования, надситуативной активности личности и др.

[1] Однако его смущало введение новых понятий (интеллектуальной активности, надситуативной активности) как допускающих недетерминистское толкование. Он видел возможность развития в рамках деятельностного подхода более тонких представлений о регуляции, в частности познавательных процессов в аспектах становления новообразований, в целом детерминируемых деятельностными отношениями.

При субъектно-деятельностном подходе также реализуется принцип активного изменения действительности и принцип «внешнее действует через внутреннее» (с сегодняшним подчеркиванием идеи примата внутренних условий) [Субъект, личность и психология человеческого бытия, 2005].

10.3. Принцип системности

10.3.1. Предпосылки системного подхода в психологии

Важнейший постулат принципа системности в психологии гласит, что все психические процессы организованы в многоуровневую систему, элементы которой приобретают новые свойства, задаваемые ее целостностью.

В общей методологии понятие системы является чрезвычайно широким. Различают материальные системы (Солнечная система), среди них — системы «организм — среда»; идеальные системы (например, знаковые); социальные системы. Таким образом, **принцип системности** означает рассмотрение любого предмета научного анализа с определенных позиций: выделения составляющих систему элементов и структурно-функциональных связей (причем не сводимых к каузальным), обоснования ее уровней и системообразующих факторов, единства организации и функций, стабильности и управления.

После выхода в свет в 1957 г. книги Л. Берталанфи «Общая теория систем» категория системы из философско-методологической перешла в иной статус — названия объяснительного принципа, конкретизируемого различным образом в научном познании. Одновременно появилось множество частных теорий систем, предполагающих также иные принципы, чем заявленные в общей теории систем. Поиски предпосылок системного понимания психики относят становление этого принципа к более ранним этапам. Теоретическое развитие наук уже в XIX в. создало предпосылки системного понимания применительно к живому организму.

Реализацию системного принципа в теории познания — до его формулирования как философско-методологического — связывают с подходом К. Маркса к анализу экономических систем и теорией происхождения видов Ч. Дарвина [Философская энциклопедия, 1970, т. 5, с. 19]. Развитие кибернетики как общей теории управления также называют ведущим среди предпосылок формулирования принципа системности.

Системный подход, как указывают Петровский и Ярошевский, не был «изобретен» философами, а направлял многие научные разработки до введения его обозначения. Так, например, он был представлен в биологических теориях Бернара и Кеннона[1]. К. Бернар ввел понятие саморегуляции в новую научную модель организма. Он предложил теорию «двух сред», в рамках которой внутренняя среда организма рассматривалась как система, обеспечивающая выживание его во внешней среде.

Американский физиолог У. Кеннон утверждал принцип системности как принцип гомеостаза, обеспечивающего динамическое постоянство свойств системы в ее противодействии факторам, угрожающим ей разрушением. Тем самым он пришел к формулированию «общих принципов организаций» как отличающих системы от не-систем. Принцип системности был представлен в учениях о биоценозе, развивался в генетике, социологии и психологии.

Авторы «Теоретической психологии» выделили пять принципов, которые можно рассматривать в качестве предшественников принципа системности в психологии: холизм, элементаризм, эклектизм, редукционизм, внешний методологизм. Относительно последних трех можно спорить в том смысле, что они представляют определенные методологические основания оценки построения теоретических психологических объяснений, не обязательно ассоциируемые с принципом системности. В то же время первые два несомненно фокусируют предпосылки собственно системного анализа в психологических знаниях.

Холизм в переводе с греческого — это целый (весь), т. е. первичное невыводимое начало, которое вне сохранения целостности теряет свою сущность.

В психологии такими целостностями выступали душа, организм, машина («картезианский» человек), личность, сознание.

Элементаризм (атомизм) — принцип, предполагающий соединение в целом отдельных элементов, сущности которых не изменяются целым.

В психологии сознания это был структурализм Вундта и Титченера, в бихевиоризме это объяснения формирования навыка. И холизм, и элементаризм — не достояние только историко-психологического анализа; это также аспекты сравнения множества теорий в той или иной области. Так, Хьелл и Зиглер [Хьелл, Зиглер, 1997] в семикатегориальной схеме оценивания теорий личности «холизм — элементаризм» относят к категории наиболее выраженного холизма концепции Адлера, Эриксона, Маслоу, Роджерса, умеренно сильного — Фрейда, Кел-

[1] Этот созданный биологами принцип системного объяснения Ярошевский и Петровский считают третьим в истории (после аристотелевского и декартовского). Следующий они отнесли к психоанализу.

ли, Оллпорта, умеренного элементаризма — подход Бандуры, сильного элементаризма — Скиннера.

Зарождение системного подхода связывают с именем Аристотеля. Это первичная трактовка организма как системы, попытка усмотреть в душе специфику человеческой формы организма, зачатки концепции гомеостаза (стабильность изнутри вопреки возмущающим влияниям извне), целесообразности как проявления целевой причины, а также принципа активности как движения в сторону и формы, и цели. Душа и тело в концепции Аристотеля не могут быть разъединены как сущности. Душа — системообразующий принцип жизни тела.

В последующем принцип системности появляется уже в иной трактовке в XVII в., когда по законам механики предлагается построение целостности человека как рефлекторной машины. Декартом утверждалась двойная детерминация души активными внутренними состояниями и страстями как страдательными состояниями, возникающими под воздействием телесного (физического). Но трактовка активности тела обходилась и без обращения к душе (или образу) как ее регулятору.

В послекартезианский период представлений о взаимосвязи души и тела они разъяты, и нерешенность психофизиологической проблемы не дает им соединиться в рамках единой теории (которая теперь относится либо к душе, либо к деятельности человека, либо к мозгу как субстрату). Машинообразность как аналог представления системности дает двойной вход в систему: во-первых, в аспекте ее рассмотрения как структурного и целесообразного единства и, во-вторых, в аспекте «когитального» ее постижения — с открытостью регуляторного профиля в этом направлении. Но эта открытость не означает открытость системы «организм — машина» для других подходов к познанию. И в этом основной подвох рассмотрения «картезианского» человека как системы. Оно влекло за собой развитие тех психологических теорий, где система причинного обусловливания вновь оказывалась закрытой.

В биологических теориях активность организма подчиняла уровень психической адаптации к среде (активность души здесь была не нужна, а образ служил цели приспособления). В гештальттеории структурам сознания оказался ненужным выход к структурам тела, коль скоро принимался принцип изоморфизма. Введенный в 1912 г. Вертгаймером принцип изоморфизма был обстоятельно обоснован Келером. Он предполагал, что пространственная конфигурация восприятия изоморфна пространственной конфигурации соответствующих участков возбуждения в мозге. Психофизический изоморфизм предполагал топологическое, а не метрическое соответствие. В теории систем это более широкая формулировка.

Изоморфизм означает наличие однозначного (собственно изоморфизм) или частичного (гомоморфизм) соответствия структуры одной системы структуре другой.

В психоанализе системность была заключена в соотношении работы сознания и бессознательного, с имманентной причинностью, которая наружу проступает скорее в нарушениях регулятивной функции целостной структуры личности («Я», «Оно», «Сверх-Я»).

Отдельного места с точки зрения изменения понимания детерминации психического и регуляции поведения заслуживает концепция И. М. Сеченова. Она рассматривается в методологических работах в качестве существенной предпосылки системного анализа психического. Но в рамках данного пособия мы не готовы к столь краткому ее анализу, который не исказил бы сути заложенных в ней поворотов к соотнесению объяснительных принципов в психологии и физиологии[1].

XX век добавил в критерии системности новое понимание целевой регуляции поведения — как биологической, экономической или иной целесообразности, не связанной с психологическим представлением о цели.

Целесообразность в учебнике Петровского и Ярошевского трактуется как одно их проявлений принципа системности. Так же это представлено и у сторонников частных теорий систем (например, у Р. Акоффа применительно к «целеустремленным системам»). Но целевая функция может быть понята безотносительно к субъекту. Так, авторы экономической теории Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн ввели направленность на целевую функцию «максимизации полезности» для системы, действующей по правилам и не предполагающей в понятии ЛПР (лицо, принимающее решение) субъекта [Нейман, Моргенштерн, 1970]. Подмена понятия субъекта понятием системы зачастую происходит именно посредством обращения к целевой функции, к целесообразности (включая ориентировку организма на «потребное будущее»). Но тогда понятие системы служит уже не принципом в рамках разработки психологической теории, а звеном, позволяющим

[1] Ограничимся емкой цитатой: «...Сеченов (усвоивший уроки и Дарвина, и Бернара, в лаборатории которого он открыл центральное торможение) создал первую теоретическую схему психологической системы (имеющей два плана: внешний, в виде объективно данной сенсомоторной деятельности организма, и внутренний как интериоризованный, но при этом и преобразованный "дубликат" этой деятельности)» [Петровский, Ярошевский, 2003, с. 369].

подменять психологическое объяснение другим, не охватывающим специфику психологических систем.

Развитие представлений о психологических системах в школе Л. С. Выготского вернуло детерминистические связи в объяснение становления психического. С одной стороны, это было обращением к социальной детерминации, выраженное в понятиях социальной ситуации, ситуации «пра-Мы», с другой — в представлениях о знаковых системах как пути культурной детерминации, на чем мы специально остановимся далее в главе 11. В теориях Сеченова и Выготского можно видеть первые методологические подходы, объединившие ориентации на причинный и системный анализ психического и вместе с тем выход его в другие системные уровни связей (нейрофизиологической и социальной реальностей).

И. П. Павлов продолжил материалистическое основание сеченовского учения в развитии представлений о двух сигнальных системах как опосредствующих связь регуляции поведения с детерминацией внешнего мира. Новый контекст — социокультурной детерминации — был введен представлением Выготского о знаках как новом этапе психологических орудий человека, изменяющих природу психических функций, что позволяет говорить о том, что «не только мозг управляет человеком, но и человек — мозгом» [Петровский, Ярошевский, 2003, с. 382].

Реализация системного принципа, восходящего к марксовому методу анализа, представлена в исследованиях Мамардашвили (см. главу 8). Системо-деятельностные объекты стали предметом целой методологической школы Г. П. Щедровицкого. Хотя сам он считал термин «предмет науки» в новой ситуации неприемлемым, предложив представление о мыследеятельности как новом пути познания: «...психология — это особая сфера мыследеятельности, по сути дела захватывающая весь универсум жизнедеятельности, весь социум, с множеством научных предметов и разного рода техник — антропотехник, психотехник, культуротехник и целый ряд практик... включая практики "коммуникации" и "взаимодействия"» [Щедровицкий, 1997, с. 109]. Но предполагаемый во многих методологических разработках выход психического вовне — в новые системные связи, минуя психологическую теорию, — не всегда удовлетворяет тем основаниям, ради которых этот принцип когда-то вводился: уровневого анализа и раскрытия системообразующих связей для более адекватной характеристики тех или иных изучаемых систем.

На возможность понимания психического как системы в рамках именно построения психологической теории указывал О. К. Тихомиров, говоря об использовании Л. С. Выготским понятия *психических систем* [Тихомиров, 1992]. В ином воплощении принцип системности в отношении к психологическому анализу разрабатывался Б. Ф. Ломовым.

10.3.2. Принцип системности в методологии Б. Ф. Ломова

В монографии «Методологические и теоретические проблемы психологии» Ломов выделил ряд особенностей принципа системности в качестве наиболее важных для построения «общей теории» психологической науки. Нельзя не видеть здесь переклички с идеей Выготского о создании общей психологии на единой теоретической платформе как средства преодоления кризиса в психологии, хотя сам автор такого контекста не намечает. В. А. Барабанщиков, анализируя взаимосвязи концепций Рубинштейна и Ломова, говорит об использовании в качестве важнейших предпосылок рассматриваемой системной концепции двух ключевых идей философско-психологической концепции Рубинштейна: идеи «**полисистемности** бытия человека и **интегральности** его качеств и свойств» (выделено *В. Б.*) [Барабанщиков, 2000, с. 47]. Третьей идеей стало представление о единстве психического отражения и деятельности субъекта, видоизменяющего саму действительность. Принцип детерминизма при этом выдвигал на первый план активную роль внутренних условий и «необходимость самодвижения» психического.

Системный подход виделся Ломовым как трактовка «психического в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как целое» [Ломов, 1984, с. 88]. Им конкретизировались следующие пути реализации системного подхода в психологии.

Во-первых, требуется рассмотрение явления в нескольких планах (или аспектах): микро- и макроанализа, специфики его как качественной единицы (системы) и как части родовидовой макроструктуры[1]. Во-вторых, это рассмотрение психических явлений как многомерных, для которых абстракция, реализуемая последовательным их рассмотрением в каком-то одном плане, не должна закрывать всех других возможных планов.

В-третьих, система психических явлений (а также отдельных психических процессов и состояний) должна рассматриваться как многоуровневая и иерархическая. Многоуровневость рассмотрена автором на примере антиципации, которую как психический процесс можно анализировать на субсенсорном уровне, сенсомоторном, перцептивном, уровне представлений и речемыслительном. Каждый уровень соответ-

[1] См. работу В. П. Кузьмина «Принцип системности в теории и методологии К. Маркса».

ствует уровню сложности решаемых задач, а в реальной деятельности все они взаимосвязаны. Аналогичная схема выделения уровней реализуется для процессов принятия решений, мышления, творчества.

Взаимоотношения между подсистемами динамичны и зависят от системообразующего фактора, объединяющего в функционирование целого отдельные механизмы, реализуемые на том или ином уровне. Соподчиненность и автономия уровней — важнейшие условия саморегуляции системы. С разными уровнями могут быть соотнесены разные психологические законы.

В-четвертых, множественность отношений, в которых существует человек, влечет за собой множественность и разнопорядковость его свойств. Построение «пирамиды» этих свойств предполагается в кооперации с другими науками.

В-пятых, системный подход связывается с изменением в понимании принципа детерминизма. И линейный детерминизм, и вероятностный представляют собой лишь частные случаи детерминации. Поскольку принцип существования человека является «полисистемным» (он существо и биологическое, и социальное, к тому же психические явления могут быть отнесены к разным уровням), то не может быть универсальной формы детерминации. Детерминация может рассматриваться и в качестве биологической, и социальной, и в качестве каузальной связи, и в качестве некаузальных типов связи. Это типы связей, соотносимых с понятиями «условие», «фактор», «основание», «опосредствование» и др.

Наконец, системный подход соотносится с принципом развития, поскольку системы существуют только в развитии. В развитии происходит и смена детерминант, и их взаимодействие (специфичное на каждой стадии). При этом развитие может включать и линии прогресса, и линии регресса. Развитие — это разрешение противоречий между внешним и внутренним, между причинами и условиями, между системами и подсистемами, между уровнями и т. д.

Так, представленный принцип системного анализа разделяется, по-видимому, большинством современных психологов. Но от такой широкой трактовки до реализации его в психологических теориях проходит этап содержательной ориентировки авторов на собственные трактовки указанных выше положений. В частности, это предпочтения «парадигмального» характера, связанные с разным пониманием и деятельностного принципа, и принципа активности, и регулятивной функции психического.

Подход Ломова вызывал возражения из-за недостаточного определения специфики собственно психологических систем. Так, О. К. Тихомировым обсуждались существенные различия между современными апелляциями к многоуровневости регуляции процессов в общей теории систем и изучением психологических систем в рамках культурно-исторического и деятельностного подходов [Тихомиров, 1983]. Не завершен спор отечественных психологических школ о системном строении сознания и о роли знаковых систем.

Между разными психологическими теориями споры идут не о принципе системности, а о том, как понимать сами психологические системы. Таким образом, дело скорее за обоснованиями того, что дает принцип системности дополнительно к представлению объяснительной схемы в рамках той или иной психологической теории.

10.3.3. Системно-исторический подход к развитию психологических теорий

Л. И. Анцыферова и Е. А. Будилова рассматривали системно-исторический подход как реализацию принципа детерминизма в истории психологического знания. Он предполагал анализ ведущей роли философских проблем, единство исторического и логического анализа, отражение меняющегося объекта в движении теорий, а также рассмотрение и оценку психологических теорий прошлого с позиций более высоких ступеней развития науки. «Разрабатываемый принцип включает также находящиеся на стадии разработки вопросы о смене в ходе истории психологии разного типа знаний и законов, о критериях уровня развития сменяющих друг друга теорий, об изменении понятийного строя психологических теорий, о связи исторических и прогностических исследований в психологии» [Анцыферова, 2004].

Предположение о многоуровневой детерминации смены психологических теорий реализуется в трех уровнях их анализа:

1) науковедческий уровень (условия возникновения теории, круг ее проблем и понятий, специфика ее практики); здесь слои различной «древности» рассматриваются в аспектах их преобразования более поздними взглядами автора; одновременно выявляется связь с эпохальными историческими событиями, господствующей философией, личностью ученого;
2) уровень (принцип) историчности объекта исследования, в качестве которого выступает личность; этот уровень реализован применительно к становлению теорий личности в западной психологии; Е. А. Будиловой он представлен также в анализе исторической смены основных дискуссий в отечественной психологии [Будилова, 1972];

3) уровень внутренней организации личности, на котором обсуждаются «связи истории индивидуального развития личности с ее сложившейся организацией» [Анцыферова, 2004, с. 185].

Понятно, что для такого типа анализа возможно выделение и другого предмета психологии (с обоснованием системного взгляда на него).

10.4. Принцип развития

Принцип развития связан с принятием генетической точки зрения на предмет изучения. Психологические теории используют при этом представления о филогенезе, онтогенезе и актуалгенезе. Другой аспект проблемы: существование психического только в его процессуальном развитии. «Необходимость отражать, прогнозировать, предвосхищать изменчивость условий разных форм социально обусловленной деятельности человека породила особый — фундаментальный, основной — способ существования психики: в качестве непрерывного (континуального), постоянно развивающегося процесса» [Анцыферова, 2004, с. 170].

Генетический путь рассмотрения при этом связывается не только с содержательными основаниями, представленными в теории, но и с методом построения исследования. Так, метод лонгитюда претендует на проверку гипотез о развитии [Бурменская, 2004]. Выготский называл свой метод экспериментально-генетическим «в том смысле, что он искусственно вызывает и создает генетически процесс психического развития» [Выготский, 1983, с. 95]. Здесь речь шла о том, чтобы представить всякую высшую форму поведения «не как вещь, а как процесс». Соответствующий методический прием, реализованный в принципе построения методик двойной стимуляции, позволял анализировать становление высших психических функций как процесс их *опосредствования* (и тем самым преобразования).

Более широкое понимание предполагает принцип развития, используемый как методологическая опора в рамках любой теории, где обсуждаются его движущие силы и влияющие на него факторы. В отечественной психологии разработана концепция ведущей деятельности, в рамках которой в онтогенезе происходит становление основных *новообразований* психического развития. В некоторых зарубежных теориях продолжает проявляться «конечная» причина, предуготавливающая движение психического развития к некоторому финальному состоянию. Таким конечным состоянием в эпигенетической концепции Э. Эриксона выступает этап индивидуальности, в концепции когнитивного развития Ж. Пиаже — стадия операционального интеллекта (формальное завершение структуры группировок) .

Но принцип развития реализуется и в исследованиях психики взрослого человека, в частности на уровне микрогенетического анализа. Выделение микроэтапов в развертывании психических процессов реализует подход, раскрывающий функциональное становление, т. е. их актуалгенез. Недостаточность апелляции к принципу обратной связи, детерминирующая роль разного рода (и уровня) предвосхищений, динамика новообразований (смыслового, целевого, операционального уровней) — существенные завоевания отечественной психологии в конкретизации принципа развития в изучении мышления.

Анализ динамики регуляции процесса может давать свидетельства о его развитии. Однако не всякое временное развертывание процесса предполагает его развитие. Переструктурирование психологических систем — важный критерий развития. Так, Л. С. Выготский демонстрировал этот принцип в книге «Мышление и речь», говоря о перестройке процессов в переходе от младшего школьного возраста к старшему и соотношении процессов обучения и развития. В ходе освоения научных понятий меняется не только внутренняя структура мышления ребенка, но и системная организация сознания в целом; в частности, это выражается в изменении взаимоотношений между мышлением и памятью. Обсуждение вопроса о развитии в ходе процессов опосредствования будет представлено в следующей главе.

Л. И. Анцыферова дает такое определение этого принципа:

Под **развитием** в широком смысле обычно понимается изменение или функционирование системы, сопровождающееся появлением нового качества (возникновением качественных новообразований).

Она выделяет следующие особенности такого процесса, важные для психологии и педагогики [Анцыферова, 1978]:

- *Необратимость*. Любая деградация, обратное развитие, не является зеркальным отражением поступательного развития; возвращение системы на исходный уровень функционирования возможно лишь по одному или нескольким показателям — полное восстановление того, что было раньше, невозможно.
- Любое развитие включает в себя две диахронические структуры — *прогресс* и *регресс*. Прогрессивное развитие (от низшего к высшему, от простого к сложному) обязательно включает в себя элементы регрессии уже хотя бы в силу того, что выбор одного из направлений развития оставляет нереализованными многие другие (за все надо платить, гласит житейская мудрость).

- *Неравномерность развития.* Периоды резких качественных скачков сменяются постепенным накоплением количественных изменений.
- *Зигзагообразность развития.* Неизбежным во всяком развитии является не только замедление, но и откат назад, ухудшение функционирования системы как условие нового подъема. Этот феномен связан с формированием принципиально новых структур, которые на начальных этапах функционирования работают в некоторых отношениях хуже, чем старые. Когда ребенок переходит от ползания к ходьбе, он перемещается в пространстве медленнее и иногда с ущербом для своего здоровья.

В такого рода переходах обычно выделяются три фазы: *фаза дезорганизации и кризиса*, завершающаяся перестройкой, возникновением новой структуры; *сензитивный период* быстрого развития и реализации новых возможностей; *критический период* — снижение темпов развития, повышение уязвимости системы.

- *Переход стадий развития в уровни.* При появлении нового уровня функционирования старый не уничтожается, но сохраняется с некоторыми специфичными только для него функциями в качестве одного из иерархических уровней новой системы. Так, первые две стадии развития мышления — наглядно-действенное мышление и образное мышление — не исчезают с появлением понятийного, но сохраняются в качестве особых форм для решения задач определенного типа.
- Наряду с тенденцией к качественному изменению и переходу на более совершенные уровни функционирования всякое развитие осуществляется в единстве с *тенденцией к устойчивости*, сохранению достигнутого и воспроизведению сложившихся типов функционирования. Иначе говоря, успешное развитие невозможно без сильной консервативной тенденции.

Роль наследственности и среды в психическом развитии, положение о «ведущей деятельности», в ходе которой происходит становление значимых для последующих периодов новообразований, периодизации развития, модели развития личности и ряд других тем кумулируют проблемы, связанные с пониманием принципа развития.

Одна из недостаточно освещенных проблем — смена одних законов и одних факторов детерминации развития другими. А. Н. Леонтьев сформулировал следующую основную закономерность: законы биологической эволюции сменяются в филогенезе законами общественно-исторического развития. Развитие психики в онтогенезе строится на основе присвоения человеком общественно-исторического опыта.

Л. И. Божович отметила связь принципов активности, развития и системности: «В процессе развития происходит качественное преобразование самой личности ребенка, причем происходит оно на основе его собственной активной деятельности и его собственного активного отношения к среде» [Божович, 1976, с. 49]. Межфункциональные системные новообразования закрепляют становление специфических только для человека функциональных систем (речевого мышления, логической памяти, категориального восприятия, способности ставить цели и т. д.). Процесс самодвижения — вот более емкое понятие для объединяющего звучания принципов активности и развития.

Сложность понимания принципа развития в психологии связана с тем, что развитие выступает и как предмет изучения, и как базовая категория, и как объяснительный принцип. Психология развития (и акмеология) выделена в отдельную предметную дисциплину, взаимодействующую с общей психологией, психогенетикой, психологией личности. Анализ развития как актуалгенеза психических явлений происходит с совершенно разных теоретических платформ в рамках разных психологических школ. В самом же принципе развития необходимо, видимо, выделять смены его интерпретаций не только в психологических теориях, но и в разных парадигмах, что еще не стало предметом специальных работ. Сборник «Принцип развития в психологии»[1], подводящий итог его пониманию в психологии к концу 70-х гг. прошлого века, уже не может рассматриваться как репрезентативный с точки зрения новейших достижений в психологии развития. Сегодня совершаются новые открытия, и применительно к принципу развития возможны изменения его понимания. Все чаще говорят о саморазвитии и о самодетерминации как о новых тенденциях в понимании детерминации развития будущим.

Обобщения положений психологических теорий, демонстрирующих реализацию в них тех или иных принципов, — закономерный и привычный путь выделения частнонаучной методологии в психологических исследованиях. Менее привычным является анализ того, в какой степени в конкретной научной теории реализуется тот или иной декларируемый принцип. Дискуссии в психологии стали важным средством прояснения принципов.

[1] Принцип разатия психологии / Под ред. Л. И. Анциферовой. М.: Наука, 1978.

Глава 11. Методология отечественных и зарубежных подходов в современных дискуссиях

11.1. Дискуссии как способ обсуждения методологических проблем

Как можно видеть из уже приведенного ранее материала, для представления методологических проблем психологии наряду с монографиями, статьями и учебными пособиями достаточно репрезентативными являются дискуссии, результаты которых публикуются в виде отдельных статей или выступлений авторов в рамках проводимых журналами круглых столов.

В главах о кризисе и парадигмах в психологии уже была представлена одна из дискуссий, состоявшаяся как круглый стол по проблемам изменения критериев научности в психологии [Психология и новые..., 1993]. При ее организации в качестве центральной была выдвинута довольно общая проблема противопоставления естественно-научной и гуманитарной парадигм в психологии. Но часто дискуссии разворачиваются вокруг конкретных проблем или книг, в которых обсуждение психологических теорий естественным образом связано с апелляцией к тем или иным методологическим подходам. Это, в частности, дискуссии, организуемые психологическими журналами в виде последовательности публикаций статей, посвященных разным точкам зрения на ту или иную проблему. Они более приближены к проблематике развития конкретных психологических теорий, но и в их рамках проблема использования психологических категорий или конструктов высвечивается не только как частнонаучная, но и как методологическая.

Иногда в дискуссии сталкиваются историко-психологическая проблематика и обсуждение возможных ракурсов рассмотрения проблемы с позиций сегодняшнего дня или в метаплоскости сопоставления теорий, использовавших схожие психологические категории, но имев-

ших изначально разные методологические основания. Тогда продвижение психологического знания связано с прояснением методологических позиций именно в контексте возможностей предлагаемых психологических объяснений.

В качестве примера приведем в этой главе две дискуссии, объединенные следующим аспектом — освоением наследия отечественной психологии в работах зарубежных авторов. В обеих дискуссиях нашими коллегами (германским психологом В. Маттеусом и американским — М. Коулом) отечественные исследования, в частности школы Выготского, были представлены так, что именно невнимание к методологическим платформам заставило их сделать спорные выводы, с которыми не могли согласиться читатели. Приведем эти дискуссии в их временной последовательности (1995 и 1999–2000 гг.), тем более что первая носила характер диалога, а вторая охватила более обширную аудиторию участников.

11.2. Дискуссия о соотношении наследия вюрцбургской школы и отечественных исследований (об активности познания)

Редакция «Психологического журнала» обратилась к одному из авторов данной книги с просьбой откликнуться на статью В. Маттеуса «Многоуровневые концепции познания в российской и грузинской психологии (к восприятию идей вюрцбургской школы)», с тем чтобы одновременно опубликовать ее с откликом, демонстрирующим восприятие затронутых проблем активности познания российским психологом, работающим в области психологии мышления. В кратком изложении эта дискуссия представлена в данном параграфе.

11.2.1. Идеи активности познания в отечественной психологии с позиций немецкого автора

Сначала следует сказать несколько слов о самом психологе докторе В. Маттеусе. Он стал автором огромного тома, представляющего отечественную психологию мышления немецким читателям [*Mattäus*, 1988][1].

[1] Он выучил русский язык и, приехав в начале 1980-х гг. в Московский университет, прекрасно профессионально общался на нем с коллегами (его интересовали такие авторы, как А. Г. Асмолов, О. К. Тихомиров и др.).

При написании книги он ориентировался на доступные ему тексты российских авторов, и в целом выбор их оказался довольно репрезентативным, но только в ходе поездки он мог познакомиться с некоторыми проблемами развития психологии мышления с точки зрения внутренней логики соотнесения разных направлений (в СССР). Мир отечественных исследований мышления был рассмотрен им в том состоянии, как он сложился к концу 70-х гг. XX в. И развитие идей активности в нашей психологии познания оказалось так сильно выраженным, что современный немецкий автор увидел их преемственность с развивавшимися в вюрцбургской школе идеями.

М. Г. Ярошевский указал в качестве причины формирования новаторского стиля группы молодых исследователей, работавших под руководством О. Кюльпе (1862–1915) — сначала ученика, а потом ассистента В. Вундта — в небольшом баварском городе, изменение инструкции. Она переносила акцент в самонаблюдениях на процесс решения какой-нибудь экспериментальной задачи. «Все последующее, связанное с усложнением экспериментальных заданий, было предопределено в этом поворотном пункте» [Ярошевский, 1976, с. 313]. Были выделены несенсорные компоненты сознания и поставлен вопрос о детерминации актов суждений, стоящих за вынесением решения даже на уровне сенсорной задачи. Состояние испытуемого как его *предуготовленность* к восприятию раздражителя стало входить в структуру регуляции ответа. *Целеобразование* стало специальным предметом изучения. Обращение к исследованиям мышления стало в вюрцбургской школе первым шагом, нарушающим заложенную Вундтом дихотомию высших и низших процессов как подлежащих и не подлежащих экспериментальному изучению. При этом, по мнению Е. Боринга, автора «Истории экспериментальной психологии» (1950), именно Кюльпе и Титченер обосновали «законность интроспекции как научного метода». К этой школе принадлежали К. Марбе (1869–1953), Г. Уатт (1879–1925), А. Мессер (1867–1937), Н. Ах (1870–1946), К. Бюлер (1879–1963) и др. Историками психологии работа этой группы относится к периоду от 1894 (приезд Кюльпе в Вюрцбург) до 1909 г. (отъезд его в Бонн, а затем в Мюнхен).

Внешним поводом для написания статьи В. Маттеуса послужил 100-летний юбилей вюрцбурской школы и совпавшее с этим празднование 80-летия Московского психологического института. В 1910 г. его основатель Г. И. Челпанов (1862–1936) посетил в Бонне Кюльпе, и позже в институте обсуждались рефераты студенческих работ по психологии мышления, выполненные как освоение работ вюрцбуржцев. «Школу Челпанова» прошли десятки отечественных исследователей. Начиная с 1917 г. Челпанов[1] критиковал методы работы Марбе и Аха. Мы не будем сейчас представлять повороты в отечественной психологии, которые были связаны с заменой той психологии, которую развивал Челпанов (как идеалистической), новыми направлениями, ориентированными на развитие марксистской платформы; это хорошо представлено в отечественной истории психологии. Но укажем вслед за Маттеусом те линии преемственности, которые он увидел в работах советских психологов. Из них он особенно выделяет позиции Рубинштейна и Узнадзе как связанные с наиболее точным знанием и пониманием работ вюрцбуржцев. Он упрекает также российских психологов в традиции умолчания, хотя упоминание вюрцбуржцев было им найдено у Л. С. Выготского, А. В. Петровского и А. Н. Соколова. Первыми же полными изложениями их позиций он называет работы Л. И. Анцыферовой и М. Г. Ярошевского (в его «Истории психологии»).

Маттеуса поразило сходство следующих моментов в эмпирических исследованиях немецкой и российских школ мышления: тщательное «прощупывание» вдоль и поперек протоколов с целью поиска компонентов его селективности, «микросемантический анализ» (в связи с работами группы Брушлинского), те же негативные выводы относительно регуляции направленности мышления (невозможность апелляции к механизму обратной связи, невозможность точной фиксации момента принятия решения и др.). Он указал также на теорию актуальных стадий А. А. Смирнова (1894–1980), впервые описавшего типы понимания; развитие идей холизма у разных авторов; анализ актуального генеза смыслов, что, на его взгляд, прямо соотносит теорию Тихомирова с пониманием безо́бразности мышления. «То, что Тихомиров и его сотрудники описывают как невербальные оценки и эмоциональные предвосхищения в процессе решения задач, напоминает написанный будто бы спустя десятилетия отчет по программе, в которой в начале века вводятся следующие понятия:

- несформулированная мысль (которую также называли интуитивной);
- сферы сознания... настроенность (Мессер);
- "сознанность", состояния сознания, которые репрезентируют смысл без слов (Мессер), среди них — понимание, чувство знакомости, вопрос, сомнение, замешательство, готовность;

[1] При этом сам он подвергся критике со стороны естественно-научно ориентированных психологов, в частности Н. Н. Ланге (съезды по педагогической психологии и экспериментальной педагогике в 1906–1910 гг.).

- чувство представленности — актуальное знание, которое не репрезентировано посредством знака (Ах);
- “мое” в отличие от “всего другого” (Бюлер)» [Маттеус, 1995, с. 53].

Теоретические вопросы о происхождении не дискурсивных форм мышления, источников и форм его мотивации, смысловой анализ Выготским развития произвольной саморегуляции, взаимодействие между решением и автоматизмами (проблема «я думаю» или «мне думается») — перечень пересечений, который указывает Маттеус.

И вот здесь происходит основной поворот в выводах, который недопустим, если учитывать принципиально иную логику развития психологии мышления (и затронутых направлений) в школах, заведомо развивавшихся на иной методологической базе. Ответная статья Т. В. Корниловой [1995] была посвящена оценке того, с чем можно и с чем нельзя согласиться российским психологам, знающим сложную диалектику развития отечественной науки в ее сознательной ориентировке на реализацию марксистского подхода и иным образом представленной идее активности (вне двучленной схемы причинности или постулата непосредственности, о чем уже говорилось ранее).

В ней были приведены доводы о необходимости иного понимания преемственности ряда идей, которые выросли на почве отечественной психологии в других теоретических подходах.

Следующий ниже текст не является в полном смысле слова комментариями к статье В. Маттеуса, так как не содержит подробного анализа всей совокупности изложенных автором проблем. Он направлен скорее на экспликацию доводов в пользу следующей основной идеи: историко-психологическое повествование необходимо включает в себя простановку акцентов в современном наследии отечественной психологии мышления. И В. Маттеус выделил ряд проблем, не бесспорных в плане оценок того этапа развития научной мысли, на котором мы сейчас находимся.

11.2.2. Внешние аналогии в реконструируемых процессах регуляции мышления

Российская психология мышления в недавнем прошлом — раздел советской психологии, в которой именно эмпирические исследования мышления интересны представленностью в их методологических предпосылках «двойной морали». Во-первых, это сознательная ориентация на материалистическое и диалектическое развитие концепций мышления как высшей формы психического отражения. Во-вторых, отмечаемые немецким автором тщательность и скрупулезность анализа

эмпирических результатов на основе привлечения протоколов «рассуждений вслух», в которых предмет изучения реконструировался с достаточно разных теоретических позиций, но с явным выделением процессов саморегуляции как ведущих в становлении мысли. В рассмотрении регулирующих факторов процессов решения задач или интеллектуальных стратегий отечественные психологи обнаруживали редкую гибкость, лавируя между декларируемой методологической позицией «детерминизма» на уровне теории и выявлением на уровне эмпирии свидетельств *активности субъекта мышления*, что часто выглядело как индуктивные обобщения конкретного материала.

Однако проблема индуктивных выводов заключается именно в том, что сама эмпирия не может диктовать критерии для обнаружения наиболее существенных ее свойств. На самом деле именно деятельностная и субъектно-деятельностная парадигмы лежали в основе тех теорий (в школах О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского), которые предполагали принцип активности в контексте деятельностного опосредствования (см. главы 7 и 10). Теоретические же интерпретации в структуре психологического знания, если они приближаются к цели установления существенных (или сущностных) свойств изучаемой реальности, могут приводить к сходным психологическим выводам при достаточно отличающихся методологических установках авторов. Последнее утверждение может служить основанием для следующего заключения: идеи, заложенные представителями вюрцбургской школы, в большой степени просматриваются в отечественной психологии мышления — и это показывает Маттеус. Однако они не просто «перекочевали» в отечественную психологию, а вновь были раскрыты в иных методологических и исследовательских парадигмах. Последнее существенно для понимания как общности, так и специфики постановки проблем активности познания в немецкой и отечественной психологии мышления.

Исходная позиция Маттеуса позволяет ему сопоставлять, например, работы С. Л. Рубинштейна марбургского и московского периодов иначе, чем это делают ученики Сергея Леонидовича (в другой перспективе проблем и тем [Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989]), а также исследования целеобразования и установки. Однако она же не всегда дает возможность проследить преемственность идей, родство которых неочевидно в хронологических и терминологических сопоставлениях. Маттеус ориентируется прежде всего на тексты, когда, возможно, недостающие звенья в большей степени могут быть эксплицированы в «фигурах умолчания», или подтекстах. Сами авторы не всегда раскрывают

эти подтексты, которые часто имплицитно удерживаются; при этом остается возможным многообразие других интерпретационных схем.

Для ряда идей можно было бы указать разные — в советской и немецкой психологии — источники их обоснования, т. е. их внешнее, кажущееся родство. Так, идеи активности в советских исследованиях мышления и активной регуляции познания, как нам кажется, предполагают другие сферы психологической реальности, нежели те, которые обсуждались вюрцбуржцами в начале века. Российские и немецкую школы объединяет отнюдь не общая эмпирия или используемые конструкты, а скорее единая целевая перспектива, исходящая из психологической проницательности в понимании факторов саморегуляции мысли, но при разных методологических реконструкциях субъекта мышления. Идеи многоуровневости в процессуальном и регулятивном аспектах мышления были приняты отечественной психологией благодаря их многократной эмпирической поддержке и зачастую при умолчании необходимых теоретических предпосылок понимания источников и факторов саморегуляции познавательной деятельности, что и позволило немецкому психологу говорить о преемственности этих идей.

Специального пояснения требует использование Маттеусом термина *реактивности*, или импульсивности. С одной стороны, в отечественной психологии сложились устоявшиеся схемы, предполагающие уровневые классификации непроизвольной, произвольной и постпроизвольной регуляции действия и познания. С другой стороны, сами термины реактивного и импульсивного уровней регуляции функционируют в столь разных понятийных схемах, что при современном прочтении работы Узнадзе требуют не только буквального воспроизведения, но и разъяснения специфики их понимания автором. Иначе возникают аналогии с другими механизмами, лежащими в основе регуляции «автоматического», «установочного» или «реактивного» поведения.

Проблемы *диалогичности* мышления также могут быть рассмотрены в более широком контексте «того, что просмотрела», по словам Маттеуса, вюрцбургская школа. Исследования видов целеобразования как процессов, опосредствующих становление, или актуалгенез, мышления, основывались в советской психологии на иных принципах (как и разведение терминов понятийного и предметного мышления), нежели введенные, в частности, в работе А. Мессера.

Далее остановимся на тех проблемах, которые возникают при анализе развернутых Маттеусом сравнений и позволяют высветить наиболее значимые из упущенных им вопросов. Частично эти вопросы представлены в адресованной англоязычному читателю работе Григоренко и Корниловой [*Grigorenko, Kornilova*, 1997], посвященной сопоставлению парадигм исследований социальных и наследственных детерминант интеллектуальной деятельности в отечественной психологии.

11.2.3. Активность и социальная детерминация мышления

Наследие вюрцбургской школы можно оценить по тому влиянию, которое оказывают сформулированные в ней идеи активности субъекта в саморегуляции мысли, в том числе в контексте соотнесения компонентов предметно-образного и безóбразного мышления, принятия задачи и антиципации искомого и т. д., на конкретно-психологические представления российских психологов о формах и актуалгенезе мышления как процесса решения задач. Точнее, здесь следовало бы говорить о *процессах*, протекающих одновременно на разных уровнях, поскольку в отечественной психологии идея *многоуровневой* регуляции стала одной из важнейших, позволяющей соотносить подчас отличающиеся по своей направленности исследования в рамках более общей картины.

Необходимо учитывать, что развитие представлений о детерминации и механизмах мышления осуществляется в отечественной психологии как бы на разных этажах познания: «базовых», т. е. эмпирически нагруженных гипотез, и теоретических, примыкающих к общефилософским познавательным установкам. Эмпирические гипотезы в «наблюдающих», корреляционных, квазиэкспериментальных и собственно экспериментальных исследованиях не всегда «выдают» свое основание (например, так называемые дункеровские задачи используются в исследованиях разных школ). И без ориентации на те общетеоретические позиции, к которым так или иначе тяготеют конкретно-психологические исследования мышления, их трудно адекватно представить. Поэтому повторим некоторые хрестоматийные установки, выделяемые при обсуждении проблем *социальной детерминации* и развития мышления. Идея социальной детерминации мышления была сознательно принятым принципом, в разной степени содержательно конкретизированным в психологических гипотезах. Она реализовывалась в:

- подчеркивании первостепенной роли внешних условий «социума» как факторов становления мышления; социализации как основного пути развития мышления человека, включающей ситуацию «пра-мы»; обучения, ведущего за собой развитие;
- отстаивании принципа историцизма и попытки преодолеть ошибочность как натуралистических, так и социологических направлений в психологии [Смирнов С. Н., 1974, с. 253];

- представлениях о детерминизме интеллектуального развития в контексте способов освоения индивидом того общественно-исторического опыта, который несводим к накоплению индивидуального опыта («присвоение», «трансляция» деятельностей);
- предположении о целостных функциональных системах мозговых процессов, которые конкретизируют понятие материального субстрата новообразований, характерных для психики людей;
- разграничении факторов детерминации в филогенезе, в ходе культурно-исторического развития психики, в онтогенезе и актуалгенезе мышления;
- поиске движущих сил развития в противоречиях, возникающих в жизни ребенка, его деятельности (между новыми задачами и укоренившимися способами мышления, фактической позицией ребенка в коллективе и его притязаниями, образом жизни в данное время и опередившими, возросшими его возможностями);
- усмотрении в структурах деятельности и в использовании знаков, т. е. в речи, решающих факторов «очеловечивания» поведения; включение этих проблем в целостный контекст психологии сознания.

Связующим звеном для многих отечественных концепций (А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна, Г. С. Костюка, А. В. Запорожца, А. Р. Лурии и др.) явилось признание того положения, что именно активность ребенка, особенности его деятельности, т. е. только взаимодействие человека с окружающей действительностью, определяют преломление как внешних, так и внутренних детерминант в психологические регуляторы. Созревание организма и становление нервной системы совершенно необходимы для развития психики, но сами по себе зависят от взаимоотношений ребенка с окружающим миром. Взаимоотношения ребенка с внешним миром *опосредствованы миром взрослых*, т. е. социальная детерминация изначально присуща любым формам активности человека в онтогенезе.

В то же время реализовывались идеи *личностной регуляции* мышления (эмоциональной и мотивационной, в функциях целеполагания и контроля), активности субъекта в развитии процессов предвосхищений (прогнозирования, целеобразования), роли личностного «Я» в процессах метаконтроля и одновременной реализации мыслительной деятельности рядом разноуровневых процессов. О социально-деятельностной детерминации применительно к этим аспектам регуляции мышления можно говорить лишь в генетическом плане; в функциональном же плане

это проявления самодетерминации и *самодвижения* мысли. Проблема культурной детерминации — применительно к идее опосредствования — будет рассмотрена в рамках следующей дискуссии.

Таким образом, идея активности познания в отечественной психологии мышления не связывалась с имманентной активностью идеального «Я». Она предполагала развитие механизмов *опосредствования* интеллектуальной деятельности (миром взрослых, знаков или деятельностных структур), а не развитие индивидуальной способности к непосредственному умозрительному постижению сущностей.

11.2.4. Связь методологических подходов с методической организацией исследований

Специфика интерпретации результатов исследований, выполненных традиционными для психологии мышления методическими приемами (формирование искусственных понятий, «рассуждение вслух», фиксация психофизиологических показателей, решение проблем и т. д.), отражает методологические установки авторов. Поэтому новизна подхода часто заключалась именно в переосмыслении той психологической реальности, которая реконструируется по эмпирическим данным.

Однако и изменения методических приемов, в частности имевшие место при модификации процедуры Аха (методика «искусственных понятий») Выготским и Сахаровым и др. [Экспериментальная психология, 2002], приводили к тому, что российские исследователи выходили на уровни регуляции мышления, отличающиеся от реконструируемых вюрцбуржцами процессов. Нужно ли в получаемой новой фактологии усматривать продолжение наследия немецкой школы или отступление от него — вопрос чисто оценочного плана. Как показал пример работы Маттеуса [Маттеус, 1979], попытка безоценочного реферирования разработок, накопленных за более чем 70-летний период развития психологии мышления в СССР, может выливаться в сотни печатных листов. Таким образом, и установки оценочного плана могут выполнять эвристическую функцию.

Сопоставление методических средств, исходных установок и конкретно-психологических выводов авторов при современном прочтении ряда отечественных исследований дает основание для обсуждения многообразия не-социальных факторов детерминации мышления. Это — раскрытие ряда компонентов регуляции мышления (в том числе интуитивной) на неосознаваемых уровнях, данные о выходе субъекта на этапы решения, не подготовленные предыдущим поиском или имеющейся в его распоряжении системой знаний, о взаимодействии лич-

10-2394

ностных и ситуационных факторов в становлении интеллектуальных стратегий, о принятии решений в условиях неопределенности и ряд других.

Идея социальной детерминации мышления ученого, исходящей из складывающихся категориальных регулятивов [Ярошевский, 1981], не отрицает своеобразия движения творческой мысли, но предполагает дифференциацию видов активности творческого «Я».

Современное прочтение работ прошлых периодов вызвало бы неоднозначные мнения об экспериментальной подкрепленности многих идей. Если введенное О. К. Тихомировым понятие *операциональных смыслов* элементов ситуации в качестве гипотетического конструкта служит обоснованному применением многообразных методик переходу от эмпирического к теоретическому уровню гипотез о структурах мышления, то столь же эвристичное, на наш взгляд (и согласно мнению Маттеуса), разведение понятий личностной и интеллектуальной рефлексии не может пока претендовать на подобную разработанность эмпирической поддержки данных конструктов. Содержательные приобретения в последнем случае, как и во многих других, чаще касались именно качественного анализа, раскрытия новых интерпретационных схем при использовании методического приема «рассуждения вслух», реже — разработки новой методологии сбора эмпирического материала (например, в школе П. Я. Гальперина и Н. Ф. Талызиной).

Хотелось бы также отметить, что отнюдь не все подходы к пониманию активности и регуляции мышления субъекта, сложившиеся в отечественных философских и методологических работах, нашли свое воплощение в общепсихологических разработках экспериментального плана. И именно эти работы часто упускаются из виду зарубежными специалистами по мышлению. Так, в монографии Маттеуса не упоминается работа М. К. Мамардашвили «Содержание и формы мышления», хотя даются ссылки на другие его тексты. Утверждаемые этим автором идеи активности мышления, представление его как *акта*, который требует усилия, может состояться или не состояться, а главное — предполагает ответственность человека за возможность «додумывания» мысли, еще ждут общепсихологической конкретизации.

Отметим также следующую связь подхода и методики исследования. В примере методических схем, которые немецкий автор приводит для описания специфики экспериментальных процедур в школе Л. С. Выготского, не вполне адекватной представляется интерпретация ситуации «буриданова осла». Здесь теряется проблема *самостимуляции* (простейший вариант регуляции выбора — бросание жребия), или перехода испытуемого к использованию «стимулов-средств». В данном случае упущено главное — изменение типа методического приема, а именно перехода от метода *срезов* к методике *двойной стимуляции*. В наследии отечественных методических разработок это тот редкий случай, когда идея активности субъекта органично объединила и теоретическую, и методическую заявки.

Разработка нового «инструментального» метода подразумевала выдвижение новой психологической гипотезы — об *опосредствованном* характере высших, «культурных» психических функций в отличие от «натуральных» функций, имеющих разные происхождение, структуру и уровни произвольности. Хотя высшие психические функции в концепции Л. С. Выготского противопоставляются натуральным, общим контекстом анализа для него являлась скорее проблема «социального и индивидуального», чем «социального и биологического». Ее постановка также вызывала критику сторонников того варианта деятельностного подхода, который был представлен последователями концепции С. Л. Рубинштейна. Так, они отмечали возможность отождествления «социального» и «внешнего» в детерминации мышления индивида. Продолжая эту традицию, А. В. Брушлинский писал, в частности, что «каждый акт освоения тех или иных знаний уже предполагает определенные *внутренние* условия для их освоения и ведет к созданию новых внутренних условий для освоения дальнейших знаний» [Брушлинский, 1968, с. 92], а «сама природа человека есть продукт истории» [Там же].

Другие исследователи указывают, однако, на возможность иных трактовок взглядов Выготского на суть социальной детерминации психического развития. Автор капитального труда по истории теоретических дискуссий в советской психологии А. А. Смирнов отмечал, что представленное в этой концепции понимание *значения* слова как единицы анализа речевого мышления есть ключ к пониманию природы человеческого сознания в целом, а не отдельно взятой человеческой мысли. В таком контексте все речевое мышление есть «общественно-историческая форма поведения» [Смирнов А. А., 1975, с. 175]. Нельзя упрощать и проблему соотношения *житейских* и *научных* понятий, поскольку оба этих вида понятий усваиваются в изначально социальной ситуации общения со взрослым.

Недостаточно отмеченной немецким автором осталась именно идея многоуровневости обобщений. Дело в том, что трактовка Выготским соотношения житейских и научных понятий как *разноуровневых* обобще-

ний не вполне тождественна введенной им же дихотомии натуральных и высших психических функций. Следует учитывать, что о «натуральном мышлении» применительно к дошкольному возрасту в контексте концепции Выготского говорить трудно, коль скоро становление знакового опосредствования интеллекта и сигнификативной функции речи приходится на более ранние этапы развития интеллектуальной деятельности ребенка. Овладение системой знаний в школе дает новый виток в развитии функции означивания. Функциональный характер взаимосвязей между разными уровнями индивидуальных обобщений не означает структурного их подразделения (как двух стабильных понятийных структур мышления).

Само понимание «индивидуального» в концепции Выготского предполагает диалогичность человеческого сознания, в данном случае это возможность относиться к себе самому как к другому, а значит, изменять уровень произвольности собственной психической регуляции. Другая идея Л. С. Выготского — мысль рождается не из слова и не из другой мысли, а из «мотивирующей сферы» нашего сознания — породила множество путей решения проблемы мотивов мышления и соотношения психических процессов субъекта как индивида и как носителя социально заданных форм мышления. Общепринятым для марксистски ориентированной отечественной психологии стало положение об индивидуальном сознании как «со-знании», детерминированном событием индивида и общечеловеческой культуры. В ходе присвоения этой культуры (или общественно-исторического опыта) мышление человека развивается в той мере, в какой он формирует внутренние схемы, пусть не тождественные по своим структурам схемам «внешней» чувственно-предметной деятельности, но уподобляющие способы индивидуальной мысли тем формам ее движения, которые выработало человечество. Контекст передачи этих форм, а именно переход от мышления «сообща» к мышлению индивидуальному, но опосредствованному в структурах индивидуального сознания структурами мысли социума, — более подчеркивался, чем другой контекст — индивидуальной саморегуляции мышления, связанной с переходами между разными его планами (смысловым, внутренней речи и т. д.).

Надо отметить, что именно сложность интерпретации опосредствованности индивидуальной мысли знаковыми системами, трудность сопоставления идей деятельностного опосредствования и знакового опосредствования в едином процессе становления индивидуального сознания привели к критике ряда положений Выготского. Так, А. В. Брушлинский писал о том, что ахиллесовой пятой культурно-исторической теории является именно положение о знаке как проводнике интерперсонального взаимодействия в духовную сферу индивида. Так понятая функция знака ведет к известному «интеллектуализму» (предполагающему приоритет становления сознания по отношению к деятельности) [Брушлинский, 1968]. Удивительно, но «идеализм» Выготского не рассматривается Маттеусом в связи с наследием вюрцбуржцев, т. е. активность «Я» и произвольность субъекта мышления заведомо прописываются немецким автором в иных интерпретационных парадигмах.

11.2.5. Принцип активности и проблема саморегуляции мышления

Положение об опосредствованности регуляции мышления его внутренними условиями прослеживается во многих современных схемах экспериментального изучения мышления, где анализируются субъектные факторы его продуктивности. Вопрос в том, в каком виде задается операционализация внутренних условий мышления и как понимается соответствующая психическая реальность. В качестве внутренних условий рассматривались, например, когнитивные стили, показатели ситуационной и личностной тревожности, личностные свойства и мотивационные тенденции, а также сформированные субъектом когнитивные схемы, установки, операциональные возможности интеллекта.

Вопросы о факторах детерминации мышления сформулированы поразному в исследованиях, посвященных проблемам субъекта мышления и мотивационной регуляции мышления. В исследованиях школы О. К. Тихомирова была представлена трактовка понимания активности субъекта мышления, ориентированная на принципы его смысловой регуляции. Принимая основные положения теории деятельности А. Н. Леонтьева, этот подход сосредоточивался на процессах целеобразования, рассматриваемых в качестве индикаторов *новообразований* субъекта в ходе решения задач. Пока задача не принята субъектом, она решаться не будет. Акт же принятия означает связывание ее с актуализированной в данной ситуации мотивационной структурой. Поскольку личностный смысл можно определить как отношение мотива к цели, доопределение субъектом своих целей могло рассматриваться как индикатор смыслообразующей функции мотива.

Непризнание активности познающего субъекта выражается, по мнению О. К. Тихомирова, в объяснениях становления в ходе познания психических новообразований только внешними факторами, связанными с усвоением заданных схем ориентировки или с использовани-

ем принципа включения объекта во все новые схемы анализа без учета того, какими психологическими механизмами обеспечивается «анализ через синтез». Можно было бы сказать, что исследования О. К. Тихомирова и его учеников (как и другие работы по изучению мотивации мышления, в частности А. М. Матюшкина) представили на уровне конкретных психологических переменных взаимосвязи мышления и «мотивирующей сферы сознания».

Чтобы не упрощать проблему, следует отметить недостаточную разработанность на современном этапе роли саморегуляции в процессах или актах мышления. Из ряда реализуемых в современных исследованиях схем вырисовывается картина субъекта как поля проявления разноуровневых мотивационных компонентов. То есть актуалгенез мышления рассматривается в многообразии связей когнитивных и мотивационных структур, но при этом *самосознание* человека скорее предстает лишь наблюдательной инстанцией, поскольку вопросы о произвольности субъекта в его познавательных устремлениях, в развитии своей познавательной активности, своих мотивов как бы выносятся за скобки анализа. В качестве одного из путей анализа активности субъекта мышления может рассматриваться сейчас изучение проблем познавательного риска (или риска в мышлении, см.: Корнилова, 2003), предполагающее выявление разноуровневых механизмов регуляции интеллектуальных стратегий, позволяющих субъекту преодолевать объективную и субъективную неопределенность условий и средств при принятии решений. В методологическом плане и в плане конкретно-психологического анализа наименее разработанной представляется также тема свободы мышления человека, социокультурного по генезису и формам своего осуществления. Произвольность и готовность следовать (или не следовать) заданным эталонам и разрабатывать новые способы познания и деятельности — это аспекты открытости системы саморегуляции посредством своего мышления.

Особую линию в отечественной психологии мышления представляют работы, так или иначе связывающие регуляцию дискурсивного, т. е. рассуждающего, мышления (при разной форме — визуальной или вербальной ориентировке) с процессами вычерпывания знаний — из ситуации, себя самого, других людей. Одна из наиболее известных общепсихологических концепций здесь может быть представлена исследованиями Я. А. Пономарева [Пономарева, 1976]. Однако нельзя не видеть в методической процедуре, позволяющей испытуемому сформировать «побочный продукт деятельности», следствие активности экспериментатора, структурирующего последовательность приобретения

испытуемым того или иного опыта. При решении человеком реальных творческих задач обычно нет соответствующего «фактора экспериментатора», но есть этапы развития деятельности самого субъекта (будь то ученик или ученый), соотносящего прямые и побочные продукты своих познавательных действий по отношению к разным ситуациям (стимулирующим и выявляющим), образующего конечные и промежуточные цели в ходе процессуального становления тех или иных видов мотивации. Ни в предложенной Пономаревым лабораторной модели, ни в условиях реальных форм мышления не может быть использования накопленных в социуме знаний безотносительно к целостному контексту ситуации взаимодействия с миром людей и миром идей.

Проследить роль факторов «индивидуального» (как превалирующих над факторами «социально заданного» или взаимодействующих с последующими) в регуляции сложных форм интеллектуальных стратегий можно при рассмотрении проблемы использования профессиональных знаний субъектом принятия решений, например в ситуациях постановки диагноза или других типов экспертных решений. Актуализация человеком своего личностного и интеллектуального потенциалов при принятии решений не может рассматриваться в тех трактовках активности, которые связываются с наследием вюрцбуржцев. Наконец, следует отметить и тот факт, что основы понятийного мышления в отечественных исследованиях связываются не столько с безóбразным содержанием сознания, как это было представлено вюрцбуржцами, сколько с определенными уровнями организации самих понятий как средств и результатов мышления. За общезначимой словесной формой могут вскрываться разные типы мышления — эмпирическое и теоретическое, а также разноуровневые системы обобщений и различные механизмы регуляции мышления.

Можно сделать следующее заключение к дискуссии. Общие проблемы активности субъекта мышления и детерминации процессов понятийного мышления представлены в отечественной психологии совсем в иных объяснительных схемах. Закладываемые в организации исследования теоретические предпосылки неоднозначно связаны с конкретно-психологическими выводами о структурах и регуляции мышления. Если не рассматривать проблематику мышления в специальных исследованиях по возрастной и педагогической психологии, а ограничиться полем общепсихологических проблем, то здесь более явной становится направленность на выявление самостоятельности субъекта в мышлении и факторов его актуалгенеза.

11.3. Современная трактовка культурной детерминации: дискуссия о книге М. Коула

11.3.1. «Культуральная» психология

Структуры психологических теорий отличаются, как отмечалось ранее, базовыми понятиями. Однако чтобы проследить это отличие, необходимо провести специальную методологическую работу по выяснению их психологического содержания, которое, в свою очередь, задается связями с другими взаимодополняющими понятиями. Общность двух теорий может оказаться меньшей, чем это подчас представляется автору новой теории, предположительно развивающей базис прежней. Одна из последних дискуссий, состоявшихся в отечественной психологии, была посвящена выяснению вопроса о соотношении двух теорий — культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и «культуральной»[1] психологии М. Коула, представившего таковую в качестве психологии будущего. Выход книги на русском языке [Коул, 1997] позволил не только соотнести основания новой концепции с одной из методологически наиболее проработанных общепсихологических теорий, но и уточнить взаимосвязи используемого в них категориального аппарата в рамках развития основных теоретических понятий в отечественной психологии.

Разные идеи спаяны в книге утверждением нового взгляда на будущую психологию — как психологию, исследующую культурное становление психики.

Неудовлетворенность лабораторной психологией и необходимость возвращения к человеку в культуре как представленному в конкретных видах практической деятельности заставила американского автора обратиться к тем представлениям о культурной психологии, которые развивались ранее в психологии народов Вундта и в культурно-исторической концепции, в кросскультурных исследованиях и в теории деятельности. Но когда речь идет о категориальном анализе, то ряд понятий явно требует специального обсуждения. Они не только утвердились в определенном психологическом наполнении их в отечественной литературе, но и по-разному соотносятся с позиций разных психологических теорий. Их представленность в зарубежной теории у автора, являющегося специалистом-экспертом по советской и русской психологии, к тому же получавшего знания из первых рук — на основе совместных исследований с А. Р. Лурией и на факультете, руководимом А. Н. Леонтьевым, — казалось бы, свидетельствует о расширении сферы влияния отечественной культурно-исторической концепции на исследования в мировой психологии. Но изменение психологического содержания понятий, которые «поплыли» куда-то в другую сторону, заставило специально обсудить: а не было ли здесь подмены? Или это действительно развитие устоявшихся с классических работ Выготского, Лурии и Леонтьева категорий?

[1] «Культуральная» — название книги от английского «Cultural Psychology».

Рассмотрим именно понятийный аппарат этих теорий, хотя при этом необходимо будет учитывать и их эмпирический базис. Роль культуры в психической жизни задается в новой теории представлениями об артефактах как средствах.

Начнем с понятия культуры. Оно не выступает в качестве психологического конструкта до тех пор, пока не включено в психологические гипотезы, где заданы связи его с другими психологическими понятиями. Именно это и происходит в рассматриваемых теориях.

М. Коул четко определяет место этого понятия, апеллируя к пониманию культуры в «Психологии народов» у Вундта и рассматривая его как реально работающее в кросскультурных сравнениях, где оно выступает в качестве аналога независимой переменной. Отечественные читатели знакомы с тщательным представлением методических проблем организации подобных исследований по учебному пособию, вводящему в проблемы квазиэксперимента [Гордеева, 1998]. При таком его использовании психологи принимали заданное там понимание культуры как общности жизни людей на определенной территории в определенный исторически промежуток времени. Но при этом приходилось оговаривать также следующее. Культура как уровень достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни в определенную эпоху у какого-либо класса общества или народа явно выпадает из заданного кросскультурными сравнениями контекста.

Старая проблема оценки уровня культуры в тот или иной период в той или иной стране — по высочайшим ее достижениям или преобладающему менталитету — тоже не выделяет ее в качестве той «психологической переменной», которая видится основным связующим звеном между двумя психологиями (в используемой М. Коулом терминологии В. Вундта) — низших и высших процессов.

В ответной статье российским коллегам, принявшим участие в дискуссии, М. Коул специально оговаривает, что проблема — трудность соотнесения значений понятия «культура» по англо-русскому и русско-английскому словарям — заключается не столько в переводе, сколько

в иных семантических полях при использовании внешне схожих терминов, за которыми может стоять описание разных по сути психологических реалий. Он опирался на понимание «англосаксонской традиции исторического значения культуры как процесса содействия развитию полезных вещей, поскольку оно казалось наиболее пригодным для исследования процесса развития человека и в теоретическом, и в практическом смыслах» [Коул, 2001, с. 95]. Конкретизация его позиции может быть представлена пониманием трех других используемых психологических конструктов: артефакт, контекст и опосредствованное действие. Опосредствованное действие формируется и приобретает смысл высшей психической функции только в культурно-историческом контексте, как бы сосуществующем наряду с активностью как действием субъекта.

Прежде чем перейти к сопоставлению основных понятий двух концепций — *артефакта* у Коула и *психологического орудия* у Выготского, в которых и таится принцип культурного развития человека, отметим проблему неоднозначного понимания преемственности традиций использования психологических понятий в разных странах, в школах с разными методологическими установками.

М. Коул справедливо отмечает, что Л. С. Выготский и его коллеги были чрезвычайно начитанны, что проявилось в их предисловиях к трудам Д. Дьюи, В. Джеймса, П. Жане, Ж. Пиаже, З. Фрейда, Л. Леви-Брюля, Э. Дюркгейма, гештальтпсихологов и многих других. Но далее он отдает русским психологам дань в том, чего они не собирались делать: последователи культурно-исторической концепции якобы «узаконили культурную психологию, которая могла вобрать в себя обе стороны психологии В. Вундта» [Коул, 1997, с. 50]. В этой связи следует рассмотреть по меньшей мере два возражения — оценочного и дискуссионного характера.

Первое возражение. Глубина проработки отечественными исследователями многих тем в становлении психологии познания, в частности в психологии мышления, делает для зарубежных авторов чрезвычайно привлекательной идею о том, что якобы отечественная психология подхватила ряд идей немецких, австрийских, американских и прочих психологических школ.

М. Коул предложил в какой-то степени то же, что и В. Маттеус, — аналогию с исходно иной методологической позицией для понимания отечественной концепции, чем та, на которую она изначально ориентировалась. Вот как он сам резюмирует понимание В. Вундтом конструкта высших психических функций — как «возникающих в результате слияния и наложения элементарных функций» [Коул, 1997, с. 42]. Любому, кто знаком с конструктом *высших психических функций* в методологии культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, понятно, что речь здесь может идти только об аллюзии. Орудийное опосредствование, активность как саморегуляция (понятая более широко, чем произвольность) — вот основные идеи, связываемые с понятием психологического орудия в знаменитом «треугольнике Выготского» (рис. 5 и 6 в следующем параграфе).

Второе и главное возражение. Психологическая модель становления *опосредствованности* высших психических функций, по Выготскому, раскрывает механизм, пусть поданный в метафорической схеме треугольника, но очень четко демонстрирующий специфику содержания и определяющий место этого важнейшего конструкта в культурно-исторической психологии. И этот механизм несопоставим с идеями основателя «психологии народов» и лишь внешне перекликается с идеей «артефактов» отважно переинтерпретирующего культурно-историческую теорию американца. Прежде чем обсуждать судьбу «второй» психологии — культурного развития человека, следует учесть уроки освоения предложенной Л. С. Выготским парадигмы в рамках отечественной психологии. И здесь важны как изменения внутренних позиций, так и критика их со стороны внешних (других подходов).

Отметим три момента, не все из которых нашли обсуждение в статьях, отражающих дискуссию.

11.3.2. Психологические орудия и артефакты

Начнем с сопоставления понятий опосредствования и артефакта. На рис. 5 приведена схема становления опосредствованной реакции, которую Выготский привел в «Истории развития высших психических функций» для демонстрации отличия низших и высших форм поведения, непосредственных и опосредствованных функций. Таким образом, он конкретизировал возможность выхода за пределы метафизического (в рассмотренном ранее смысле) понимания высших и низших форм как «окаменевших», друг с другом не связанных сущностей. Согласно схеме опосредствования по Выготскому, реакция выбора и всякой высшей формы поведения заключается в установлении опосредствующего пути между *А* и *В*. Своеобразием новых структур, характеризующих высшие функции, является наличие в них стимулов обоих порядков.

Теперь рассмотрим треугольник М. Коула, демонстрирующий роль артефакта в субъект-объектном отношении. В нем опосредствующее

звено появляется не в рамках преобразования исходной реакции или операции (рис. 6).

В основание треугольника М. Коула положено взаимоотношение между субъектом и объектом. Третья вершина — артефакт, выступающий посредником между субъектом и объектом. В основании треугольника находятся непосредственные, т. е. естественные функции. Опосредствованные артефактами функции выступают уже культурными, а не естественными.

Итак, *артефакт*, по Коулу, — это не только средство, но и носитель культурного начала (культурной детерминации) высшей функции.

Но это также и посредник, а не *стимул-средство* в понимании Выготского. Отметим замечание, сделанное В. Зинченко и Б. Мещеряковым в их анализе подхода М. Коула: «Казалось бы, термин "артефакт" синонимичен терминам "посредник" и "медиатор". Когда речь идет о том, что человек ставит между собой и природой орудие (труда), последнее можно назвать средством, медиатором, артефактом. Но когда речь идет о другом, т. е. о живом человеке, который выполняет посредническую функцию, язык сопротивляется тому, чтобы другого называли "артефактом"» [Мещеряков, Зинченко, 2000, с. 115]. Наличие этого другого — необходимый компонент понятия опосредствования в концепции Выготского, когда речь идет о становлении знака в качестве психологического орудия.

В модели Коула «артефакты» как аналоги «стимулов-средств» составляют иной культурный элемент, чем в концепции «психологических орудий». На аналогии между средствами (в их двух линиях развития — внешних и внутренних — знаковых) и психологическими орудиями, а не на буквальном отношении последних к реальным орудийным средствам деятельности настаивал Выготский. Позволим себе длинную цитату из «Истории развития высших психических функций»: «*В одном определенном отношении* употребление знаков обнаруживает известную аналогию с употреблением орудий. Эта аналогия, как всякая аналогия, не может быть проведена до самого конца... Более того, наряду со сходными и общими чертами в той и другой деятельности мы должны будем констатировать и существеннейшие различия, в известном отношении — противоположности» [Выготский, 1983, с. 87]. И далее об общности употребления знаков и орудий с психологической стороны: «Таким существенным признаком обоих сближаемых понятий мы считаем роль этих приспособлений в поведении... или, что то же, *инструментальную функцию знака* (все курсивные выделения — *Л. С. В.*). Мы имеем в виду выполняемую знаком функцию стимула-средства по отношению к какой-либо психологической операции, то, что он является орудием деятельности человека» [Там же, с. 87].

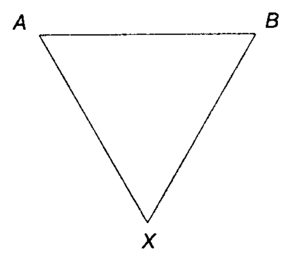

Рис. 5. Схема опыта по Выготскому [1983, с. 111], где «стимул *A* вызывает реакцию, которая заключается в нахождении стимула *X*, который в свою очередь воздействует на пункт *B*». *A* — стимул-объект, *X* — стимул-средство

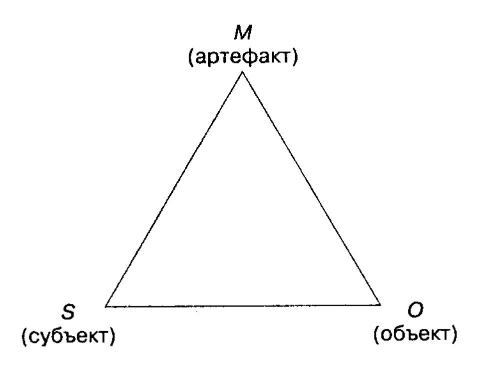

Рис. 6. Базовый треугольник опосредствования по М. Коулу [1997, с. 142], который показывает, что субъект и объект связаны не только «прямо», но одновременно и «непрямо», через посредника, состоящего из артефактов, — культуры

Разработка нового «инструментального» метода подкрепляла выдвижение Л. С. Выготским новой психологической гипотезы — об опосредствованном характере высших, «культурных» психических функций в отличие от «натуральных» функций, имеющих разные происхождение, структуру и уровни произвольности. Введенный термин опосредствованности предполагал становление «психологических орудий» как стимулов-средств, первоначально характеризующих взаимодействие субъекта с партнером в ситуации общения и затем оборачиваемых им на себя в качестве средств управления собственной психикой. Применительно к мышлению таким «орудием» стало слово как знак. Вра-

щивание стимулов-средств внутрь — это переход от внешних знаков к знакам интериоризированным.

Вне деятельности и общения опосредствование не предполагается. Отметим, что речь идет о деятельности как активности, связываемой с инструментальностью и изменением на этой основе «какой-либо психологической операции». Речь не идет о теориях деятельности, где деятельность как конструкт предполагает определенную методологическую схему рассмотрения (реконструкции) тех или иных видов активности как целостных единиц жизнедеятельности субъекта. У Выготского слово деятельность — не конструкт из теории, а процессуально заданное условие, подразумевающее более конкретную (чем теория высокого уровня общности) психологическую модель — акта опосредствования[1].

Американским автором опосредствование понимается как посредничество в формировании обширной сети взаимосвязей. То есть преобразующая роль средства по отношению *к самому субъекту* не предполагается. Предполагается несколько иное: существование артефактов «только в отношении к “чему-то еще”, что разные авторы называют ситуацией, контекстом, деятельностью и т. д.» [Коул, 1997, с. 168]. В этой связи Зинченко и Мещеряков справедливо подчеркивают направленность культурной психологии М. Коула в сторону концепций «надындивидуальных единиц деятельности». Ниша развития, культурная практика — эти и ряд других подчиненных понятий, с одной стороны, вызывают в качестве прототипа идею «зоны ближайшего развития» и социальной ситуации развития, а с другой — все дальше уводят автора от того прочтения понятия «артефакт», которое могло бы быть соотнесено с орудийным его пониманием.

Акты опосредствования происходят (или нет) в мире психологической реальности, где использующий стимулы-средства субъект может вообще ничего не знать о психологии. В то же время психологические понятия, конституирующие основания теории деятельности, функционируют в качестве нормативов мышления психолога, как и рассматриваемые конструкты культурно-исторической психологии.

Итак, зависимость или независимость научного мышления от освоения схем, предполагаемых той или иной теорией деятельности, не может иметь прямого отношения к предположению о том процессе

[1] Приведем в этой связи еще одну цитату из работы Мещерякова и Зинченко: «Перефразируя Л. С. Выготского, можно сказать: кто раскроет механизм одного акта опосредствования, тот поймет всю психологию (у Л. С. Выготского был “механизм одной реакции”)» [Мещеряков, Зинченко, 2000, с. 115].

активности, который имел в виду Л. С. Выготский, описывая модель опосредствования. Можно было бы сказать, что эта модель (треугольник) относится к эмпирическому базису — акту, который он назвал опосредствованием (и удвоение суффиксов — по отношению к термину опосредования — играло здесь важную роль указания на специфику этих актов по отношению к другим, более известным схемам, где средство выводит на понятия посредника или медиатора).

Но нельзя не видеть и того, что, как и «деятельность», «опосредствование» используется в качестве психологической категории — понятия достаточной степени общности, чтобы самому выступать в качестве интерпретационного.

11.3.3. Активность, деятельность, опосредствование

Главное, что ушло в модели артефакта из понятия психологического опосредствования по Выготскому, — индивидуальная активность самого субъекта, обращающего эти стимулы-средства на себя. Ушел весь контекст актуалгенеза той активности субъекта, которая предполагается методиками двойной стимуляции и без реконструкции которой невозможно обсуждать психологические законы, выраженные в виде «параллелограммов развития» (будь то исследование Ж. Шиф или А. Н. Леонтьева). Напротив, анализ овладения артефактами как элементами социума (и в сотрудничестве с другими людьми) был максимально развернут М. Коулом для конкретизации самого понятия артефакта.

Однако предположение о такой активности субъекта — единственное основание реконструкции опосредствования как процесса и как результата изменения психических функций (по их структуре и степени произвольности).

О такой пропущенной в обосновании понимания артефакта проблеме, как изменение уровня произвольности высших психических функций, следовало бы сказать особо. Отметим только, что такой пропуск — естественное и вполне логичное следствие понимание артефактов, не являющихся психологическими орудиями в понимании культурно-исторической концепции Выготского.

Продолжим далее соотнесение понятий опосредствования и деятельности так, как это обсуждалось в дискуссии отечественными психологами.

А. В. Брушлинским был давно представлен свой «счет» культурно-исторической концепции [Брушлинский, 1968]. Однако в контексте сравниваемых понятий мы отметим только то его возражение, ко-

торое прямо соотносит несовпадение категорий деятельности и опосредствования: «Опосредствование характеризует абсолютно все без исключения уровни и сферы бытия, т. е. оно является универсальной, всеобщей категорией, распространяющейся на Вселенную в целом и на все ее субсистемы. Деятельность же, напротив, — это не столь всеобъемлющая категория. Она характеризует не всеобщую взаимосвязь явлений материального мира, а только культуру, вообще социальность... Стало быть, любая деятельность есть также и опосредствование, но не наоборот: далеко не всякое опосредствование есть деятельность» [Брушлинский, 1998, с. 124].

Из этой цитаты видно, что понятие опосредствования берется автором вне модели Выготского. Это тем более важно отметить в связи с неправомерным отождествлением другими авторами представлений о культурной и социальной детерминации. И без соотнесения с другими психологическими понятиями вопрос о соотнесении объемов конструктов опосредствования и деятельности будет оставаться многозначным. Поэтому рассмотрим одно из направлений разграничения объемов этих понятий — соотнесение их с понятием активности.

Развитие представлений об активности у исследователей, развивающих положения деятельностного подхода (в данном случае имеется в виду концепция А. Н. Леонтьева), происходило не только посредством обоснования деятельностного понимания процессов восприятия, памяти, мышления, мотивации, но и посредством утверждения роли додеятельностных или наддеятельностных форм активности, выступающих этапами, или модусами, регуляции познавательной деятельности субъекта (построения образа или регуляции интеллектуальных стратегий). Причем эти представления верифицировались в рамках этой школы экспериментальным путем (в исследованиях восприятия как деятельности, памяти как деятельности, мышления как деятельности).

Функциональное опережение познавательных гипотез субъекта со стороны образа мира (опережающее по отношению к деятельностным структурам) демонстрировало принцип активности в построении образов восприятия [Смирнов С. Д., 1985]. То, что понятие активности выступило теперь как «принцип», означает здесь скорее указание на более широкое поле психологической реальности, чем то, к которому применимо понятие активности в деятельностном подходе. Деятельность как категория не заменялась при этом категорией активности, а была соотнесена как источник становления любых форм активности, деятельностных по происхождению, структурируемых в соответствии с подразумеваемой в теории деятельности уровневыми структурами, и функционально представленных (в актуалгенезе) форм опережающей активности субъекта, не оформленных в таковые структуры.

Анализ исследований принятия решений человеком также привел к пониманию, что функциональный анализ преодоления субъектом условий неопределенности (своими решениями и действиями) предполагает обращение к ряду других понятий, не освоенных как структурные компоненты [Корнилова, 2003].

О кажущемся исчезновении деятельностных источников детерминации активности человека в развитии идей активности личности специально писал В. А. Петровский [Петровский, 1992]. В дискуссии с американским автором Б. С. Братусь обращается к идее активности применительно к смысловой сфере человека, где опосредствование выступает особым образом оценивания соотнесения человеком целей и средств. Активность им связывается с движением в плоскости нравственно-смысловой, пронизывающей деятельность, но не сводимой к ней [Братусь, 1999]. Остановимся на этой позиции более подробно.

Братусь спорил в своей статье не столько с М. Коулом, сколько с А. В. Брушлинским, чтобы подчеркнуть принципиальное значение соотнесения понятий опосредствования и деятельности. Ведущим при этом выступило представление о множественности уровней активности человека. Понятие активности при этом не противопоставляется понятию деятельности (напомним, что, по Леонтьеву, деятельность — это молярная единица активности), а рассматривается как относимое к более широким спектрам реальности человеческого бытия. Апелляция к труду С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» оказывается необходимой именно с точки зрения укрупнения (расширения) категории активности — но теперь в сферу духовного бытия человека.

Братусь предложил рассматривать конструкт опосредствования как всеобщую категорию, имеющую разные уровни[1]. Категория деятельности отражает, согласно его позиции, только один из уровней взаимодействия человека с миром — миром предметным, а точнее, миром

[1] Как участник дискуссии Братусь согласен с Брушлинским, что нельзя свести психологическое понятие опосредствования к рамкам деятельностного опосредствования. Хотя, в отличие от последнего, он считает, что именно идея опосредствования послужила отправным моментом к развитию общепсихологической теории деятельности. Так, А. Н. Леонтьев придавал решающее значение проблеме средств (орудий) для развития «специфически человеческой психики» у детей.

«вещным». Если же обратиться к активности человека на другом уровне — производства смыслов, то вертикаль этой сферы оказывается вне структур, заданных рамками деятельностного подхода (мотив, цель, операция, смысл как отношение мотива к цели).

Не используя прямо понятие надындивидуального, Братусь вместе с тем поместил «узел опосредствования» в смысловые пространства, которые существуют объективно как «единое смысловое поле человечества». «Деятельность не порождает этих пространств, но является способом их выражения и приобщения к ним» [Братусь, 1999, с. 105]. И вклад Л. С. Выготского заключался в указании самой возможности наддеятельностных пространств, с иными законами их становления и функционирования.

Соотношение социального и индивидуального в процессах означивания — не менее важная проблема, демонстрирующая различие представлений об артефактном опосредствовании (по Коулу) и знаковом опосредствовании (по Выготскому).

Б. С. Братусь сформулировал представление о «надличностных смыслах происходящего», имея в виду, что, становясь внутренними, они опосредствуют человека. Мы бы здесь добавили: опосредствуют «второе рождение» человека, если использовать термин, введенный М. К. Мамардашвили в статье об общности — культурогенности — науки и искусства именно с точки зрения искусственности средств, заключающих в себя надындивидуальные схемы «очеловечивания» субъекта [Мамардашвили, 1985].

В других работах Мамардашвили обсуждал также следующую проблему: мышление как акт может состояться или нет, потому что мысль *самопричинна*. Ее возникновению можно способствовать, но нельзя отвечать (и кстати, с позиций самого субъекта мышления) за то, состоится она или нет. При достаточном внимании к роли социальной ситуации развития — ситуации «пра-мы», предполагающей, что ребенок овладевает значениями только в общении со взрослым (а не в силу того, что ему вручили знак), идея свободы человека в том, осуществлять или нет акт опосредствования, как-то ушла на периферию представлений о саморегуляции в школе Выготского. Сходная роль контекста как условия овладения артефактами подчеркивалась Коулом.

Знаковое опосредствование и развитие мышления — неразрывные процессы в теории Л. С. Выготского. Мышление «оречевляется», а речь «интеллектуализируется» — эти две линии развития пересекаются именно благодаря знаковому опосредствованию. Если следовать общей концепции Выготского об инструментальной функции знака и учитывать приводимые в книге «Мышление и речь» исследования, то необходимо различать разные уровни знакового опосредствования, соответствующие двум уровням обобщений (на основе использования житейских и научных понятий).

Тексты Л. С. Выготского оставляют большую свободу в выборе того, что же было главным в этой концепции. Рассматривая акт овладения знаком как «изготовление» знака в его инструментальной функции, А. А. Пузырей подчеркнул психотехнический аспект становления структур высших психических функций [Пузырей, 1986]. Именно «сигнификативные акты» представляют собой человеческий способ регуляции поведения. В них реорганизуется психический аппарат.

В контексте опытов по формированию искусственных понятий Выготский изменил терминологию и стал говорить о стимулах-средствах не как о «психологических орудиях», а как о знаках [Леонтьев, 1982].

Другие исследователи указывают, однако, на возможность иных трактовок взглядов Выготского на суть социальной детерминации психического развития. Автор капитального труда по истории теоретических дискуссий в советской психологии А. А. Смирнов отмечал, что представленное в этой концепции понимание значения слова как единицы анализа речевого мышления есть ключ к пониманию природы человеческого сознания в целом, а не отдельно взятой человеческой мысли. В таком контексте все речевое мышление есть «общественно-историческая форма поведения» [Смирнов А. А., 1975, с. 175]. И в другом контексте прочитывается «опосредованность структуры действия артефактом» в книге М. Коула [Коул, 1997, с. 142].

Таким образом, общность двух рассмотренных теорий на самом деле может видеться в ином ракурсе, чем это было представлено в дискуссионных статьях. В то же время только конкретизация базовых понятий в отношении к учитываемому эмпирическому материалу и категориально представленной психологической реальности позволяет оттенить особенности этих разных психологических теорий и их преемственности.